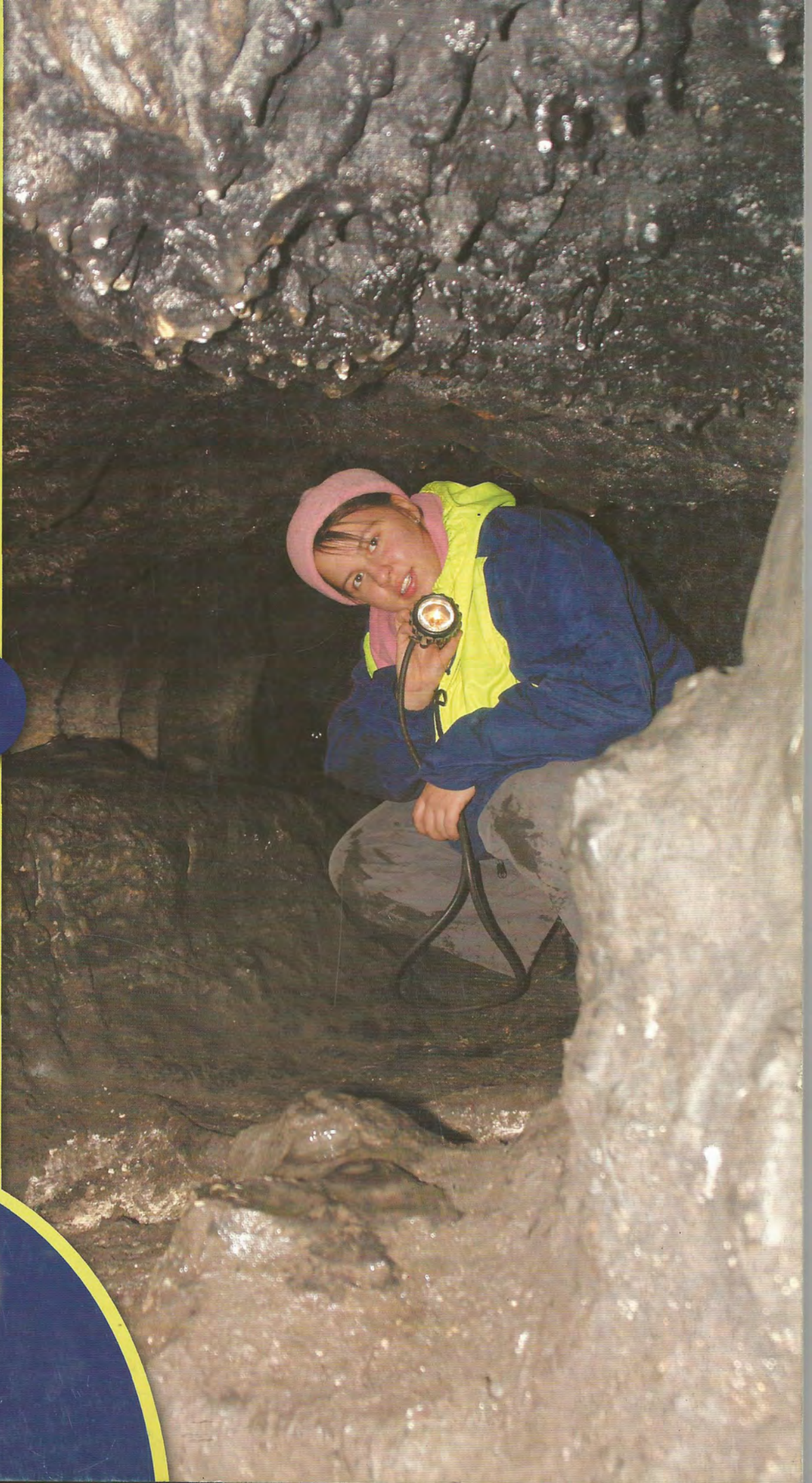

У Р А Л Ь С К И Й № 3, 2007

Снеговик

март
2007

ОЛЕНЬИ РУЧЬИ

Природный парк «Оленьи ручьи» расположен на юго-западе Свердловской области, в нижнем течении реки Серга. Он создан в 1999 году в одном из самых популярных туристских районов Среднего Урала.

Владимир ПУРОНЕН

...Одна из самых забавных ошибок обнаружилась на кубинской марке... с изображением ледокола «Ленин». Художник... решил оживить его фигурками пингинов в правом углу. Но ведь пингины живут только у берегов Антарктиды, а атомоход «Ленин» ходил лишь в арктических водах. По воле художника пингины «переселились» с крайнего юга на крайний север!

Борис ТЕЛКОВ

Пришелец горланил, громко хохотал, поднимал стол пузом, когда тянулся за хлебом... И ел, ел, ел. А еще больше пил.

Евгений САВЕНКО

Взгляд художника способен выхватить из неодушевленной природы знакомый образ.

март 2007

РЕКА ВРЕМЕНИВерсия

С. БАННИКОВ Батый – правда или миф 4

Юбилей

С. СЕМЕНОВА «Учитель! Перед именем твоим...» 12

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ Писательницы России 17

Легенды и были

Г. ПАВЛОВ Курьезные картинки жизни..... 18

Награды субъектов УрФОА. МАКУРИН, В. РУДЕНКО
Награды Свердловской области 24Клуб собирателейВ. ПУРОНЕН Белый раджа Саравака. (Рассказы филателиста)
Как пингинов переселили в Арктику..... 31День Победы

И. ГЛАДКОВА Ордена из кованого сундука..... 66

Далекое-близкоеВ. ЭНДЕБЕРЯ, В. ФИННОВА
«За то, что он поп...» 68Родословная

Н. МЕДВЕДЕВА По следам музейной фотографии 82

АЭЛИТАВремя мастера

Н. ЯГОДИНЦЕВА Стихи 9

Б. ТЕЛКОВ Имя от пришельца..... 34

Истории болезней, колдовства и врачевания... 38

Молодые имена

А. БРЫЛЯКОВА Стихи 22

Фантастика

Б. ДОЛИНГО Загадай желание 55

С. ЩИПАНОВ Седьмая заповедь 75

В. ТАРАСЕНКО Прошлое on-line 84

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕРЗаповедные земли

Олени ручьи 1

Пещера Колокольная 50

Таганай 52

Записки очевидца

Л. БУКРИН Сладкая ягода 30

В. ЕРМАКОВ

В объективе — Урал

Е. САВЕНКО Лики гор и лесов 48

Главный редактор — Максим Фирсов.**Редакторы разделов** — Юний Горбунов, Борис Долинго, Светлана Надь, Евгений Русяев. **Худ. редактор, верстка** — Юлия Ульянова. **Художник** — Ирина Овсянникова. **Набор** — Валентина Кадочникова. **Корректор** — Татьяна Сергеевко.**Учредитель** — общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».**Издатель** — ООО «Уральский следопыт».**Редакционный совет** — Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Станислав Мешавкин, Вадим Осипов.**Наблюдательный совет** — Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»; Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России; Семен Спектор, заслуженный врач России.Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке **Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям** при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области**.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.**Тел. редакции:** (343) 257-45-01, 257-36-62.**E-mail:** info@uralstalker.ru www.uralstalker.ru**Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г. Министерством печати и массовой информации РСФСР**ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 шт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD). **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.**По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 257-36-62.****Вы также можете оформить подписку через агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003», агентство «Урал-Пресс», Почта России**

Подписано к печати 02.03.2007 года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии ООО ПТЦ «ЯСА», г. Красноуральск, ул. Чкалова, 4. Заказ №

да или миф?

(Р^о ссуждения диле^о о ис^о орию и ис^о орико^о)

Ну, ладно... Допустим, полумертвые от голода ордынцы, задействовав внутренние резервы своих организмов, в город ворвались... В городе пожары полыхают, в самых богатых и хорошо укрепленных, по обычаям средневековья, домах и церквях еще горожане бой продолжают, а нападающим до этого и дела нет. Они еду ищут. Все жрать хотят. Так ведь передерутся между собой, плюнув на дисциплину. И главные склады в суете никто не искать, ни тушить не будет, так все зерно там и сгорит, пока татары по домам и сараям шарят. И никто этому помешать будет не в силах, ни командир десятка, ни темник, ни бог, ни царь и ни герой. Голод — не тетка. Попробуй кто-нибудь из монгольских начальников остановить грабеж, организовать поиски продовольствия, его учет и раздачу частям в порядке очереди, разноплеменный сброд, который они в Рязань привели, их же на ленточки и порвет.

Во все времена все полководцы знали, что солдата нужно кормить. Война — войной, а обед — по распорядку. Это у Яна в «Нашествии монголов» Батый и его темники вопросы тылового обеспечения орды на самотек пустили. Много ли они в реальной жизни так бы навоевали? А с Яна какой спрос, он — историк по образованию. Лично я без обоза не взялся бы не только полумиллионную армию к последнему

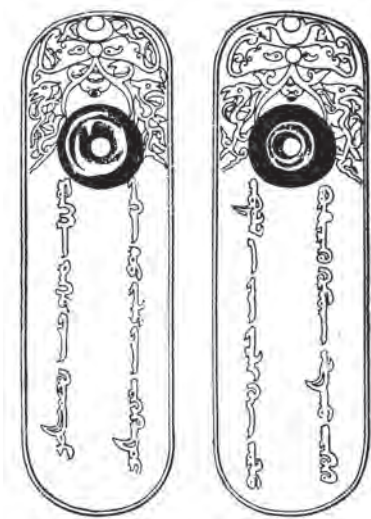

морю вести, но даже одну дивизию не повел бы из Екатеринбурга в Красноуфимск. Попробуй-ка по дороге на десять—пятнадцать тысяч человек продуктов найти. Сколько на это времени уйдет, сколько бойцов по дороге отстанет, сколько дезертирует... Проще поступить так, как все нормаль-

ные люди делали: взять с собой обоз и интендантскую службу, которая обеспечением боевых частей займется и, по мере возможностей, по дороге припасы будет пополнять, но организовано, безо всякой самостоятельности. Грабеж при взятии Красноуфимска, это — само собой, это — святое. Пусть солдатики развлекутся и стресс снимут. Но и во время погрома те, кому положено, должны будут делом заниматься, чтобы самые полезные для армии трофеи не пропали. На первый взгляд оно вроде дольше получится, на деле — быстрее и с меньшими потерями.

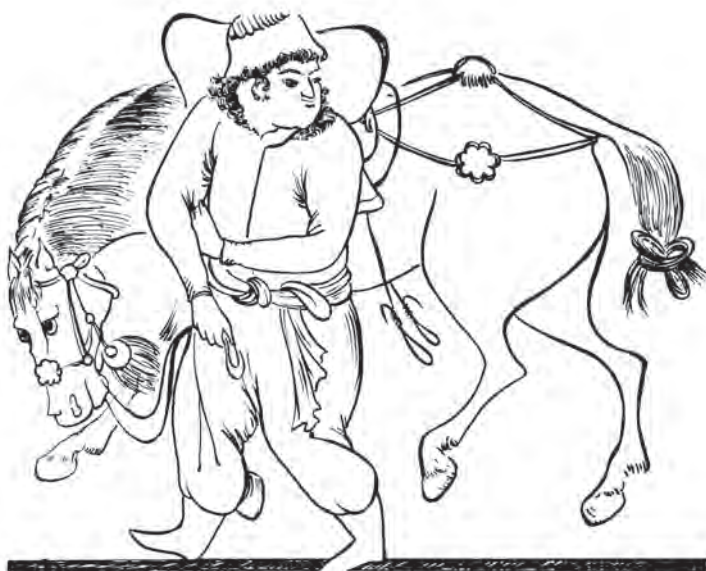
А еще использование монголами пленных непосредственно в боевых порядках своих войск... До этого, кроме историков, никто не додумался. Пленных убивали просто и убивали во время ритуальных жертвоприношений. Заставляли работать в сельском хозяйстве вместо ушедших на войну мужиков и на военных заводах. За пленных брали выкуп. Александр Невский в одноименном фильме планировал обменять пленных на мыло, а нацисты из них мыло и варили. Но прикрываться пленными в бою?.. Может быть, и до Батыя и после него все были гуманистами, один Батый был жестоким чудовищем? Да нет. Полагаю, причина не в этом. Просто в бою пленный больше неприятностей может доставить, чем дать преимуществ.

Бежит солдатик к стене вражеской крепости под огнем противника. Ему от стрел надо уворачиваться, а пленный об-

Монгольская пайца с надписью уйгурскими письменами

(Окончание. Начало в № 2, 2007 г.)

Монгольский воин

зор закрывает. Солдату надо по приказу командира направо повернуть, где успех обозначится и требуется подкрепление, а пленный прямо бежит, он же вражеского языка не понимает. Солдату быстрее нужно обстреливаемое пространство преодолеть, под стенами крепости — какая-никакая мертвая зона, а пленный от голода едва тащится. А еще следи при этом, чтобы пленный оружием не завладел от раненого или убитого. Вот боец на лестницу штурмовую полез, руками за перекладины цепляется, оружием воспользоваться не может. Кто пленному, которого он впереди гонит, помешает ногой пальцы конвоиру отравить, с лестницы скинуть и присоединиться к обороняющимся? В романе у Яна несколько пленных именно так и поступили. Можно смоделировать подобную ситуацию, если сыграть в футбол, поставив перед каждым игроком своей команды по болельщику команды соперников. Много ли толку от такой «помощи» будет. Так что если в боевых порядках монголов при штурмах русских городов русские и присутствовали, то могли они быть кем угодно: наемниками, союзниками, «власовцами» своего времени, в конце концов,

спортсменами-экстремалами, но только не пленными.

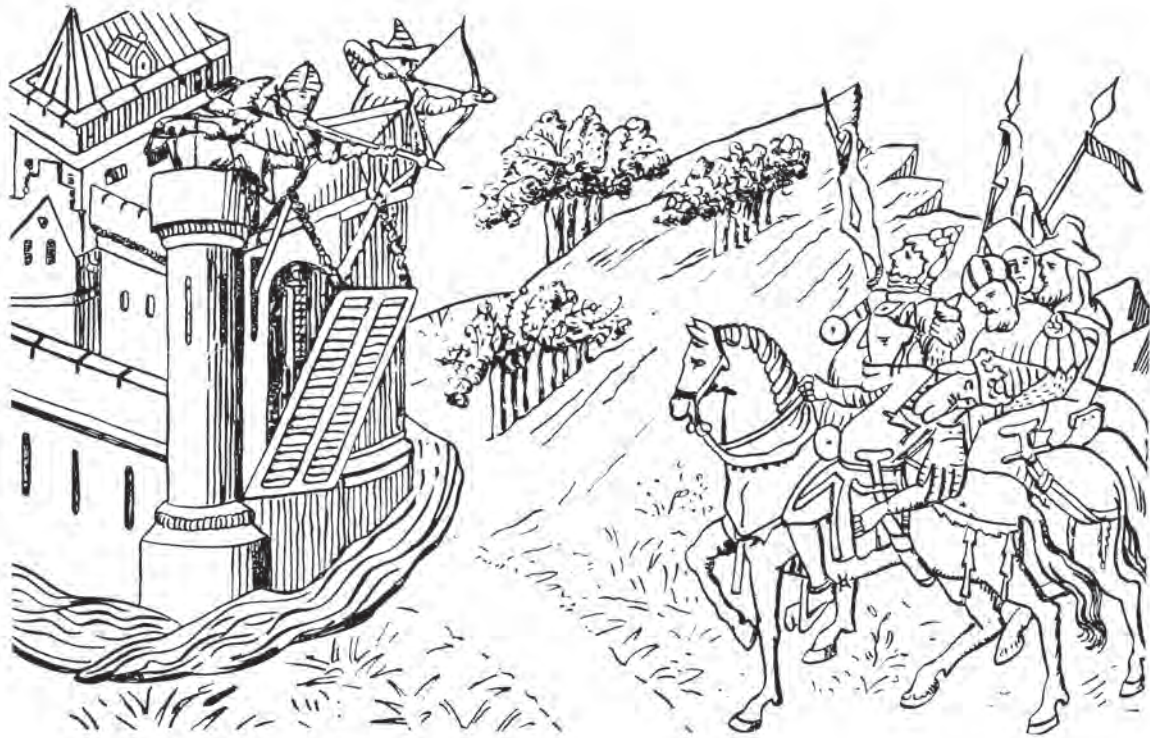
Теперь вернемся снова к фактору времени. Опять вспомним, что нашествие Батыя началось поздней осенью, а закончилось ранней весной. Центральная Россия территорию занимает не маленькую. Как Батый успел, если ему нужно было и осадные приспособления от города к городу перевозить, и армию чем-то кормить, и просто от княжества к княжеству перемещаться по не самым лучшим и прямым в мире дорогам? Говорят, что монголы в качестве путей сообщения использовали замерзшие русла рек... Может быть. Только реки петляют еще сильнее, чем русские дороги. Сильно себе путь спрямить монголы таким бы способом не смогли и время не сэкономили бы.

Еще говорят, что действовали монголы не одним отрядом, а многими одновременно. Это — правильно. Это давало возможность всю Русь за одну зиму разорить и покорить. Пока один отряд город Владимир грабит, другой в это же самое время Москву жжет. Так быстрее получится. Но каким образом Батый и его темники командирам отдельных отрядов задачу ставили, и каким спосо-

бом они между отрядами связь поддерживали? Распустить отряды для самостоятельных действий легко. Как их потом обратно в ударный кулак собрать?

Безусловно, к завоеваниям темники Батыя тщательно готовились. Со слов купцов и лазутчиков и допрашивая пленных, они изучали будущий театр военных действий, составляли карты, по которым затем и ориентировались. Поверить в это можно. Но только до определенной степени. Составленная с чьих-то слов карта, конечно, может дать общее представление о незнакомой местности. Но станет ли она средством для ориентирования на этой местности? Для проверки попробуйте со слов знакомого нарисовать маршрут движения от Ботаники до Уралмаша, не пользуясь при этом ни дорожными знаками, ни светофорами, ни названиями улиц и номерами домов. Только описанием дроб и перекрестков. При этом вам будет гораздо легче, чем Батыю, вы хоть по ширине улиц сможете определяться. А что делать, если дорога от Рязани до Москвы ничем не отличается от дороги из Рязани к ближайшей деревне? Даже не так. Вспомним, что речь идет о средневековье и зиме. Вокруг натуральное хозяйство, не стимулирующее связей между отдельными населенными пунктами, княжеские распри, тормозящие торговые и иные связи между княжествами, зима с ее метелями и буранами и полное отсутствие дорожной техники, способной справиться с заносами. В этой ситуации дорога до ближайшей деревни будет более заметна, чем дорога до соседнего княжества.

По официальной версии историков до самой битвы на Калке русские о монголах ничего определенного не знали. Неведомый народ, который пришел неизвестно откуда и покорил всех соседей... После битвы на Калке монголы снова ушли в свои степи. Контакт между ними и русскими не было. В числе других у Ба-

Смерть Чингисхана. Миниатюра XIV века

тия при нашествии должна была возникнуть проблема языкового барьера. Названия на его карте будут, скорее всего, искажены: русские речку так называют, арабский купец, описывая Русь Судубай-багатуру, ее называет иначе, а последний, рисуя карту, еще раз название перевернет. И, придя на Русь, расспросить некого. Никто из местных жителей не понимает вопросов, никто в войске не может перевести ответов.

Ну, хорошо, есть при ставке Батия несколько переводчиков, и есть одна, нарисованная от руки, карта. Карта очень приблизительная, где с ошибками указаны лишь самые широкие реки и главные города, все названия искажены и не соблюден масштаб. Как с помощью такой карты дать задание командиру отдельного отряда? Как потом этот отряд разыскать, если ситуация изменилась? Как отряд разыщет главные силы, выполнив приказ? Связных посылать по принципу: пойдешь туда, не знаю куда? Так не доберется же связной до места. Либо сам в лесу заблудится

и замерзнет, либо его местные жители угробят, которые как раз прекрасно на местности ориентируются и охотятся зимой на лесную дичь привычны.

Может быть, из-за подобных затруднений войны в средние века отдельными отрядами и не велись — за редким исключением. Шло войско одной колонной, пока не встречало войско противника. Битва. Чья-то победа. И война окончена. Для действий отдельными отрядами не было ни возможностей карты точные составлять и размножать, ни средств связи для руководства этими отрядами. Бывали, конечно, и исключения наподобие Столетней войны или Смутного времени. Но там как раз и происходила у командования полная утрата контроля над своими подчиненными. Носились по стране в поисках наживы отдельные банды завоевателей, формально кому-то подчиняющиеся, на деле — не подчиненные никому. За ними (или от них) рыскали шайки «защитников Отечества», которые тоже давно преврати-

лись в мародеров. Под ногами путались обычные разбойники. Крестьяне, озверевшие от творящегося беспредела до полной потери инстинкта самосохранения, резали и тех, и других, и третьих. Никто из них связи ни с кем ни искал, чтобы не делиться добычей и не вешать себе на шею лишнее начальство. Если кто-то с кем-то ненадолго объединялся, то вскоре между союзниками начиналась склока. Все это продолжалось до тех пор, пока не находилась новая сила, ополчение Минина и Пожарского, например, которая наводила в стране железный порядок по всем правилам тогдашнего искусства. Батый якобы над ордой контроля не утратил. Каким же образом?

И чье-же все-таки это было нашествие, татарское или монгольское? И татар, и монголов я в своей жизни повидал, перепутать или считать их родственными народами невозможно. Это — две разные расы. И еще интересно: сами-то монголы знают, что они кого-то когда-то покорили? Ар-

хеологи подтверждают, что на месте Монголии когда-то существовала великая империя, куда со всего мира свозили награбленные ценности и сгоняли пленных? Ладно, драгоценности могли монголы привезти, да сразу же и закопать где-нибудь в пустыне Гоби (драгоценности еще не найдены). Но пленных-то гнали для чего-то, должны же остаться, и остаться в немалом количестве, постройки или их развалины, оружие или орудия труда, посуда, мебель, украшения, еще что-нибудь изготовленное явно в стиле а-ля русс. Вот рабы в Древнем Риме построили водопровод, он и до сих пор функционирует. Есть в окрестностях Улан-Батора водопровод, сработанный рабами Чингисхана? Историки утверждают, что армия Чингисхана состояла практически из всего мужского населения Монголии (именно так и утверждают; не верите — сами в энциклопедии прочитайте). В этом случае, скажем откровенно, стараниями пленных мужиков-чужестранцев полностью изменился бы генотип нации. Помните, как в «Тихом Доне» благодаря бабке-турчанке Мелеховы навсегда «турками» стали. Наблюдается ли это в Монголии?

Как получилось, что остатки империи Чингисхана, империи монголов, сохранились на более или менее длительное время лишь в виде татарских государств и в тех местах, где татары проживали и до этого. Да и те государства не были отмечены печатью какого-либо необыкновенного величия?

Из-за всех этих противоречий и нестыковок невольно возникает вопрос к историкам. А был ли мальчик? Не произошло ли в XIII веке на Руси нечто иное, что уже позднее летописцы по своей воле или по чему-то приказу стали именовать монголо-татарским нашествием?

Во время двух мировых войн в Германии в большом количестве выпускались агитационные плакаты. Если этим плакатам верить,

то и Русская и Советская Армия предстают в образе орд косяглазых варваров и казаков. Так получалось страшнее и понятнее для немецких обывателей, спланивало нацию, готовило всех немцев к жестокой и бескомпромиссной борьбе, пощады в которой им, в случае поражения, не будет. А кое-какие основания для издания подобных плакатов у пропагандистов были: разве мало в наших армиях было уроженцев Средней Азии и чубатых казаков на лихих конях? Даже в глазах немцев-фронтовиков именно они могли стать символом противника. Почему? Поясню на примере.

Сначала вводная... Осенью 1700 года русская армия потерпела поражение под Нарвой и отступила из Прибалтики. Карл XII, сочтя ее разгромленной, не стал развивать наступление в глубь России. Для действий против русских он оставил корпус Шлиппенбаха, а сам с основными силами отправился в Польшу. Операции против оставленного в Прибалтике шведского корпуса вел фельдмаршал Шереметев, в подчинение которого были переданы полки легкой кавалерии, конная артиллерия и драгуны. Для тех, кто не в курсе, поясню: драгуны — это гибрид кавалерии и пехоты. На марше — кавалерия, в бою, как правило, — пехота с соответствующим вооружением и тактикой,

при преследовании противника или при драпе — вновь кавалерия. До осени 1701 года боевые действия шли с переменным успехом. Поздней осенью, узнав, что противник встал на зимние квартиры на мысе Эрестфер, около Дерпта, Шереметев после скрытого марш-броска внезапно атаковал Шлиппенбаха. Первыми в бой вступили легкоконные полки калмыков и татар, порубившие боевое охранение шведов. Однако затем, когда основные силы шведов построились в боевые порядки, русской кавалерии пришлось отступить, и в дело включилась артиллерия и драгуны в пешем строю. Под их натиском шведы стали отступать, и тут снова пошли в атаку конные полки, которым только покажи слабость... Как должен был вспоминать этот бой уцелевший шведский гренадер? Думаю, и у него в памяти остались лишь татары и калмыки, которые внезапно налетели с воем и визгом и начали рубить его товарищей, а затем и его самого долго, как зайца, гоняли по лесу.

Может, и в те времена, в XIII веке, происходило нечто подобное? Может, и в те времена татарская кавалерия была составляющей частью дружин враждующих между собой князей или одного князя, решившего привести к покорности всю Русь?

Тогда многое становится понятным: и их необыкновенная стремительность (базы снабжения рядом), и прекрасное знание театра военных действий (который год здесь служат), и наличие на штурмовых лестницах русских (это не пленные, а союзники, или даже не союзники, а военнотружущие той же воинской части, только другой национальности).

Теперь задумаемся: могло ли это нечто иное позднее в летописях и хрониках превратиться в иноземное нашествие? Да запросто! На моей только памяти учебники истории (и многие летописи, скорее всего) пять раз переписывались. В среднем — один раз за неполные десять лет.

И я отнюдь не считаю одних лишь своих современников-историков беззаветными тружениками, а историков иных времен — ленивыми бездельниками. Не зря же уставший Пимен глубокой ночью с облегчением говорил:

— *Еще одно, последнее сказанье — И летопись окончена моя...*

Казалось бы, ну чего ему по ночам засиживаться?.. Пришел с утра на работу, записал все, что накануне произошло... Даже если в конце каждой недели, каждого месяца, каждого квартала и каждого года начальство требует составлять компиляцию исторических событий, все равно рабочего времени должно хватать. Пятница — сокращенный день, суббота и воскресенье — выходные, в году — тридцать дней оплачиваемого отпуска... Но это только на первый взгляд все так просто кажется. А как на самом деле оно происходило, легко себе представить...

...Только-только Пимен успел то самое последнее сказание записать и окончить свою летопись, а тут к нему в келью настоятель Чудова монастыря забегает. От злости — сам не свой. Слюной во все стороны брызжет, ногами топает, свитки летописей по полу расшвыривает и, тыча пальцем в один из них, орет не своим голосом:

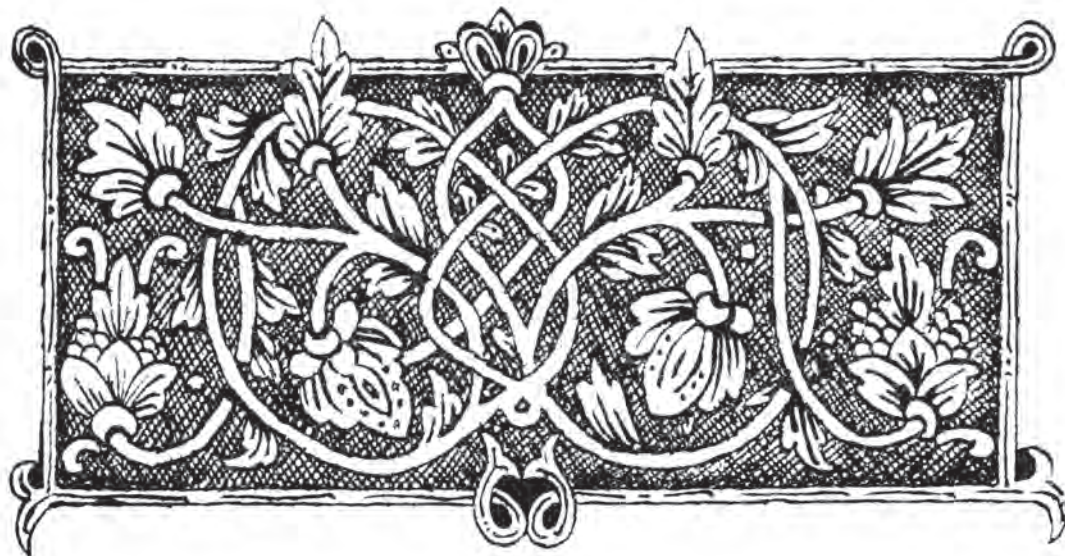
— Как ты посмел, сукин сын, вот здесь, в хрониках за прошлый год, написать, что шайкой самозванца захвачен Путивль? Ты кого имел в виду, называя ставленником польской шляхты? Уж не государя ли нашего Дмитрия Ивановича, коему все мы вчера с превеликой радостью на верность присягали?! Умом тронулся, старый пень? Погубить всех нас хочешь? Не ешь и не спи, Пимен, но перепиши все это заново. Да так перепиши, чтобы незаметно было, что переписано. Иначе весь наш монастырь под монастырь поведешь.

Вздыхнув тяжело, садится снова Пимен за работу. На отца-настоятеля он не обижается. Сам прекрасно понимает, что от написанного им в прошлом году до застенка и дыбы в нынешнем — рукой подать. А труд предстоит немаленький. Просто так в тексте слова «политический авантюрист и самозванец» словами «царь и великий князь Дмитрий Иванович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец» не заменишь. Компьютеры-то еще не изобретены. И зачеркнуть одно, надписав сверху зачеркнутой строки другое, тоже нельзя. Лобным местом такое зачеркивание и надписывание может кончиться. Опять же «проклятых ляхов» надо «доблестными союзника-

ми» теперь именовать. И про католическую веру — помягче в выражениях, помягче, пополиткорректнее... Скрипит пером Пимен день и ночь. Спит урывками и ест всухомятку.

А едва закончил он все переписывать, настоятель — тут как тут. Зашел поздравить с великой радостью: восставшими москвичами иго проклятого вора-анафемы Гришки Отрепьева наконец-то свергнуто. Расправился народ с узурпатором. И надо снова летописи перекраивать. Узнает новый государь, что описано в них, как вдовья царица в самозванце при всем честном народе своего родного сына признала, и обязательно милостиво повелеть соизволит и Пимена на кол посадить, и отца-настоятеля. И еще — человек с десяток из монастырской братии, тех, кто эти летописи читали или видели, или могли прочитать или увидеть. И еще — всех тех, кому вышеперечисленные рассказали или могли рассказать про существование таких записей...

Вот и приходится Пименам гореть на работе, а нам потом гадать: что же на самом деле произошло в том далеком 1238 году. Почему же татары, придя на Русь грабить, богатый Смоленск, дойдя до его стен, не тронули, а ничем не примечательный Козельск несколько недель штурмовали?..

Нина ЯГОДИНЦЕВА

* * *

Необъяснимо — там было что-то иное:
В радужной плёнке палящего душу зноя
Горы вдали, и облако над горами,
Словно платок, безнадежно прижатый к ране.

Что-то иное: и поделиться не с кем
Не одиночеством — чистым озёрным плеском,
Зыбью, качающей лодочку или щепку..
Непостижимо! Но держит легко и цепко,
Словно репей, высыхая до золотого,
Память: ещё до света, ещё до слова.

Только тогда, не владея высоким слогом,
И никаким вообще, я делила с Богом
Тайну молчанья и тайну преображенья:
Лёгкого струения и скольженья...

Но то, что было водой, настигает лавой,
Славой кромешной и оттепелью кровавой,
Зверем, молча кладущим лапы на плечи,
Властно зрачки сужающим: жажда речи.

* * *

Ещё в осеннем, выйдя из-под
Сырого снежного крыла,
Поблёскивая золотисто,
Речушка мелкая спала,

Как будто с неба в сон упала,
Как будто всю впитала тишь...
Но задышал весенним палом
Сухой обветренный камыш —

И волны мечутся, и мнутся,
И задыхаются у дна:
О, как боится прикоснуться
К спалённым берегам она...

* * *

Июль похолодел: на грозовых фронтах
Стеной блещут мечи, роями ходят стрелы.
Мы вечно на войне. Мы часто на щитах.
Все смерти наизусть привычно помнит тело.

Июль похолодел. Бледнее полотна
Клубничная страна с высокими кострами
Взволнованных берёз, и эта тишина
Похожа на полёт в клубящемся астрале.

Июль похолодел! Отхлынувшую кровь
Не в силах удержать испуганное сердце:
Так бражник записной, уставший от пиров,
Отводит кубок прочь, хотя хозяин сердится.

Июль похолодел... Я знаю этот страх,
Шуршащий, золотой, как спелая солома,
Но дальние лучи пылают на крестах
И дыбят горизонт покатые шеломы,

Но сердце через миг пускает время вскачь,
Но молния в руке горит, не обжигая —
Любимая, земля, прости меня, не плачь,
Любимая, прости, любимая, живая...

АВТОР

Нина Александровна Ягодинцева — выпускница Литературного института, член Союза писателей России, автор 9 книг, поэтических, литературно-критических и научных публикаций в литературных и научных изданиях Челябинска, Москвы, Петербурга, Красноярска, Петрозаводска, Екатеринбурга, Ставрополя, Воронежа, Чебоксар, Омска, Оренбурга. Стихи вошли в антологии: русской женской поэзии «Вечерний альбом» (М., «Современник», 1991), «Современная уральская поэзия» (Челябинск, фонд «Галерея», 1996), «Антология русского лиризма. XX век» (М., «Студия», 2000), «Современная уральская поэзия» (Челябинск, фонд «Галерея», 2003).

Лауреат литературных премий имени П. П. Бажова (2001 год) за книгу «На высоте метели» и имени К. Нефедьева за рукопись книги «Течение донных трав» (2002 год). Руководитель Челябинской литературной мастерской. Старший преподаватель сценарного мастерства на кафедре режиссуры театрализованных представлений и празднеств Челябинской государственной академии культуры и искусств, кандидат культурологии.

* * *

Ребёнок рябины, веснушчатый, ломкий,
Неловко расставивший локотки,
На цыпочки встал у разломанной лодки,
У тёмной реки.

На цыпочках, вытянув тонкую шейку,
Глядит зачарованно, не дыша,
На тихую воду, малиновый шелест,
Туман в камышах.

Аукают няньки, бегут на опушку –
Нашли! Обнимают, теребят, грозят
И горькие щёчки целуют: неужто
Не хочешь назад?

Не след бы младенцу стоять у затона,
Где прошлая тайна его сторожит –
Ему, несмышлёному, слишком знакомо,
Как вечность бездонна,
Как время бежит.

~o " ^ ^ e с птицами

Поманил небесный берег,
Облачной чертою явленный –
Сколь серебряных свирелек
Брошено в саду под яблоней!

Рыжие обрывы рек ли,
Ветви, стрехи да скворечники
Затуманились, померкли
Перед гнёздами нездешними...

Нам привычней сеять ропот
И уста сушить молитвами –
Там ведь тоже нежность копят,
Ждут, поют, стучат калитками,

Выпекают жаворонков,
Выбегают, машут, празднуют,
В полотенечки на кромках
Заплетают нитки красные...

То-то край назвали раем
По его заботам истовым...
Мы свирелки подбираем,
Что-то грустное насвистываем.

Только больно неумело,
Даже если очень грустное:
Дунул – сердце онемело,
Сжал сильнее – свирелка хрустнула...

* * *

На птичьем языке, на лиственном наречье
Стихи читать легко: шепчи да щебечи,
Пока из синевы летят тебе навстречу
Сырые сквозняки и острые лучи.

У самой кромки губ, на розовом припёке,
Медовая на вкус, проступит тишина –
В ней пчёлы пьют нектар, который пили боги,
И умирает боль, безвинно прощена.

Легко читать стихи, не ведая искусства
Придумать для себя иной именовослов...
Слова придут потом. Придут – и отрекутся.
И нас научат лгать. И отрекутся вновь.

* * *

Смотрите, спящие, смотрите же,
Как звон гуляет в граде Китеже,
Расшатывая окоём
В смятенье яростном своём!

Смотрите, если вы не слышите,
Как волны, молниями вышиты,
Идут и падают внахлёт
На берег, полный сбитых звёзд!

Звон поднимая до Всевышнего,
Беззвучно ратую: услышь его! –
К востоку обратясь лицом,
Звонарь раскачивает сон.

А наяву гуляют ордами,
Глумясь над спящими и мёртвыми,
И голь не срам, и стыд не дым,
И веки тяжки – невподым...

* * *

Город холодом набит
Как мешок хрустящей ватой.
Не туманит, не знобит,
Но пылаешь виновато:

На Рождественский мороз,
На Крещенские оковы
Столько радости пришлось –
Нестерпимой, родниковой,

Обжигающей уста,
Занимающей дыхание
Как дитя или звезда
Или свет под слабой тканью

Ежедневной суеты,
Наспех сотканной вручную
За мгновенье до беды,
За полшага в жизнь иную.

* * *

Выцвели бутоны полушалка,
Очи стали глубже и темней
В нищете безвыходной и жалкой,
В неизбывном страхе за детей.

Век сошёл, обрушилась держава,
Хищною травой поросла –
А она терпела и рожала,
Ношу неподъёмную несла,

Сберегая душу от надлома,
От пророчеств и иной чумы
Посреди ветшающего дома
В глубине почти недвижимой тьмы...

Всё, что мир в безумии растратил,
Горьким пеплом в пажити легло.
Потемнела ликом Богоматерь,
Опустила кроткое чело.

А она жила покорно рядом
И шептала вечное «прости»,
Каждый день лоя печальным взглядом
Взгляд с холодной лаковой доски...

Н, яб° . Аст° · л ^ · я п° , ~кцъ я

Астрал – это поле, куда устремляются астры,
Цыганское племя, спалившее осень дотла.
Их дети бегут за кибитками вслед, голенасты,
Смуглы и глазасты, одеты – в чём мать родила.

На тёплых кострищах, кошму подтянув к подбородку,
Коленки костлявые крепко руками обняв,
Они засыпают, во сне улыбаясь неловко
Привычной улыбкой морозом застигнутых трав.

А здесь – то ли родина, то ли зима, то ли просто
По крыши засыпало – можно стоять в полный рост
В огромных сугробах, где звёзды, и звёзды, и звёзды –
Бесчисленно звёзд.

* * *

Что сердце слабое? Трепещет
Надеждой перемены мест?
Ты эмигрант, ты перебежчик,
Невозвращенец и мертвец.

Твой век не вышел из окопа.
Твой год уже полёг костями.
Твой час настал – но неохота
В сырую землю, чёрт возьми!

И вот стоишь перед таможенной
С нелепой ношей за спиной:
Со всей великой, невозможной,
Смертельно вечною страной...

Экспр, мт

Сначала поспевают воздух,
Теплом напитывая поры,
Спелеет яблоком прозрачным,
Упасть боится раньше срока
И копит розовую сладость.

Потом, когда приходит май,
Она перетекает в листья,
В цветы, пчелиный гул и грозы,
И хочется, чтоб это длилось
Хотя бы вечность.

Но с утра
Откроешь окна в сонный август –
Как воздух, яблоки висят,
Тебя дыханием касаясь...

* * *

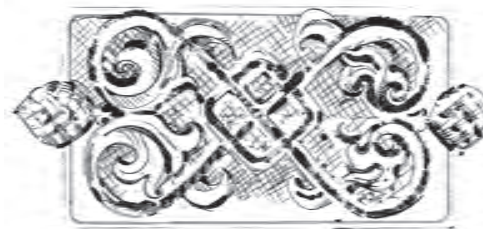
Непогода пришла как отряд батышки Махно:
Гогоча, из горла прихлёбывая, прикладом стуча в окно,
Выгребая запасы осенние из подвалов и с чердаков...
Да не бойсь, чего там – ноябрь всегда таков.

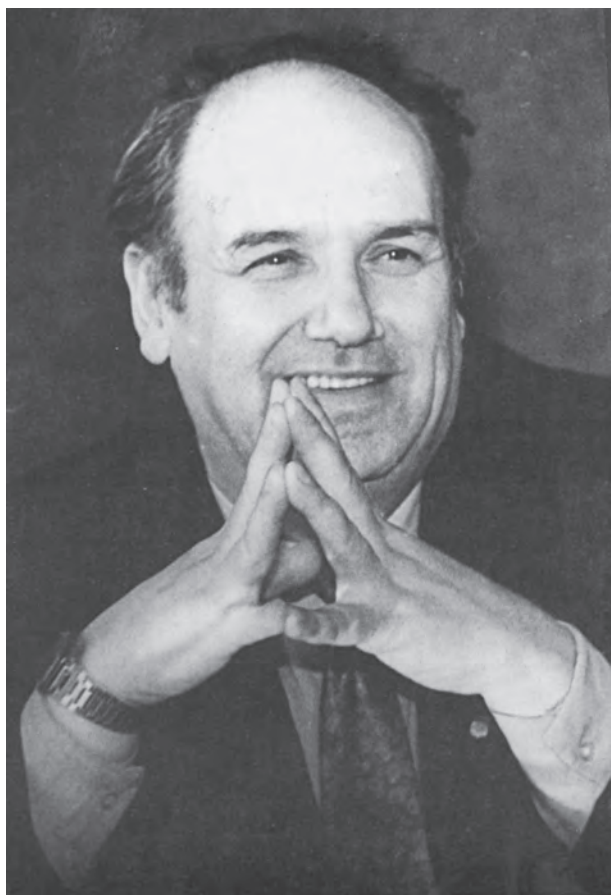
Если воля и холод сойдутся – родится смерть.
Ничком на овчинку неба падает степь,
Серая, буранная пустота,
Но сердце уже не обманешь – родная, та,

Где не за что ухватиться душе слепой,
Где – если заплачешь, в сердцах оборвут: не пой!
А замёрзнешь, потряхнут за шиворот: встань!
Россия моя, Россия, свиданье тайн

Непостижимых! Когда по снежной стерне
Ведут, матерясь, к обрыву или к стене,
На сквозном перекрёстке иных дорог
Свернут напоследок сигарку: курни, браток...

И ты вдыхаешь дымок и не помнишь зла.
О жизни ли горевать, если всё – зола?
О смерти ли, если даже махра – сыра?
Крайнему: докурите, а мне – пора.

«Учитель! Перед именем ТВОИМ...»

На протяжении двух десятилетий многоотраслевым вузом-гигантом — Уральским государственным техническим университетом (УГТУ-УПИ) — в экстремальных нестабильных условиях нашего времени руководит Станислав Степанович Набойченко. Нынче ему исполняется 65 лет.

Посвятивший жизнь Уралу и его тяжелой цветной металлургии, Станислав Степанович родился в Крыму, в г. Евпатории. Он украинец по отцу, который погиб под Сталинградом через полгода после его рождения, и грек по матери, которая была и его первым учителем. Может быть, такое смешение кровей обеспечивало ему высокий код жизни. Мария Георгиевна (в девичестве Харабаджи) учила детей в школе химии и биологии. В 1947 г. она вместе с сыном и старшей дочерью переехала в деревню Кашино Сысертского района. Дети воспитывались в детском доме «Лесная школа». Детство Стаса проходило в условиях острого недостатка мужского влияния, что мало способствует воспитанию сильной личности. Тем не менее... Нет правил без исключения.

Семилетку Станислав закончил на отлично. «Золотом» отмечены и все последующие этапы обучения: диплом с отличием по окончании Свердловского горно-металлургического техникума (1958 г.), Ленинская

стипендия в годы учебы в УПИ, «красный» диплом по специальности «Металлургия тяжелых цветных металлов» (1963 г.), аспирантура и блестящая защита кандидатской диссертации в 1966. В студенческие годы он руководил молодежным научным обществом, был капитаном волейбольной сборной области. Затем 10 лет заведовал лабораторией в институте «Унипромедь». Немаловажная деталь, отмеченная его коллегами по кафедре: начало педагогической работы в УПИ отмечено тем, что в группе выпускников 1983 г., где Набойченко был куратором (или «папой», как звали его студенты), несколько человек стали директорами крупных заводов. С 1988 г. он — бессменный заведующий кафедрой металлургии тяжелых цветных металлов. Пять лет декан самого большого факультета УПИ — металлургического, затем секретарь парткома института и, наконец, ректор его. «У меня такое впечатление, что меня готовили к должности ректора».

Таков краткий послужной список нашего героя.

Перечень всех почетных званий и наград родины председателя совета ректоров вузов Уральского федерального округа С.С. Набойченко займет не одну страницу. Назовем лишь некоторые: вице-президент Российского союза ректоров, доктор технических наук, академик шести российских и международных обще-

Мария Георгиевна (в девичестве Харабаджи). 1971 г.

ственных академий, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации, член президиума Уральского отделения РАН, член Американского общества инженеров-металлургов, почетный доктор Монгольского и Оренбургского технических университетов, Почетный гражданин г. Екатеринбурга.. Его имя внесено в общероссийскую энциклопедию «Лучшие люди России 2005–2006 гг.».

Большой ученый немислим без книг. Набойченко — один из самых пишущих в университете, а его кафедра, как правило, традиционно первая по этому показателю. Он автор более трех сотен работ, в том числе 22 монографий, справочников и учебников. Последние удостоены премии правительства РФ в области образования (2002 г.).

Беру в руки одну из книг: «Автоклавная гидрометаллургия цветных металлов». Она написана совместно с ведущими учеными С.-Петербурга Я.М. Шнеерсоном, Л.В. Чугаевым и академиком АН Казахстана Л.П. Ни. Обобщает полувековой опыт исследований в автоклавной гидрометаллургии, за которой, по мнению инициатора издания, её ведущего автора и редактора С.С. Набойченко, — будущее.

Можно подробно говорить и о других капитальных трудах профессора, например, учебнике «Гидрометаллургия меди», по которому учатся студенты соответствующей специальности всей страны, или справочнике «Металлургия порошков цветных металлов», отмеченном многими наградами Министерства, различных выставок и переизданном за границей...

Но больше других меня удивили книги Набойченко о металлургах Николае Барабошкине и Василии Смирнове — два внушительных тома, посвященных жизни создателей цветной металлургии.

Н.И. Барабошкин в рабочем кабинете. 1927 г.

Учёный об учёных... Это интересно, тем более что книги рассчитаны на широкого читателя и всех, интересующихся историей Урала.

Задаю несколько вопросов своему вечно занятому герою.

— **Что заставило вас взяться за такую необычайно трудную работу, изобилующими архивными документами, фактами биографий, воспоминаниями?**

— Я хорошо осознаю, что большая часть жизни позади, и спешу делать добрые дела: кому-то помочь, успеть побывать там, где я больше всего нужен. Если ответить на ваш вопрос кратко, то: «если не я, то кто же?» Считаю, что мне в жизни повезло. Я получил в наследство от своих учителей их мысли, образ жизни, отношение к людям и делу, навыки в научной и организационной работе и многое другое. Эти сокровища я обязан передать потомкам, дополнив их своими размышлениями. Мне представляется чрезвычайно важным восстановить единую связь времен, единое интеллектуальное поле ученых Урала. Это формирует диалектику поступательного развития науки, культуры и всего общества.

Время неумолимо делает свое разрушительное дело: ещё немного, и жизнь моих предшественников, необычайно колоритных людей с пытливым умом и «божьей искрой», может безвозвратно кануть в Лету.

А ведь это целая неповторимая эпоха. Оба учёных, по происхождению из крестьян, работали на крутом изломе истории, в сложнейших социальных и политических условиях, выпавших на долю России уже с первых лет XX века: революция, Гражданская война, массовые репрессии, Отечественная война, культ личности...

И Николай Николаевич Барабошкин, и Василий Иванович Смирнов — выпускники старейшего вуза

России – Петербургского горного института. Оба создавали цветную металлургию страны. Оба положили начало основанию высшего образования на Урале. Оба, несмотря на беспартийность, были страстными патриотами страны и самоотверженно служили своему делу.

Н.Н. Барабошкин – это талантливейший самородок, «Ломоносов в цветной металлургии», создатель первого на Урале научно-исследовательского отраслевого института цветной металлургии, первый «красный директор» завода обработки цветных металлов, организатор соответствующих кафедр в вузах. Его беспартийность и образ жизни никак не вписывались в стереотип тех лет, потому что тогда только коммунист имел право на биографию. Ну, как же не восстановить в истории незаслуженно (а иногда и сознательно) забытого предшественника, по следам которого идут четыре поколения металлургов-цветников?

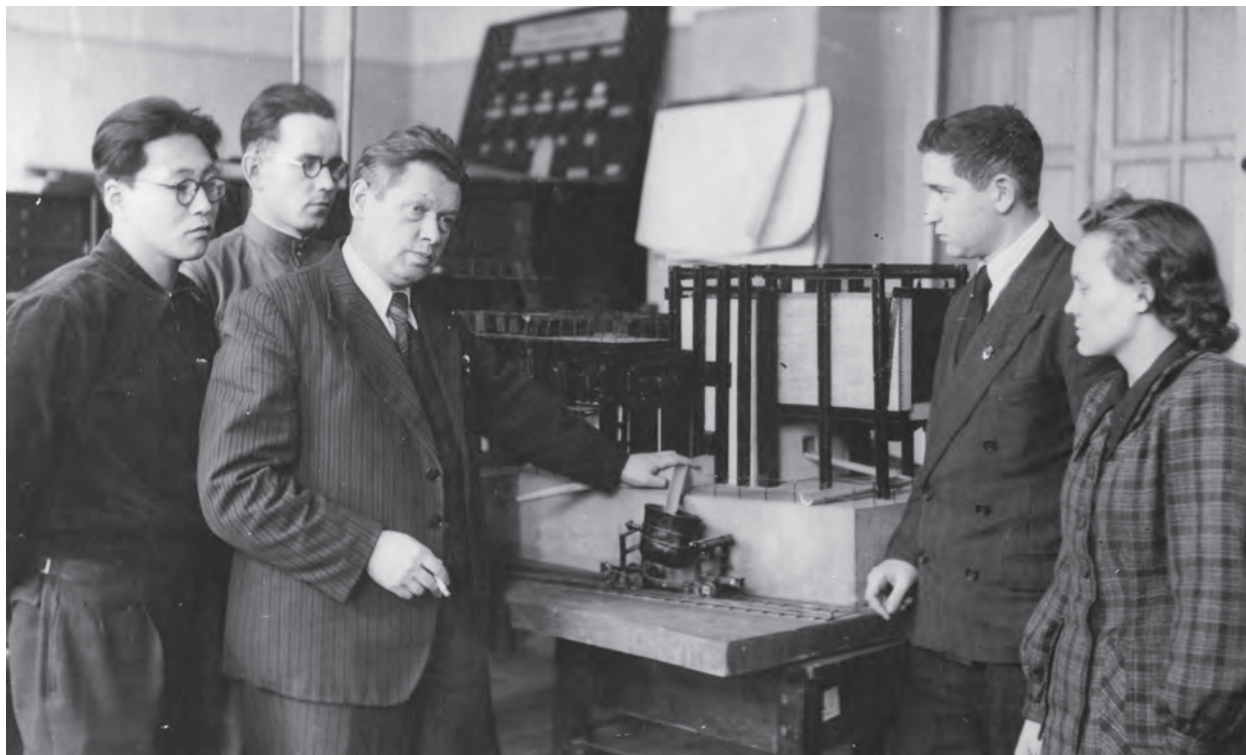
По отношению к В.И. Смирнову – бессменному руководителю кафедры МТЦМ на протяжении 40 лет – это, кроме прочего, личная благодарность Учителю, «духовному отцу», удивительные лекции которого я слушал студентом, у которого учился в аспирантуре, в соавторстве с которым у нас родилось 20 книг. Книга «Металлург Василий Смирнов» посвящена 100-летию со дня его рождения. Мог ли я пройти мимо этой даты?

Считал также необходимым воздать должное своим коллегам, ветеранам, «птенцам гнезда Смирнова», блестящим педагогам и ученым, талантливым инженерам и лаборантам.

— А какими они были в жизни, ваши герои?

— Николай Николаевич Барабошкин – большой оригинал и самобытная личность, интереснейший собеседник и самый авторитетный консультант своего времени; живой, подвижный, он поспевал везде. Смел был до дерзости, характер имел неуживчивый, колючий. Бескомпромиссный в суждениях и открытых дискуссиях с «сильными мира сего». «Мудрого непокорного Николая» высоко оценила при жизни слабая, но лучшая половина человечества – женщины боготворили его. И он отвечал им щедрой любовью, оставив после себя большой род жизнелюбивых и стойких альтруистов – «барабошек» (да не обидятся на меня за эту шутку его многочисленные внуки и правнуки, которых мы старательно восстановили в зеленом древе жизни).

Василий Иванович Смирнов был человеком с чувством собственного достоинства и сознанием своей значимости. И не без основания. Он был провидцем и в науке, и в жизни. От него на расстоянии веяло культурой и сильным интеллектом. Никогда ни при каких обстоятельствах не шел против совести. Ненавидел спешку, считая ее причиной всех бед и ошибок. Одевался не без щегольства, одна костюмная тройка чего стоила! Лакмусовой бумагой интеллигентности и порядочности считал отношение к национальному вопросу: всех нас и белорусов, и украинцев, и греков, опекал одинаково по-отечески и выручал в щекотливых ситуациях. Это был великий интернационалист, воспитанники которого и сейчас занимают ведущие посты в Китайской Народной Республике, Корею, Болгарии. Но в политику никогда не лез. В личном плане – мамонт-однолюб, всю жизнь поклонявшийся-

В. И. Смирнов на занятиях в учебном кабинете у макета отражательной печи

ся единственной любимой женщине с такой же преданностью, как и науке. Всегда одинаково ровный и доброжелательный со всеми и беспощадно требовательный к тем, кому симпатизировал (особенно доставалось нам с И.Ф. Худяковым).

— **Коль вы сами вспомнили о Худякове, расскажите о нем поподробнее. В книге о Смирнове он смотрится как второй ее герой.**

— Великий Иван — очень сильная личность, достойная отдельной книги. Русский богатырь, статный, красивый, скорый на язык, любимец студентов, он никогда, нигде и ни в чем не довольствовался вторыми ролями: неожиданный на научных дискуссиях, ловкий за теннисным столом, разудалый и искрометный на банкетах — везде неизменно первый.

Ему хотелось подражать не только в отношении к делу, но и в его манере одеваться, двигаться, в его неповторимой жестикуляции и мимике, в сочных эпитетах и оборотах речи, которые с восхищением повторяла вся кафедра, в том числе и «потерпевшие».

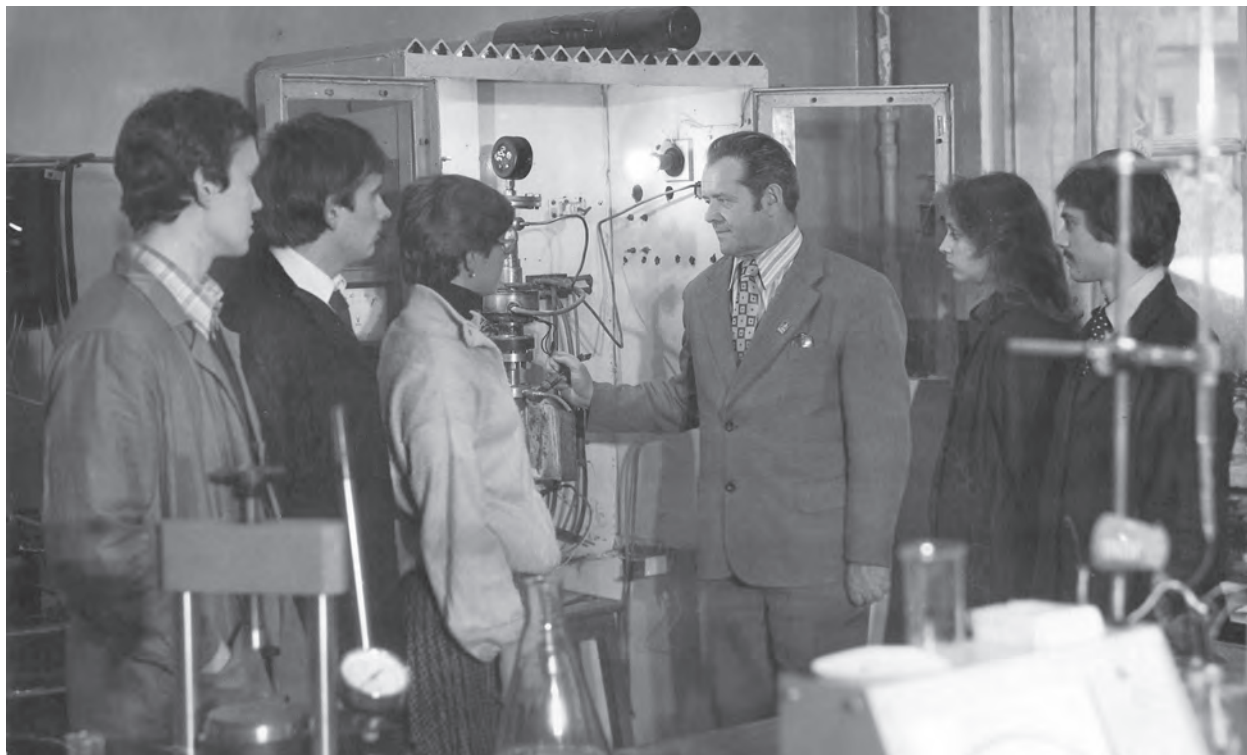
Его сформировала Великая Отечественная война, на которую он ушел добровольцем. В минуту откровения он рассказывал мне, как, будучи разведчиком, выполняя задание, полураздетый, в одной гимнастерке, провел страшную ночь на снегу и при этом не только не обморозился, но даже не простудился. Вернувшись в институт после тяжелого ранения, он с головой окунулся в его жизнь. Коммунист, общественник, председатель профкома, секретарь парткома института, проректор по научной работе, заведующий нашей кафедрой, он обладал непререкаемым авторитетом и

огромной властью. И при этом оставался очень добрым человеком с открытой душой и сердцем, всегда готовым принять на себя все людские беды и заботы. Страдая излишней доверчивостью — недостаток честного человека, — тяжело переживал измену некогда близких товарищей. Иногда срывался, «выходил из берегов». Не терпел ни малейшей фальши. Ненавидел откровенных бездельников и политических спекулянтов от провозглашенной перестройки и прямо в лицо заявлял им об этом. Обожал своих дочек, но воспитывал их очень строго.

В моей жизни он сыграл поистине судьбоносную роль. На протяжении 26 лет нас связывали искренние, ничем не омраченные доверительные отношения. Он был моим наставником в студенческие годы, я даже производственную практику проходил на его родине в Верхнем Уфалее.

И возвращением в Alma mater из Унипромеди я тоже обязан Ивану Федоровичу. Он благословил обе мои диссертации. Мы понимали друг друга с полуслова, когда он был заведующим кафедрой и проректором института по науке, а я ученым-секретарем кафедры. И рекомендацию в партию (при том, что я никогда не был комсомольцем), за которой последовал неожиданно стремительный виток моей карьеры, тоже давал мне И.Ф. Худяков.

Вот такие они разные и яркие индивидуальности — корифеи науки, создатели цветной металлургии страны. Имя В.И. Смирнова, например, еще при жизни приводилось в американском справочнике «Кто есть кто?» и в «Международном справочнике ученых», изданном в Англии. Память об Барабошкине, Смирно-

И.Ф. Худяков на занятиях с группой студентов

ве и Худякове увековечена на мемориальных досках университета и в книгах их учеников.

— Были ли трудности в работе над книгами?

— Их было очень много: и противоречивость фактов в разных архивах, и пробелы в биографиях ученых, особенно периода детства и юности, и закрытые для печати (с грифом секретности) работы. К сожалению, не осталось людей, лично знавших Н.Н. Барабошкина. Поэтому я не перестаю обращаться к исследователям истории науки: спешите писать о людях, сотворивших при жизни нечто, на ваш взгляд, значительное. Ведь, к примеру, история УПИ — это история науки и техники на Урале. Именно коллеги и современники, а не бездушные архивы могут правдиво раскрыть интересные и оригинальные индивидуальности. Книгу о Н.Н. Барабошкине я дарю заведующим кафедрами университета, чтобы побудить их включиться в подготовку Энциклопедии науки Урала. Радуюсь, когда некоторые исследователи включаются в общий творческий процесс.

Между тем, для исторически объективной оценки той или иной личности или событий очень важно бережно относиться к сохранению для потомков документов, которые со временем могут стать уникальными: различных первоисточников, протоколов, воспоминаний и т.д. Как часто я сталкивался с халатно оформленными документами (без дат и авторов) или их полным отсутствием из-за того, что некий нерадивый исполнитель поленился сдать их в архив.

— Творческая лаборатория, особенно ученого, — тайна за семью печатями. Не приоткроете ли вы хотя бы слегка вход в нее? Ведь это так любопытно и полезно для ваших коллег и учеников. Сотрудники кафедры, отмечая вашу блестящую, почти «компьютерную» память, рассказывали мне, что вы всегда и везде что-то записываете. Когда легче вам работать — утром или вечером, какое время считаете наиболее продуктивным для творчества? Наговариваете ли текст на магнитофон, как делают сейчас многие? Мучитесь ли в поисках единственно точного слова? Есть ли у вас литературный обработчик?

— Полагая, что самая дешевая бумага надежнее самого крепкого серого вещества, я действительно привык на заседаниях, экзаменах, в самолете, беседах записывать все, что приходит в голову.

Никакого литературного помощника у меня никогда не было. И текст я не наговариваю, и магнитофоном не пользуюсь. Обрабатываю и систематизирую архивные материалы, которые мне помогают собирать сотрудники кафедры, затем пишу, материал обрастает деталями, перекомпоновываю его, режу. Оператор делает набор. Снова пишу и правлю, иногда читаю вслух, иногда ругаюсь «про себя», что взялся за это бесконечное дело, мысленно клянусь впредь не взваливать на себя тяжелую ношу и чувствую себя самым счастливым, когда заканчиваю очередную книгу. И всегда меня согревает надежда быть услышанным теми, к кому обращены мои книги.

Поскольку мне приходится очень жестко экономить время, я не могу тратить его на поиски точного слова. Приходится в ущерб сочности языка отдавать дань фактуре.

А пишу, когда есть свободное время, вдохновения не жду. Книги об Учителях писал во время отпуска у себя на даче.

— Известный афоризм гласит: «Стиль — это чело- век». Как формировался ваш стиль, который являет собой сплав лёгкого, беллетризованного изложения, когда вы пишете о человеческом, и строго аргументированных доводов, когда касаетесь научных вопросов. Чем вы сами объясните такое сочетание?

— Это всё незримые наработки детства и молодости, которые обязательно дают всходы. Портреты моих героев, описание их реакций на ситуации — результат наблюдений и влияние прочитанных книг. С детства выработалась привычка делать выписки из особенно понравившихся произведений. В техникуме педагоги одобряли мои сочинения.

Но решающее влияние на мою литературную деятельность оказала школа В.И. Смирнова. Под обаянием этого человека находились все, кому посчастливилось слушать его лекции и работать над книгами. В его лекциях поражало гармоничное изложение физико-химических основ, практики и цифрового материала. А как интересно рассказывал он о работе зарубежных фирм, легко произнося их английские, немецкие и французские названия, звучавшие для нас неземной музыкой! Меткие эпитеты, неожиданные сравнения доставляли удовольствие и вливались в голову и сердце.

Столь же ответственно относился он и к литературной работе, оставив после себя целую библиотеку и для инженера, и для ученого, и для студента. Василий Иванович свободно говорил на английском языке, читал техническую литературу на немецком и французском. По-видимому, это помогало ему мастерски владеть родным языком. Он и со мной часто объяснялся на хорошем разговорном английском, за что я не раз вспомнил учителя, будучи за границей. Бессменный член редколлегии журналов «Цветные металлы» и «Известия вузов», он лично редактировал наши статьи, беспощадно правя их красным карандашом и сопровождая пометками, от которых бросало в пот. Не будь он так истово предан науке, это можно было расценить как излишний педантизм или придирки. Но самое интересное то, что в результате такой ювелирной работы со словом часто рождались новые мысли и идеи.

Нетерпим к расплывчатым мыслям и нечетким формулировкам был и его преемник по кафедре, даровитый и на редкость трудолюбивый И.Ф. Худяков, который тоже заново открывал нам известные истины своим особым, нетрафаретным языком. И для него, и для меня образцом научного стиля была речь В.И. Ленина, краткая, образная, часто афористичная. Мысль в ее концентрированном виде, «как будто крепко сжатая в кулак», — так, кажется, оценил ее М. Горький.

Обращаюсь к своим читателям с просьбой бережно относиться к слову, которое вместе с нами переживает нелёгкие времена.

— **В чем ваше счастье ученого, ректора вуза-гиганта?**

— Работать в одном синхронном ритме с понимающими тебя помощниками и учениками.

Достоинство пронести марку УГТУ-УПИ через все испытания нашего времени, ежегодные преобразования и реформы высшей школы, зачастую нелепые, надуманные, поспешные, противоречивые.

Дружеский шарж к 50-летию С.С. Набойченко.
Автор С.Л. Гольштейн

Пойти дальше своих учителей — только при этом условии может быть обеспечено непрерывное поступательное движение в любом деле. Лично у меня не было выхода, никому в цветной металлургии не удавалось написать так много, как В.И. Смирнову: я просто не имел права опускаться ниже поднятой им планки. Надеюсь, что здесь я достойный его ученик, а наше дело — автоклавная гидрометаллургия — найдет своих продолжателей.

Очень важно, чтобы человек XXI века не просто знал историю науки, но чувствовал себя духовным наследником В.Е. Грум-Гржимайло, Н.Н. Барабошкина, В.И. Смирнова, И.Ф. Худякова, И.Я. Постовского, Н.Н. Красовского, Н.А. Тананаева, С.И. Попеля и многих других великих мужей науки Урала.

Эти подвигники науки должны стать для молодого ученого не только примером могущества человеческого разума, но и служить нравственным эталоном, примером воли, упорства, честности и порядочности.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для биобиблиографического словаря)

Б

БУНИНА З.М.

Авт. ром. «Да будет воля твоя!». — «Рус. Мысль», 1916. № 7–10. В Риге в 1927 в кн. серии «Наша биб-ка» т. 8 вышел ром. Б. «Волчий лог».
Кн. рус. зарубежья.

БУРГИНА Анна Михайловна (1899 — 1942).

В 1922 г. эмигрировала из России. Была секретарем у историка-архивиста Б.И. Николаевского в Берлине, затем помощницей политэмигранта И.Г.Церетели в Париже, потом вновь ассистентом у Б.И. Николаевского в Париже, Нью-Йорке и Стэнфорде.

Николаевская (портр).

БУРЕ С., переводчица.

Учительница. Сotr. в изд. 1890–х гг.
Венгров. Источ.

БУРЕНИНА С.

«Рассказы для детей». СПб., 1873. — рец.: «Семья и школа». 1873. № 4–5; «Дело». 1873. № 12 (в ст. «Детская лит.»); «Библиотека дешевая и общедоступная». 1873. № 4 (в ст. «Детская лит. в новых руках»). Сotr. в журн. «Семья и школа», и рассказы сборника впервые были напечатаны на его страницах.

Слов. рус. писательниц.

БУРЕНИНА Софья Андреевна (псевд. Ренина, С.), дет. писательница, переводчица.

Жена публ. В.П. Буренина. Пер. ком. Генриха Кастермэкера «Зуб за зуб» (СПб., 1908).

Масанов; Венгров. Источ.

БУРИНСКАЯ А.К.

Изд. «Дамского сборника» (СПб., 1882).
Венгров. Источ.

БУРИНСКАЯ Н.Ф.

(См. Енгальчева, Н.Ф.).

БУРЛЮК (ЕЛЕНЕВСКАЯ) Мария Никифоровна, авт. воспоминаний.

Жена поэта Давида Бурлюка. Издательница его книг в США и журнала «Color and Rhyme», авт. воспоминаний, печатавшихся в этом журнале. Собрала обширную коллекцию произв. соврем. русского и американского искусства. О ней: Бурлюк, Д. Воспоминания отца русского футуризма. — «Минувшее». Вып. 5. М., 1991.

БУРМАН Елена.

(См. Молоховец, Елена).

БУРНАШЕВА Екатерина Павловна (1819 — 1875), переводчица, прозаик.

Двоюрод. сестра писателя В.П. Бурнашева и дет. писательницы С.П. Бурнашевой. Опублик. пер. с нем кн. Гроссгейнриха «Елисавета Кульман и ее стихотворения» (СПб., 1849), сделанный совместно с сестрой Марией (см.). Успехом у маленьких читателей польз. пер. Б. с англ. соч. Ф. Марриета «Сигизмунд Рюстиг. Бременский штурман. Новый Робинзон» (СПб., 1856). Написала неск. «правдивых», но лишенных образности дидактич. повестей. Приняла участие в полемике по вопросу женского образования — против существ. системы обучения (см. ст. «Мы сами женщины виноваты» — «Журнал для воспитания». 1859. № 11.). Переписка Б. с Гроссгейнрихом представляет социально-психологич. интерес и может служить источн. изучения читательских интересов той поры. Ею выполнен пер. с франц. рукописи достоверных воспоминаний Де ла Флиза, врача франц. наполеоновской гвардии.

Русские писатели; Слов. рус. писательниц; Никитенко. Дневник (ук. им.).

(Продолжение на стр. 23)

Георгий ПАВЛОВ,
рисунки автора

~ O // • ^ v ~ •

картинки ЖИЗНИ

Мое детство прошло в старинных уральских поселках Нейво-Рудянке и Верх-Нейвинске (Невьянского района). Они расположены на железнодорожной ветке Екатеринбург – Нижний Тагил в золотосной пойме реки Нейвы, то есть в центре уральского староверчества.

К сожалению, двух моих дедов мне застать уже не довелось, так как оба они погибли в дружеских попойках в светлое Христово Воскресение – Пасху.

Обе мои бабушки (баба Дарья и баба Дуся), хотя и были верующими, но к староверам себя не относили. Внешне мне казалось, что верующими у нас были одни женщины, возраст которых уже не давал им права бояться новых дявольских козней, но сулил надежду замолить грехи молодости. Вот с мужчинами было сложнее. Если мужик смачно курил, смачно пил, смачно матерился, то он мог оказаться кем угодно, только не старовером. Если же мужик, с точки зрения моих бабушек, был примером для подражания молодежи, укором для всех «непутевых» мужей, то его можно было заподозрить в староверчестве.

Баба Дарья родила четырнадцать детей, но в живых остались четыре сына и одна дочь. Во время Гражданской войны два сына, будучи уже взрослыми, были на стороне «красных». В 1919 году Нейво-Рудянку заняли «белые», а «красные» отступили в Верх-Нейвинск. Сама баба Дарья была родом из Верх-Нейвинска и знала его окрестности. Кажется, она даже иногда навещала своих сынов – партизан, отряд которых располагался возле знаменитых на Урале гранитных столбов Семь братьев. Вскоре отряд под командованием Акулова освободил Нейво-Рудянку от «белых». Баба Дарья долгое время получала партизанский паек. А

когда в 1934 году один из братьев умер, вся Нейво-Рудянка хоронила его с такими почестями, которым позавидовал бы, мне кажется, и Чапаев.

Самой сведущей в вопросах религии была баба Дуся, и я решил прояснить у нее, кто такие староверы. Она посоветовала не мудрствовать, а все, что касается религии, принимать на веру, потому что ум лукавит, кичится своим ложным знанием, а божественная истина не столько в силе ума, сколько в истинной вере. От ее ответа вопросов только прибавилось. К этому времени нейворудянская церковь, хотя и не была еще разрушена, но уже не действовала, поэтому проконсультироваться у церковнослужите-

Похороны партизана

лей уже не было возможности. Баба Дуся была христианкой не только на словах, но и в делах. Несмотря на то, что она жила в Кировграде (в 12 километрах от Нейво-Рудянки), она не бросила нас даже тогда, когда от нас отвернулись все, как от семьи врага народа, так как отец оказался в ГУЛАГе и у нас отняли даже дом, который построил еще дед. Баба Дуся на свои «гробовые» купила нам однобокую развалюху, в которой мы прожили до тех пор, пока после смерти Сталина не вернулся отец и мы не построили новый дом. На работу меня не принимали из-за моего несовершеннолетия, баба Дуся решила проблему и с моим трудоустройством, ведь на моем иждивении оказались два младших брата, мама и баба Дарья — пять человек.

Вопросы религии интересовали меня с раннего детства. В начале Великой Отечественной войны мы переехали из Нейво-Рудянки в Верх-Нейвинск, так как туда передислоцировалась старательская артель

«Однобокая развалюха»

по добыче золота, где отец работал главным механиком. Обычно летом все дети поселка пропадали на станции, которая располагалась, во-первых, на берегу великолепного Верх-Нейвинского пруда (северная часть озера Таватуя) и, во-вторых, возле свалки сбитых самолетов, привезенных на переплавку.

Война словно бы переместилась в Верх-Нейвинск. Каждый день на станцию стали приходиться эшелоны с военными, вербованными, заключенными, пленными — строителями химического комбината. Однажды мы оказались свидетелями того, как в течение 5 минут около двух тысяч человек были построены поротно и колонна двинулась, растянувшись на целый километр, сопровождаемая конвойными с автоматами и овчарками. На шее одного из пленников первой шеренги болталась табличка с надписью «Власовцы!».

Над Уралом в это время висел мощный антициклон, и пыль, поднятая колонной, простояла над Верх-Нейвинском, как над вулканом, чуть ли не все лето. Так кончилось в Верх-Нейвинске мирное время. Вокруг поселка выросли сотни казарм, барачков, ОЛПов. Начались насилия, разбои, грабежи. В лесу то и дело раздавались автоматные очереди. За ягодами или за грибами (основным нашим подспорьем) сходить было невозможно. Непрошеным гостям не понравилось название «Верх-Нейвинск», и они переименовали его в непонятный нам «Кержакстан».

В Нейво-Рудянке в школьные годы я дружил с моим одноклассником Борисом. Отцы наши тоже дружили с детства и в голодные годы Гражданской войны исколесили всю Россию. Ради куска хлеба

Храм в Нейво-Рудянском

они побывали в Средней Азии, Закавказье, а впоследствии стали даже кумовьями, и, собравшись за столом, им было о чем поговорить. Приняв «на грудь», они просили Бориса спеть. А он был «эстрадной звездой» не только школы и поселка, но и всего района. Самой любимой их песней в исполнении Бориса была «Ноченька». Все проходило по сценарию тургеневских «Певцов». Психическое состояние родителя Бориса было покрепче, и он старался сдерживать свои эмоции. Мой же родитель был «трагиком» и, не пытаясь сдерживать обильных слез, то и дело восклицал:

Нейво-Рудянский пруд

— Вот ведь какой молодец! Ай да крестник! И в кого он у тебя, кум, уродился? Вроде не в кого, но как, подлец, душу убажает! Учись, Жорка, пригодится! — обращался он ко мне, рыдая.

Борис был экстраверт, и ему было важно, что думают о нем люди. Он жаждал, публики и аплодисментов. Я же был интравертом, и мне было важно, что я думаю сам о себе. А уже с пятого класса я думал, что стану художником. До пятого класса я об этом не знал. В нашей школе учителя рисования менялись часто и более двух-трех недель, как правило, не задерживались. Однажды в класс вошел очередной учитель рисования и сразу дал задание нарисовать на отдельном листе принесенную с собой вазу, а имеющиеся у нас альбомы для рисования он попросил положить ему на стол. Просмотрев альбомы, он обратился к классу и сказал:

— Ребята, вы все должны стремиться рисовать так, как рисует Георгий Павлов.

У всего класса отвисли челюсти, ибо никто за мной ничего подобного не замечал, так как раньше я жил и учился в Верх-Нейвинске. Затем он показал и прокомментировал несколько рисунков из моего альбома.

— Молодец, Георгий! — обратился он ко мне. — Желаю тебе успеха в том, чтобы стать знаменитым архитектором.

Хотя слово архитектор в то время у меня ассоциировалось больше со словом маркшейдер, но я остался доволен похвалой и с этого момента решил стать художником.

Однажды в летние каникулы Борис попал в череду неудач. Упав с велосипеда, он сломал руку. Его папаша не захотел обращаться за помощью к местным эскулапам, так как ему казалось, что рудянский «соловей» достоин более высокой чести, и решил вести Бориса в Кировград, где сыну наложили гипс. Борис месяц изнывал от скуки в ожидании снятия гипса. Наконец это время настало, но рука срослась косо и выглядела как турецкая сабля. Врач, оправдываясь, доказывал, что ничего особенного не случилось, что Борису из нее не стрелять. Последним его аргументом было:

— Ну не ломать же ее! — и только это слегка остудило пыл несчастного папаша.

Возвращаясь из больницы, расстроенный Борис, увидев катившийся в его сторону футбольный мяч, разбежался и со всей злостью попытался пнуть по нему, но промазал. При этом его развернуло, и он упал на криво сросшуюся руку, вновь сломав ее. Им тут же пришлось вернуться в Кировград, где врачам представилась возможность реабилитироваться.

Еще месяц летних каникул пришлось выбросить псу под хвост. Дня снятия второго гипса ждали со страхом, так как стопроцентной надежды на успех врачей уже не было, но вот и он настал.

Ура! Рука срослась, хоть стреляй из нее!

Пока Борис восстанавливал свою руку, напротив его дома поселковый совет поставил качель в виде лодки, но качаться на ней ему строго запретил отец. Борис лишь наблюдал за качающимися, сидя на лавочке возле дома. Однажды, уже поздно вечером, когда желающих покататься обычно прибавлялось, Борис вдруг сорвался с места и бросился к качающимся, ухватился за корму лодки, и качели стали его поднимать. Его ослабленные за два месяца руки не выдержали веса тела, он сорвался и, естественно, снова сломал ту же руку. У кого-то из ребят оказался мотоцикл, не советуясь ни с кем, его мигом доставили, но уже к местным эскулапам, которые сделали все как надо, «без шума и пыли». Так наш «соловей», наконец, вышел из затянувшейся череды неудач.

Случай, произошедший с Борисом в детстве, почти один к одному повторился и со мной спустя 60 лет, когда я был уже на пенсии. Живя в Екатеринбурге, я имел садовый участок в Уктусском лесничестве, работая на котором однажды сломал себе руку. Прикинув, я сообразил, что ближайшим травмпунктом для меня является химмашевский. От самого сада я шел пешком через лес и с трудом нашел его.

К этому времени социализм, немного не дотянув до коммунизма, безуспешно скончался, и наступили времена бандитского капитализма. Меня принял здоровенного вида молодой человек, видимо, практикант. Денег у меня не было. Не помню, успел я ему сообщить об этом или нет. Видимо, успел. Потому что отношения наши сразу как-то не сложились. Он крикнул некой тете Маше, чтобы та наложила мне гипс. Я был удивлен тем, что для этого не потребовалось ни рентгена, ни даже простой пальпации (видимо, нужны были деньги). После наложения гипса врач велел мне прийти через месяц, что я и сделал. Он обратился опять к тете Маше, чтобы та сняла с меня гипс. После чего он, не взглянув на руку, приказал положить ее на край стола.

— Новокоина нет, потерпеть придется, — и тут же нанес резкий удар ребром своей огромной ладони по моей кисти, выступающей за край стола.

У меня на мгновение потемнело в глазах, он поднес к моему носу ватку, смоченную нашатырным спиртом.

— Гипс! — крикнул он тете Маше.

Еще через месяц мне вторично поломали руку, не утруждая не только себя, но и меня информацией о происходящих под гипсом процессах, предоставив все на волю случая. Я полагал, что монтаж, наладку, юстировку костей будут проводить после третьего перелома, но уже точно с использованием рентгена. Но как я был наивен, ибо все повторилось так, как было при первых двух крушениях моих костей. Мало того, после снятия последнего гипса никто даже не удосужился поинтересоваться, как срослась моя рука.

К счастью, случаи, происшедшие с нашими руками, не стали роковыми. Если хобби Бориса был вокал, то он продолжал заниматься им даже тогда, когда поступил в Свердловский юридический институт, где активно участвовал в студенческой самодеятельности, а после того как ему в консерватории поставили верхнее «до», он часто стал появляться и на телеэкранах. Для подготовки экзаменов, особенно в летние сессии, он приезжал в Нейво-Рудянку, где в теплые тихие вечера просил меня покатать его по Нейво-Рудянскому пруду, и я, как венецианский гондольер, катал его на своей лодке, а он распевал неаполитанские песни. Весь вечер над прудом раздавалось:

*Скажите девушки подружке вашей,
Что всех подруг она милей и краше...*

— или:

*Как ярко светит луна над Маркиаре,
А воздух чист и пьян и сладок...*

— и т.д. и т.п.

У меня рисование так же, как у Бориса пение, не стало профессией и осталось только моим хобби, тем не менее при поломке руки я больше всего боялся, что не смогу рисовать, но, слава Богу, все обошлось.

* * *

Заиндевелая синица
на нитке веточки. Не спится,
не пишется, — вот незадача.
И я в рукав неслышно плачу.
Так город, в школьную линейку
расчерченный, одну копейку
привычно крутит на ребре
в высоком, круглом январе,
так остаются до рассвета
седые птицы и поэты
на ниточке меж двух пустот,
где даже ветер не живет.
Так тишина одолевает
и начинается прямая.
И кажется, что ноту ре
берет синица в январе.

* * *

Е. Ш.

Не беда, что скукой этой
до рассвета, как монетой
в трех домах, перебивать
тишь-молчишь да благодать.

Заедая крошкой крошку,
потихоньку-понемножку,
перебьешься, переждешь —
и обратно повернешь.

Разминувшись в полуслове —
и больней, и бестолковей —
дурака опять валять,
на губах бумагу мять.

Все возможные любви
на разлуку променять.

* * *

Насекомое — страшное слово, открытое
многим ветрам, может быть, оттого,
что количество взлетов, полетов и вылетов
насчитают не с этого света — с того.
Я тебя отпущу, легкокрылая бабочка,
обманувшая исчезновенье и смерть,
с гарантийным письмом, без обратного, с марочкой,
напрямик в превращений земных круговерть
и останусь гадать по руке, по морщинистым
бугоркам и тропинкам в попытках узреть
твое прошлое в этой наглядной старинности,
где пыльца собирается в сладкую медь.

* * *

Осеннее лекарство от бессмертья,
когда снега еще не обошли
земли, не опустились плетью
на выверенный стих карандаши,
по мере сил, подвздошных и душевных,
вдыхай его целительную суть.
И может быть, среди ветров напевных
тебе к рассвету суждено уснуть,
чтобы не знать, чем оборвется повесть,
чем обернется крайняя строка,
то жаром обдающая на совесть,
то голым холодом лесов наверняка.

* * *

Ночь хлопочет о вчерашнем,
вспоминает белый свет.
На наброске карандашном
разве нас с тобою нет?
От молчания слепого,
убывающего в стих,
только пуще бьется слово,
сорванное с губ твоих.

АВТОР

Анна Брылякова (1985 г. р.) — аспирантка Уральского государственного университета, участница Всероссийского совещания молодых писателей (2005), стипендиата губернатора Свердловской области (2006). Первая книга стихов — «Птица возвращается на небо» (Издательский дом «Поэтический марфон», Екатеринбург, 2007).

* * *

Д.

Ожог становится снежинкой,
узорной бабочкой, резьбой,
листом крапивным, невидимкой,
самим собой.

Вычеркивает и сверяет,
сжигает черточки лица
и очертания меняет,
меняется.

И остывает сигарета,
оставленная в тишине
без губ, дыхания и света,
одна вдвойне.

* * *

Август. Земля пахнет солнцем и медом,
терпкой любовью и смятой травой.
Садиком, узкой тропой, огородом,
долгой печалью плестись за тобой,
чтобы когда износилась рубаша,
высохли слезы, остыла душа,
смерть как незваная глупая сваха
нас обвенчала и вновь отошла.

* * *

По ночам всегда казалось,
птица плакала, прощалась,
унося из этих мест
голос свой и тяжкий крест.
Пахло тишиной и полем,
а она воздушным кролем
набирала высоту
ровно-ровно под версту.
И несли ее метели
в край, куда глаза глядели,
и держали под крыла,
чтоб вернуться не могла.

БУРНАШЕВА Елизавета, переводчица.

Пер. с франц. «Маркиз де Понтаж» (1836) – Е.....та***.
Масанов.

БУРНАШЕВА Мария Павловна, переводчица.

Сестра Е.П.Бурнашевой (см.). Вместе с сестрой пер. с нем. кн. Гроссгейнриха «Елисавета Кульман и ее стихотворения» (СПб., 1849). Автор книги видел в Б., по чрезвычайной одаренности к языкам, «вторую» Елизавету Кульман. Перевод вызвал одобрит. отклики.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БУРНАШЕВА Софья Петровна (псевд. Девица Эсбе, Глафира Михайловна Щигровская; 1818 — 1883), дет писательница.

Сестра писателя В.П.Бурнашева. Лит. работу начала с переводов и оригинальной повести «Неделя у бабушки на даче», вызвавшие положит. отзывы. Соч. Б. отмечены склонностью к морализаторству. Известность получили редактируемые и издаваемые Б. («вместе с другими русскими дамами») журналы «Час досуга», «Калейдоскоп». Ею изданы также «Рукоделия — забавы. Альбом... дамских работ, служащих к украшению письма. и туалет. столика, кабинета, будуара и гостиной» (СПб., 1859).

Русские писатели; Слов. рус. писательниц.

БУРНОВОЛКОВА Мария

Сотр. «Новост. рус. лит.» («Ироида». 1820. Ч. 2. С. 323).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БУРЧЕ Е.П.

Издат. журнала «Голос жизни» в Москве под ред. Н.В.Туркина (1905).

БУРЭ С., переводчица, литератор.

Сост. попул. брошюр по зоологии. Рец. на ее кн. «Рассказы из жизни животных» (1899) – «Рус. Мысль», 1901. № 5. С. 155.

Венгеров. Источ.

БУТАКОВА В.

В «Альманахе молодой литературы «Блики» Кн. 1. (Екатеринослав, 1909) напеч. несколько стихотв. Б.: «Падающая звезда», «Я люблю наблюдать», «Ночью на реке», «Вспорхнувшее».

Голубева.

БУТАКОВА О.Н., переводчица.

Уч. артели переводчиц (60–70-е гг. XIX в.). – См. «Женское дело», 1900. № 5. С. 25.

БУТАШЕВСКАЯ С.

(См. Буткевич, С.М.)

БУТЕНЕВА Ольга Николаевна, переводчица.

Дочь ген.-лейтен. (?). Пер. с англ. произв. Луизы Олькотт: пов. «Семь братьев и сестра» (СПб., 1876) – под ред. М.Цебриковой; «Юность розы» (продолж. пов.) (СПб., 1878) – рец.: «Новое время». 1878, апрель. № 759; «Под сиренями» (СПб., 1880); «Маленькие мужчины» (СПб., 1883).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.; Сл.

БУТИНА П.Е. (1886 —?), авт. воспоминаний.

Рабочая. Ее воспом. в илл. сб. «1905 г. в Воронежской губернии». Воронеж, 1926 (портр).

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 3599.

БУТКЕВИЧ Анна Алексеевна (урожд. Некрасова; 1823 — 1882), писательница, переводчица.

Сестра Н.А.Некрасова. Издала посмертное собр. стихотв. брата (СПб., 1879 – 4 тт., 1882 – 1 т.). Издала также кн. «Некрасов русским детям». Илл. изд. СПб., 1881. В печати были обещаны ее переводы «Путешествия по Аравии» Пальгрева; «Знаменитый доктор Макс» Эркмана-Шатриана. Были ли они изданы в «Переводах лучших иностранных писателей» за 1871 г.? «Из дневников и воспоминаний (1876–1877)». – «Лит. насл.». 1949 Т. 49\50. С. 170–180. «Наброски биографии Некрасова» – Там же. С. 180–184. О ней: «Отеч. зап.» 1882. Кн. 4. Отд. 11. С. 301–302.

Слов. рус. писательниц; ИДРДВ. Т.3. Ч.4. № 7379, 7380.

(Продолжение на стр. 29)

Свердловской области

Свердловская область была в числе регионов Российской Федерации, первыми приступивших к созданию собственных систем почетных званий и наград. Вскоре после принятия Основного закона – Устава Свердловской области, 18 октября 1995 года, был принят Областной закон № 27-ОЗ «О почетных гражданах Свердловской области».

Закон установил, что звание «Почетный гражданин Свердловской области» является высшим признанием заслуг удостоенного его лица перед Свердловской областью и ее жителями. Это почетное звание присваивается за особые заслуги в общественной и государственной деятельности по защите прав человека, укреплению мира, развитию науки, культуры, производства и благотворительной деятельности, способствующие всестороннему развитию Свердловской области и Российской Федерации, росту благосостояния населения и повышению авторитета региона в стране и за рубежом. Присвоение звания «Почетный гражданин Свердловской области» производится указом губернатора области. Лицам, удостоенным звания «Почетный

гражданин Свердловской области», предусматривалось вручение соответствующего нагрудного знака.

В силу того, что нагрудный знак к этому почетному званию трижды менял свой внешний облик, авторы сочли целесообразным свести описание вариантов знака в единую сравнительную таблицу.

Согласно первоначальной редакции закона, предполагалось изготовление нагрудного знака из позолоченного серебра (таблица, описание № 1). Однако после принятия в 1997 году Областного закона «О гербе и флаге Свердловской области» в ходе разработки эскизов знака отличия был выработан иной вариант. Этот вариант путем внесения поправок был закреплен в том же законе «О почетных гражданах Свердловской области» в июне 1998 года (см. описание № 2). Согласно областному закону «О гербе и флаге Свердловской области» на знаке был помещен герб Свердловской области, главной фигурой которого являлся обернувшийся белый соболь. Но Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации областной герб был признан не соответствующим правилам геральдики. В связи с этим длительное время велась доработка этого основного символа Свердловской области. Новая редакция герба, одобренная Геральдическим советом, была принята только в марте 2005 года. Вскоре после этого был принят Областной закон от 15 июля 2005 года № 91-ОЗ «О почетном звании Свердловской области «Почетный гражданин Свердловской области», согласно которому нагрудный знак к почетному званию подвергся очередному изменению (см. описание № 3).

Удостоверение почетного
гражданина Свердловской
области старого образца

**Описание и история изготовления ордена к почетному званию
«Почетный гражданин Свердловской области» (1995 — 2006 гг.)**

№ п/п	Описание лицевой стороны нагрудного знака к почетному званию «Почетный гражданин Свердловской области»	Описание оборотной стороны нагрудного знака к почетному званию «Почетный гражданин Свердловской области»	Описание колодки нагрудного знака к почетному званию «Почетный гражданин Свердловской области»	Материал, из которого изготовлен нагрудный знак и его колодка	Примечание
1	Нагрудный знак имеет форму правильного круга диаметром 27 мм. В центре на лицевой стороне знака расположено выпуклое изображение герба Свердловской области. Вокруг изображения герба Свердловской области надпись по окружности выпуклыми буквами – Почетный гражданин Свердловской области. Нагрудный знак позолочен	На оборотной стороне нагрудного знака нарезается его номер. На оборотной стороне колодки выгравирован номер нагрудного знака и закреплена булавка для прикрепления знака к одежде	Нагрудный знак при помощи позолоченных ушка и звена соединяется с прямоугольной колодкой шириной 25 мм и высотой 15 мм, на которой эмалью выполнено изображение флага Свердловской области. Колодка на оборотной стороне имеет булавку для прикрепления знака к одежде	Серебро	Приведенное описание нагрудного знака было установлено Областным законом от 18 октября 1995 года № 27-ОЗ в период с октября 1995 года по июнь 1998 года
2	Нагрудный знак Почетного гражданина Свердловской области имеет форму круга с зубчатыми краями. В центре нагрудного знака – выпуклое изображение герба Свердловской области, по сторонам которого расположены восемь выпуклых стилизованных изображений флага Свердловской области. Изображения герба и флага Свердловской области выполнены цветной эмалью. Промежутки между изображениями флагов покрыты восемью пучками граненых позолоченных лучей, выходящих из-под герба. Размер нагрудного знака между краями противоположных изображений флага – 45 мм; между концами противоположных лучей – 43 мм. (Рис. 1)	На оборотной стороне колодки выгравирован номер нагрудного знака и закреплена булавка для прикрепления знака к одежде	Нагрудный знак Почетного гражданина Свердловской области при помощи позолоченных ушка и кольца соединяется с прямоугольной колодкой шириной 34 мм и высотой 15 мм, на которой цветной эмалью выполнено изображение флага Свердловской области с позолоченной окантовкой. Колодка по бокам имеет выемку. В верхней белой полосе изображения флага расположена позолоченная надпись «ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН»; в голубой полосе – позолоченная надпись «СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ»	Серебро	Приведенное описание нагрудного знака было установлено Областным законом от 18 октября 1995 года № 27-ОЗ в период с июня 1998 года по декабрь 2005 года
3	Нагрудный знак к почетному званию Свердловской области «Почетный гражданин Свердловской области» представляет собой круг диаметром 48 мм, в центре которого помещено выпуклое изображение малого герба Свердловской области, наложенное на восемь выпуклых стилизованных изображений флага Свердловской области, расходящихся от центра круга между восемью пучками граненых позолоченных лучей, также расходящихся от центра круга и образующих его зубчатые края. Изображения малого герба Свердловской области и флага Свердловской области выполнены цветной эмалью. (Рис. 2)	На оборотной стороне нагрудного знака к почетному званию Свердловской области «Почетный гражданин Свердловской области» в центре помещена надпись рельефными буквами в четыре строки: «ПОЧЕТНЫЙ», «ГРАЖДАНИН», «СВЕРДЛОВСКОЙ», «ОБЛАСТИ» (высота букв в надписи 3 мм). Под надписью помещен полированный четырехугольник размером 5x17 мм с вдавленным в левой части знаком «N» высотой 3 мм, рядом с которым в последующем гравировается номер нагрудного знака к почетному званию. Обратная сторона нагрудного знака к почетному званию позолочена. (Рис. 3) На оборотной стороне колодки закреплена булавка для прикрепления нагрудного знака к одежде	Нагрудный знак при помощи позолоченных ушка и кольца, изготовленных из серебра, соединяется с прямоугольной колодкой размером 16x38 мм, изготовленной в виде выпуклого изображения флага Свердловской области, с позолоченной окантовкой. Колодка по бокам имеет выемку размером 11x1,5 мм. Изображение флага Свердловской области выполнено цветной эмалью	Серебро	Приведенное описание нагрудного знака было установлено Областным законом от 15 июля 2005 года № 91-ОЗ «О почетном звании Свердловской области «Почетный гражданин Свердловской области» период с июля 2005 года по настоящее время

Текст областного Закона «О почетных гражданах Свердловской области», принятого в 1995 году, не имел приложения с изображением самого знака. Да и сам знак в первоначально описанном виде изготовлен не был. И хотя первое присвоение почетного звания «Почетный гражданин Свердловской области» состоялось в сентябре 1997 года, нагрудный знак к нему был вручен значительно позднее, и это был знак, описание которого приведено в таблице под № 2. Договор на изготовление знака данного вида был заключен с екатеринбургским предприятием ТОО «Агентство НПК» (Научно-производственный комплекс). Нагрудный знак к званию «Почетный гражданин Свердловской области» во вновь утвержденном варианте изготавливается на предприятии ООО «Форум» (Екатеринбург), являющемся преемником «Агентства НПК».

Первым почетным гражданином Свердловской области стал Иван Данилович Самойлов – директор государственного Нижне-Синячихинского музея-заповедника деревянного зодчества и народного искусства. Всего же за период с 1997 по настоящее время звания «Почетный гражданин Свердловской области» были удостоены 18 человек. Среди них композитор Евгений Родыгин и певец Владимир Трошин, мастера отечественной кинематографии Ярополк Лапшин и Евгений Матвеев, главный тренер женской сборной команды России по волейболу Николай Карполь и легенда российского хоккея с мячом Николай Дураков. В разные годы почетными гражданами области стали академик РАН Николай Семихатов и ректор УГТУ-УПИ Станислав Набойченко, главный агроном колхоза имени Чапаева Алапаевского района Евгений Ростецкий и заместитель директора Нижнетагильского института испытания металлов Юрий Левит, начальник Свердловской железной дороги Борис Колесников и председатель областной Федерации профсоюзов Юрий Ильин, председатель Совета Свердловской общественной организации ветеранов (инвалидов) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов Иван Подобед. В числе обладателей этого почетного звания представители всех ветвей власти – бывший председатель Областной думы Вячеслав Сурганов, заместитель председателя областного правительства по социальной политике Семен Спектор, председатели Арбитражного суда Свердловской области Маргарита Щекутова и Свердловского областного суда Иван Овчарук.

Областным законом для лиц, удостоенных звания «Почетный гражданин Свердловской области», предусмотрены существенные льготы, включающие дополнительное материальное содержание, жилищные права и льготы, а также иные дополнительные права и льготы.

Долгое время вышеописанный нагрудный знак оставался единственным знаком в системе областных почетных званий и наград. В то же время ввиду высокого статуса звания «Почетный гражданин Свердловской области» и довольно редких случаев его присвоения вскоре стала ощущаться нехватка областных наград, которых мог бы быть удостоен более широкий круг лиц. Поэтому в Свердловской области было решено развить свою систему наград. Вначале областные законодатели пошли

по пути учреждения наград по отраслевому принципу. В течение 2003 года в Областной думе Законодательного Собрания Свердловской области были подготовлены три законопроекта, предусматривающие учреждение знаков отличия Свердловской области «Заслуженный работник социальной защиты населения Свердловской области», «Заслуженный работник образования Свердловской области» и «Заслуженный работник здравоохранения Свердловской области». Намечалась разработка и принятие еще не менее десяти подобных областных законов. (О разветвленных системах наград в соседних со Свердловской областью регионах – Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и Тюменской области – читатели журнала могли прочитать в «Уральском следопыте» №11 за 2005 год и №7 за 2006 год).

В конечном же итоге идея учреждения отраслевых наград была отвергнута, а в области был учрежден универсальный знак отличия «За заслуги перед Свердловской областью», который имеет три степени. Этот знак был учрежден областным законом от 23 декабря 2005 года № 123-ОЗ «О знаке отличия Свердловской области «За заслуги перед Свердловской областью». В соответствии с законом учрежденный знак отличия должен был изготавливаться из томпака. Знак отличия I (высшей) степени предполагалось покрыть позолотой (Рис. 4), знак отличия II степени – серебром (Рис. 5), а знак отличия III степени – бронзой (Рис. 6).

Так, в соответствии с законом, знак отличия «За заслуги перед Свердловской областью» I степени представляет собой восьмиконечную звезду с зубчатыми концами, образованными пучками расходящихся от центра выпуклых позолоченных лучей. Каждый пучок образован семью лучами. Пучки лучей чередуются с промежутками, представляющими собой углубленную полированную позолоченную поверхность. В центре восьмиконечной звезды поверх расходящихся пучков лучей наложено выпуклое изображение малого герба Свердловской области, выполненное цветной эмалью. Расстояние между противоположными концами звезды – 35 мм.

На оборотной стороне знака отличия I степени в центре помещена надпись рельефными буквами в четыре строки: «ЗА ЗАСЛУГИ», «ПЕРЕД», «СВЕРДЛОВСКОЙ», «ОБЛАСТЬЮ» (высота букв в надписи 2 мм). Под надписью помещен полированный четырехугольник размером 3x8 мм, слева от которого расположен рельефный знак «N» высотой 2 мм (Рис. 7). На полированном четырехугольнике в последующем гравировается номер знака отличия. Обратная сторона знака отличия I степени позолочена. На оборотной стороне имеется булавка для прикрепления знака отличия к одежде.

Знак подвешен на трапециевидной колодке, имеющей позолоченную окантовку. В верхней и нижней части колодки – прорези для шелковой муаровой ленты, покрывающей внутреннюю часть колодки. Лента выполнена в виде флага Свердловской области. Ширина колодки внизу – 20 мм, вверху – 32 мм. Колодка по бокам имеет выемку размером 29x1 мм.

Однако учрежденный знак не был изготовлен в вышеописанном виде. Руководством области уже после

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

принятия закона было предложено повисить статус вновь учрежденной награды, в связи с чем были приняты изменения в областной закон, согласно которым знак отличия сохранил свой внешний вид, но изменился материал, из которого он должен изготовлен. Теперь знак отличия I степени и его колodka должны изготавливаться из золота 585

пробы; знак отличия II степени – из серебра 925 пробы, а знак отличия III степени – из бронзы. Летом 2006 года было изготовлено 250 знаков отличия III степени и по одному пробному экземпляру знаков отличия I и II степени. Также летом 2006 года состоялось и первое награждение. Знаком отличия III степени был награжден председатель

Проект знака отличия «Материнская доблесть»

правительства области Алексей Петрович Воробьев. Все же к концу 2006 года состоялось 37 награждений этим знаком. В числе награжденных члены областного правительства (В.А. Молчанов, В.В. Нестеров, А.А. Ястребков) и областной депутат Э.Л. Воробьева, главы управленческих округов (В.Н. Волынкин, И.И. Граматик) и муниципальных образований (В.Ф. Анисимов, А.Н. Быков, М.В. Кошелев, Е.А. Трескова, А.Д. Шевалдин, В.В. Якимов), руководители предприятий (Е.М. Гришпун, А.А. Козицын, А.Н. Макарян, А.Н. Малых, Д.А. Пумпянский, Б.Я. Смоляницкий) и рабочие (Е.Ю. Доможиров, О.А. Карфидова, М.Г. Крупин, А.В. Судаков, А.К. Сысоев, Ю.И. Яицкий), представители науки и образования (С.Б. Воздвиженский, М.И. Кукушкин, А.А. Стариков) и другие.

Согласно областному закону, награждение этим знаком производится последовательно от III степени и выше, а временной промежуток между награждениями не может быть менее пяти лет. Поэтому, в том случае, если областной закон о знаке отличия останется неизменным, первое награждение знаком отличия II степени можно ожидать не ранее 2011 года. Видимо, поэтому на предприятии-изготовителе – ОАО «Ювелиры Урала» (Екатеринбург) – знаки I и II степеней заказаны лишь по 5 экземпляров.

Согласно областному законодательству, лица, награжденные знаком отличия III степени, получают единовременное пособие в размере 15 000 рублей; лица, награжденные знаком отличия II степени – единовременное пособие в размере 40 000 рублей. Лица, награжденные знаком отличия I степени, по своему статусу в значительной

мере приравняются к почетным гражданам Свердловской области. Им пожизненно выплачивается ежемесячное пособие в размере 10 000 рублей, предоставляется право бесплатного проезда по территории Свердловской области на всех видах общественного транспорта, кроме такси, один раз в год бесплатно предоставляется путевка для санаторно-курортного лечения и др.

С учреждением первого нагрудного знака система наград Свердловской области постепенно стала совершенствоваться. Так, был принят областной закон от 30 июня 2006 года № 38-ОЗ «О знаке отличия Свердловской области «Материнская доблесть». Данный знак отличия тоже имеет три степени.

Знак отличия Свердловской области «Материнская доблесть» III степени является формой поощрения за рождение и (или) усыновление и воспитание пяти, шести или семи детей, из которых пятый по старшинству ребенок достиг после 1 января 2007 года возраста не менее одного года и не более шестнадцати лет, при наличии в живых остальных детей (законом предусмотрен и исключаящий случай).

Знак отличия Свердловской области «Материнская доблесть» II степени является формой поощрения за рождение и (или) усыновление и воспитание восьми или девяти детей, из которых восьмой по старшинству ребенок достиг после 1 января 2007 года возраста не менее одного года и не более шестнадцати лет, при наличии в живых остальных детей.

Знак отличия Свердловской области «Материнская доблесть» I степени является формой поощрения за

рождение и (или) усыновление и воспитание десяти или более детей, из которых десятый по старшинству ребенок достиг после 1 января 2007 года возраста не менее одного года и не более шестнадцати лет, при наличии в живых остальных детей.

В соответствии с законом материал, из которого изготавливается учрежденный знак отличия, — томпак.

Согласно описанию, знак отличия «Материнская доблесть» I степени представляет собой восьмиконечную звезду с зубчатыми концами, образованными пучками расходящихся от центра выпуклых позолоченных лучей. Каждый пучок образован семью лучами. Пучки лучей чередуются с промежутками, представляющими собой углубленную полированную позолоченную поверхность. В центре восьмиконечной звезды поверх расходящихся пучков лучей помещено выпуклое профильное погрудное изображение матери, держащей на руках ребенка. Изображение матери, держащей на руках ребенка, позолочено и окантовано кругом диаметром 17,5 мм, образованным рельефными позолоченными точками. Расстояние между противоположными концами звезды 35 мм.

На оборотной стороне знака отличия «Материнская доблесть» I степени в центре помещена надпись рельефными прописными буквами в две строки: «МАТЕРИНСКАЯ», «ДОБЛЕСТЬ» (высота букв в надписи 3 мм). Под надписью помещен полированный четырехугольник размером 3x8 мм, слева от которого расположен рельефный знак «N» высотой 2 мм. На полированном четырехугольнике в последующем гравировается номер знака отличия Свердловской области «Материнская доблесть». Обратная сторона знака отличия Свердловской области «Материнская доблесть» I степени позолочена. На оборотной стороне имеется булавка для прикрепления знака отличия к одежде.

Знак отличия Свердловской области «Материнская доблесть» I степени при помощи позолоченных ушка и звена соединяется с позолоченным ушком прямоугольной колодки размером 15x27 мм, имеющей позолоченную окантовку. В верхней и нижней части колодки имеются прорезы для шелковой муаровой ленты, покрывающей внутреннюю часть колодки. Лента выполнена в виде флага Свердловской области. Высота шелковой муаровой ленты 13 мм, ширина — 24 мм. Колодка по бокам имеет выемку размером 11x1 мм.

В знаке отличия «Материнская доблесть» II степени вместо позолоты применяется покрытие серебром, а в знаке отличия III степени — бронзой.

Первые награждения данным знаком отличия предполагается приурочить к 8 Марта 2007 года. Матерям, награжденным знаком отличия III степени, согласно областному законодательству, будет производиться выплата пособия в размере 25 000 рублей, награжденным знаком отличия II степени — 50 000 руб. и награжденным знаком отличия I степени — 100 000 рублей.

БУТКЕВИЧ Софья Михайловна (урожд. Аничкова; псевд. С.Буташевская; нач. 1830–х гг. — после 1880).

Жена военного инж.-строителя Л.С.Буткевича, служившего в Уфе. Была знакома с Н.Г.Чернышевским, Марко Вовчок, Тургеневым. Под впечатлением беседы с ним задумала книгу, в которой от лица подростка рассказывает о мире вещей и природы, о начатках понятий благородства, чести, любви к ближнему «Дневник девочки». (СПб., 1862). И.С.Тургенев же написал к ней предисловие.

Русские писатели; Слов. рус. писательниц (Буташевская С.).

БУТКОВСКАЯ Августа Яковлевна, авт. воспоминаний.

Дочь богатого купца, любительница истории и литературы. Вдова инж.-ген.-лейтенанта Н.Я.Бутковского. Оставила воспоминания «Рассказы бабушки» ("Ист. Вестн.", 1884. Т.18. № 12. С.594–631) — ценный источник об Отечественной войне 1812 г. В них, кроме собственных воспоминаний, переданы и эпизоды, слышанные от мужа, участника Отеч. войны и заграничного похода.

ИДРДВ. Т. 2. Ч. 1. № 9; Российский архив. II–III.

БУТКОВСКАЯ Наталья. Ильинична (в замуж. Шервашидзе; 1878 — 1948), издательница.

Актриса, режиссер, педагог. Вторая жена А.К.Шервашидзе. Издавала книги в СПб. Под ее редакцией (вместе с Н.И.Кульбиной) вышел сб. «Студия импрессионистов» Кн. 1 (СПб., 1910). Выступила с докладом о музыке в лит.-худож. объединении «Палата поэтов» (Париж, 13 окт. 1921). В изд. Земгор («Земское и городское объединение российских граждан за границей») (рук. Т.И.Полнер) была издана кн. Б. «Народные русские сказки, песни, шутки» (1921).

Голубева; Диаспора. 1; Периодика...

БУТКОВСКАЯ РЯ.

В Риге в 1935 г. вышел сб. ее рассказов «Искушение», а также кн. «Невольные преступники», Берлин, «Рус. творчество», 1924; и «Карьеристка без карьеры». Варшава, «Добро», 1930.

Кн. рус. зарубежья; Алексеев А.Д.

БУТЛЕР Евгения.

«Азбука. Уроки чтения и постепенного развития мышления». СПб., 1864.

Слов. рус. писательниц.

БУТМИ Н., авт. воспоминаний.

Сестра милосердия. «В плену у японцев: (Быль). — «Жен. Вестник», 1915. № 7\8. С.126–131.

ИДРДВ. Т.4. Ч.1. № 2082.

БУТОВА Надежда Сергеевна (1878 — 1921), авт. воспоминаний.

Актриса. «Из воспоминаний об А.П.Чехове». — Лит.-худож. альманах изд. «Шиповник», 1914. Кн. 23. С.193–194. См. также ВД. Указ. рук. (указ. имен).

БУТУЗОВА М.Е., авт. воспоминаний.

Рабочая. Воспом. в илл. сб. «1905 г. в Воронеж. Губернии». Воронеж, 1926.

ИДРДВ. Т.4. Ч. 2. № 3599.

БУТУРЛИНА Я.А.

После смерти поэта П.Д.Бутурлина собрала и издала «Стихотворения гр. Петра Дмитриевича Бутурлина» (Киев, 1897).

Розанов.

БУТУСОВА Софья Ивановна, авт. воспоминаний.

Слушательница химического факультета Петерб. женских политехнических курсов. «Две специальности». — В кн. «Первые женщины-инженеры» Л., 1967. С.72–77.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 6287.

(Продолжение на стр. 65)

Сладкая ягода

Рыбалка на Севере зимой — это тоже ветвь туризма. Бездорожье, отдаленность, обустройство ночлега и быта на севере имеют очень много общего со спортивным туризмом.

Как-то в марте рыбачили мы в районе железнодорожной станции Устье-Аха на озере, картографическое название которого Сор-Тур, а в простонародье — Запорское. Был конец марта. Вокруг избушки, в которой мы жили, в прибрежной полосе начал подтаивать снег, и на кочках кое-где вытаяла клюква. Была она, как и всякая ягода, перезимовавшая под снегом, удивительно вкусная, почти сладкая.

И вот, уже собираясь домой, укладывая на нарты свою поклажу, в ожидании окончания сборов группы (нас было четверо) я набрал полстакана такой клюквы в кружку и, сунув ее в клапан рюкзака, забыл о ней.

Не буду описывать мытарства движения по озеру, камышам, раскисшему зимнику в пойме реки Конда. И вот мы на станции. Взятые билеты, погружен багаж, занято купе в плацкартном вагоне. Наконец, поезд начинает движение, мелькают освещенные станционные постройки. Станция кончилась, и за окном вагона — угольная темнота.

В купе — оживление, готовимся ужинать, достаем из рюкзаков снедь, посуду, традиционную пол-литра за стук колес. Достая свою посуду, вспоминаю про кружку. Вываливаю ягоды в миску. Начинается ужин, а вместе с ним счастливые и радостные минуты воспоминаний — как клевала, как сверлили метровый лед. Как ходили за километр за дровами, как сгорели сушившиеся рукавицы, как вороны воруют пойманную рыбу около лунок.

Под мерный стук колес, постоянное движение по вагону и гомон ожидаем прибытия чая. После обильной трапезы в тепле, холе все расслабились, подобрили.

Вот, хватаясь за полки качающегося вагона, в сторону проводника движется здоровенный, крепкий мужичок лет пятидесяти. Оценив обстановку в нашем купе, мужичок присел на краешке сиденья и поинтересовался:

— За рыбой ездили, мужики?

— Да нет, сахар рассыпать, — ответил я.

— Куда сахар рассыпать? — спросил он, глядя на нас, мягко говоря, с удивлением. — Зачем?

— А вот попробуй клюкву, — сказал я, подавая ему миску с клюквой. Мужичок осторожно взял ягоду, пожевал и молча смотрит на нас.

— Видишь, какая сладкая — подсказал я ему.

Мужичок взял еще одну клюковку, раскусил и сказал: «Правда, сладкая!»

— В прошлом году, — говорю ему, — рассыпали в болоте 10 кг сахара. Осенью приезжали и собрали сладкую клюкву. Нам понравилось. Вот нынче свозили мешок сахара, рассыпали по снегу, чтобы равномерно распределилась сладость. Осенью поедем собирать.

Мужичок взял из миски еще одну ягоду, молча встал и пошел за кипятком. Возвращаясь назад, он снова притормозил у нас и спросил:

— А если кто другой соберет сладкую клюкву, что тогда?

— А мы осенью стараемся приехать первыми, ну а потом мы ниткой капроновой огораживаем место, чтобы чужие случайно не зашли, — ответил я.

— Возьму еще ягоду? — спросил он.

— Да насыпь в кружку, мы-то уже наелись! — зачерпнул ложкой клюкву и высыпал в его кружку.

Он с задумчивым видом побрел в конец вагона, бормоча: «Ох уж эти городские, чего только не удумают!»

Белый раджа Саравака

(Рассказы филателиста)

Трансвааль, Трансвааль, ты зоришь в огне...

Эта марка попала ко мне случайно. Заинтересовала не столько сама марка — стандартный английский знак почтовой оплаты с портретом короля Георга V, сколько надпечатка, самым непочтительным образом закрывавшая профиль монарха. Она была выполнена каким-то совершенно незнакомым мне шрифтом, представлявшим нечто среднее между латинским и готическим. Как я ни старался, прочесть текст надпечатки не удалось. И только дата — 1922 — в расшифровке не нуждалась.

По опыту знал, что такого рода надпечатки, закрывающие лицо того или иного монарха, обычно свидетельствуют либо о его свержении и вступлении на престол новой династии, либо о замене монархического строя на республиканский. Но так как марки с портретом Георга V выходили до середины тридцатых годов, а Великобритания и до настоящего времени является королевством, то, следовательно, ни та, ни другая версии вроде бы не подходили. Но марка-то — вот она. В чем же дело?

Пришлось идти за помощью к Олегу Павловичу.

— Марка, — сказал он, — действительно выпущена в Англии, однако надпечатка ограничила ее хождение только территорией Ирландии. Сделана она в 1922 году по распоряжению временного ирландского правительства незадолго до официального провозглашения страны доминионом в составе Британской империи. И хотя английский король официально является главой всех британских доминионов, текст ирландской надпечатки, как видите, полностью закрывает его лицо на марке. И не зря! Ведь свою, пусть на первых порах и ограниченную, самостоятельность ирландцы завоевали в длительной и ожесточенной, подчас кровопролитной борьбе с английскими колонизаторами. Так что к английским королям большинство ирландцев во все времена относились, мягко говоря, без особого уважения.

Да, мой друг, — продолжал Олег Павлович, — за надпечатками на марках нередко могут скрываться самые драматические эпизоды мировой истории.

А вообще-то по белу свету ходило и ходит великое множество марок с самыми различными надпечатками. Чаще всего они делались и делаются, чтобы удовлетворить насущные потребности почты в возможно кратчайший срок.

Некоторые авторы утверждают, что самая первая в мире надпечатка была сделана в 1846 году на марках Нью-Йорка — с ее помощью якобы трехцентовые знаки почтовой оплаты стали на цент дешевле. Откуда они почерпнули такие сведения — неизвестно. Ведь марки Нью-Йорка имели номинал только пять центов, и о каких-либо надпечатках, изменявших их цену, в каталогах не сообщается.

В нашей стране надпечатки с изменением цен далеко не редкость. Денежные реформы и инфляции разных лет неоднократно так быстро обесценивали рубль, что новые марки выпускать не успевали и делали надпечатки новой цены на прежних. Впрочем, это общепринятая мировая практика.

Известно, например, о надпечатках в сотни тысяч рублей на марках СССР начала двадцатых годов. В те же годы еще более свирепая инфляция в Германии привела к тому, что почтовые тарифы, случалось, изменялись здесь по нескольку раз в день. В типографиях едва успевали надпечатывать новые номиналы на имеющихся марках.

Например, в течение нескольких месяцев 1923 года номиналы знаков почтовой оплаты выросли от пяти марок до десяти миллиардов марок! Разумеется, все эти миллиарды имели ничтожную стоимость. Ведь за десять миллиардов можно было купить только... почтовую марку! Между прочим, многие почтовые служащие в Германии того времени предпочитали получать часть своего ежедневного жалования — а жалование тогда выплачивали подчас по два раза в день — именно почтовыми марками, прозорливо полагая, что если деньги обесцениваются ежечасно, то

Продолжение. Начало в № 2, 3, 2007 г.

все-таки марки сохраняют хоть какую-то ценность в глазах коллекционеров, которым эти самые марки можно будет когда-нибудь благополучно сбыть.

С помощью надпечаток обычные марки часто превращались в служебные. Даже начинающие филателисты знают, что слова «office» или «service» можно перевести как «служебное». А вот надпечатка «Resmi» на марках Турции или Индонезии или «sobierno» на некоторых латиноамериканских знаках почтовой оплаты приводят в недоумение многих, хотя значат они примерно то же самое. «OS» на марках англоязычных стран тоже значит «служебное», но может встречаться в различных сочетаниях. Например, «OSHM» на марках колониальной Индии следует переводить «на службе его величества», «OSGS» – на суданских марках – «на службе правительства Судана».

Должен добавить, что иногда такого рода надпечатки заменяются перфорацией, то есть проколами в виде тех же самых букв.

Иногда надпечатка означала дополнительный, непочтовый сбор на благотворительные или какие-нибудь другие цели. Стандартные марки царской России с вертикальной надпечаткой «РСФСР Филателия – детям 19-8-22» продавались на Московском почтамте только один день – 19 августа 1922 года из расчета одна копейка номинала равна пятидесяти тысячам рублей. Из них десять тысяч составляли собственно почтовый сбор, а сорок тысяч отчислялись в фонд борьбы с детской беспризорностью. Большинство марок с этой надпечаткой относятся к числу редких.

Часто с помощью надпечаток почтовые ведомства спешат оповестить мир о том или ином значительном событии. Из советских марок в этом отношении больше других «повезло», наверное, марке с изображением хоккеистов, выпущенной в 1962 году и посвященной 1 зимней Спартакиаде народов СССР. На этой миниатюре в разное время были сделаны две надпечатки.

Первая, черного цвета, гласила: «Советские хоккеисты – чемпионы мира и Европы. Стокгольм, 1963 г.»

Вторая, красная, дополняла первую: «Стокгольм 1969 г.» – в этом году наши мастера хоккея вновь стали чемпионами мира и Европы. Вот только к этому времени, то есть к 1969 году, снаряжение хоккеистов образца 1962 года, то самое, которое можно видеть на марке, безнадежно устарело. Да, когда-то наши умели играть в хоккей...

Часто надпечатки представляют большой исторический интерес.

Вот квартблок с портретом Николая II из серии 1913 года с надпечаткой в виде фригийского колпака, двух скрещенных кинжалов под ним и словами «братство равенство свобода» – символика и лозунг времен Великой французской революции, появившиеся на русских марках в 1917 году. Кто автор данной надпечатки – точно неизвестно. Во всяком случае, она – не официальная, а частная. Однако с молчаливого согласия почты марки с такими надпечатками, а также с надпечатками, воспроизводящими текст отречения от престола последних Романовых, имели хождение в период с Февральской до Октябрьской революции.

А вот марки царской России с надпечатками в виде стилизованного трезубца. Впрочем, трезубец – общепринятое название этой фигуры. На самом деле этот знак есть не что иное, как своеобразное изображение ястреба (сокола?) – символа власти великих князей Киевской Руси. Марки с такой надпечаткой пустила в обращение петлюровская почтовая администрация, а трезубец надолго стал эмблемой украинских и литовских националистов. Судя по штемпелям гашения, эти марки использовались и в то время, когда потерпевший поражение Петлюра с остатками своей армии отступил за границу и власть по берегам Днепра оказалась в руках большевиков. В чем дело? Ответ

прост — в почтовых отделениях Советской Украины на первых порах не было других знаков почтовой оплаты, и волей-неволей приходилось пользоваться трофейными.

Стандартная марка РСФСР 1922 года выпуска с изображением рабочего и с надпечаткой красного цвета «Д.В. 5 коп. золотом» напоминает о существовании Дальневосточной республики — буферного государственного образования на Дальнем Востоке, созданного по инициативе Ленина для предотвращения возможных конфликтов с японцами, оккупировавшими часть дальневосточных земель. Помните? «Штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни!» Под Волочаевкой Народно-революционная армия ДВР под командованием Блюхера разгромила земскую рать, то бишь белогвардейские части генерала-воеводы Дитерихса. После того, как в конце 1922 года Красная Армия и партизаны освободили от белых Владивосток и его ближние и дальние окрестности, закончилась Гражданская война, и Дальневосточная республика вошла в состав РСФСР. Но так как на Дальнем Востоке все еще действовала другая денежная система, то и были сделаны данные надпечатки.

Темно-синяя надпечатка «Праздник Победы 9 мая 1945 года» на марке с изображением ордена Победы свидетельствует о победоносном окончании Великой Отечественной войны.

К сожалению, не всегда справедливые войны оканчивались поражением агрессоров, — продолжал свой рассказ Олег Петрович. — Взгляните на эту пару Трансвааля с надпечатками «VRI» и «ERI. Вы смогли бы, не заглядывая в каталог, сказать, по какому поводу они сделаны? Нет? М-да...

«Виктория — королева и императрица», «Эдуард — король и император» — вот как расшифровываются эти сокращения. На марках Трансвааля монограммы появились в 1900–1901 гг. С 1899 года маленькие бурские республики Южной Африки Трансвааль и Оранжевая вели отчаянную войну за свое существование против крупнейшей колониальной державы того времени — Британской империи.

Английские генералы планировали закончить войну за несколько недель, в крайнем случае — за пару месяцев. Ведь ни в Трансваале, ни в Оранжевой не было ни регулярных армий, ни достаточного количества тяжелого вооружения. Однако английским планам

не суждено было сбыться — легкой прогулки по Южной Африке не получилось. На первых порах британцы несли огромные потери и терпели поражение за поражением от бурского ополчения.

А что нужно было англичанам от южноафриканских республик? Из-за чего лилась кровь британцев и буров — потомков голландских переселенцев?

Люди гибнут за металл... Незадолго до войны здесь, на юге Африки, были открыты богатейшие в мире месторождения золота. Еще раньше здесь же обнаружены — опять-таки богатейшие в мире — месторождения алмазов. Так что бурские республики были обречены...

Захватнические действия Великобритании вызвали решительное осуждение у многих народов мира. Тысячи добровольцев готовы были ехать в Южную Африку, чтобы сражаться на стороне буров. Но дале-

ко не всем из них удалось выполнить свое намерение — ведь к началу войны бургские республики уже находились в кольце британских владений.

Между прочим, в рядах английского воинства пребывали и известный журналист Уинстон Черчилль, и военный врач Артур Конан Дойл. Если автор Шерлока Холмса был к тому времени уже всемирно знаменитым писателем, то никто еще не мог предполагать, какую карьеру сумеет сделать отставной кавалерийский офицер Черчилль.

Попирая самым бесчеловечным образом законы войны, а заодно и соответствующие международные соглашения, расстреливая или прикалывая штыками на месте пленных и раненых, загоняя в концентрационные лагеря стариков, женщин и детей — где они тысячами умирали от голода и болезней, имея к тому же почти десятикратное превосходство в численности вооруженных сил, англичане после трех лет жестокой и позорной для них войны присоединили земли бургских республик к своим южноафриканским колониям. В это время и были сделаны данные надпечатки.

В России, как и во многих других странах, героическое сопротивление буров нашло горячее сочувствие, тем более что отношения между Россией и Великобританией в то время были далеко не безоблачными. Поэтому русское правительство не чинило препятствий добровольцам, желающим повоевать на стороне буров. В числе последних был и отставной гвардейский офицер, будущий военный министр Временного правительства, лидер октябристов Александр Гучков. Возвращавшихся на родину участников бургской войны чествовали как героев.

«Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне», — эти слова Олег Павлович пропел ровным, немного печальным голосом.

В наши дни эта песня уже давно и прочно забыта, но еще до начала тридцатых годов ее в нашей стране знали все или почти все. Незамысловатую, но необыкновенно популярную мелодию «Трансвааля» играли даже шарманки.

Да, настоящие филателисты за невзрачными на первый взгляд буквами и цифрами надпечаток видят иногда счастливые, а иной раз и трагические изменения в судьбах стран и народов.

(Продолжение следует)

В – А, Марья А., писательница.

Авт. пов. «Яша» \ \ Москвитянин (Посв. Пановой) 1854. Т. У, У1. №№ 19 и 24; пов. «Старый друг лучше новых двух» (Посв. П-ву) \ \ Там же. №№ 20, 21, 22.

Слов. рус. писательниц.

–ВА.

Авт. очерка «Няня» в вып. 12 «Наших, списанных с натуры русскими» (СПб., 1842). Версия о принадлежности криптонима М.С. Жуковой (см) оказалась несостоятельной (см. Прилож. к сб., изданным в Москве в 1986 с. 93).

Слов. рус. писательниц.

В – Р Е.А. (урожд. Ушакова) (или наоборот)

«Распространение Евангелия на татарском языке между муллами: Из писем симбирской помещицы» \ \ Странник. 1867. № 3.

Слов. рус. писательниц.

В – Я М. С – ВА.

Авт. ст. «Чувства любящего сердца» \ \ Приятное и полезное препровожд. времени. 1797. Ч. 13. С. 136.

Слов. рус. писательниц.

ВЕРА Н.

Учств. в сб. стихотв. современных русских поэтов. 1880-1886 «Мысли и чувства». Вып. 1. М., 1886.

Розанов.

ВАВИЛОВА Валентина Иосифовна (в замуж. Исакова; 1876 – ?).

Земский врач в Любимовском уезде Ярославской губ.

Венгеров. Источ.

ВАВИЛОВА Е.Н.

Сотр. журн. «Коопер. Жизнь» (1914) – В-ва, Е.

Масанов.

ВАГАНОВА Агриппина Яковлевна (1879 – 1951), авт. воспоминаний.

Балерина, балетмейстер. Проф. Ленингр. хореографич. училища. См.: «Агриппина Яковлевна Ваганова: Статьи. Воспоминания. Материалы. Л.-М., 1958 (ил).

ИДРДВ. Т.4. Ч. 4. № 7677 а, 7678. Личн. арх. фонды. 3.

ВАГАНОВА Е.

«Из хроники семейства Львовых». – «Рус. Старина», 1898, № 12, с.539-549 (О Елиз. Ник. Львовой (см), истории ее женьитьбы и жизни).

ВАГНЕР М.П. (урожд. Балабина; псевд. Moncalme).

Авт. кн. «L'origine de la pense et de la parole». Paris, 1900.

ВАДБОЛЬСКАЯ Варвара Алексеевна (урожд. княжна Оболенская; псевд. Криницкий, М.; 1817 – 1868), беллетристка, переводчица.

Обществ. взгляды развились под влиянием статей М.Н. Каткова. Писать стала уже в зрелом возрасте. Первое произв. – роман «Узкий путь» под псевд. Криницкий М. – имя героя романа (1858). В «Биб-ке для чтения» в 1861 напечатала ром. «Записки холостяка», представив московского барина, решившего накануне отмены крепостного права сменить праздную лень на служение народу. Выступала также в жанре этнографического очерка: «Деревенские предания» – о Полтавщине. Как перев. с нем. совм. с С.Т. Славутинским выпустила «Очерки из истории и народных сказаний» А.В. Грубе, выдержавшие более 10 изданий. Перевела также «Всеобщую историю литературы» И.Шерра, «Учебник всеобщей истории Эзера, обработанный для женских уч. заведений Георгом Вебером». М., 1864 и др. Осуждая польское восстание, выступила с резкой ст. «Польские женщины в нынешнем восстании» (1864). Мезьер приписала В. нек. произв. прозаика Марка Криницкого.

Русские писатели; Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Сл.

ВАДЗИНСКАЯ А., дет. писательница.

Авт. кн. «Бабушкина семья: Рассказ из жизни домашних животных» М., 1914; 2-е изд. 1915.

Венгеров, Источ.

ВАДИНСКАЯ.

(См. Ширяева Г.К.).

ВАЙНШТЕЙН Софья, литератор.

Д-р Брюссельск. ун-та. Сотр. в журн. «Вестн. Евр.» (1900, № 10) – В-штейн, Софья. Авт. кн. «Г-жа Сталь, мыслитель переходной эпохи» (СПб., 1902).

Масанов; Венгеров. Источ.

ВАЙСБЕЙН Мария А. (псевд. Ван, Мария), журналистка 1910-х гг.

Сотр. в «Нов. Журн. для всех» (1913); в журн. «Искусство и жизнь» (1915); в «Вестн. знания» (1916) – В-н, М.; Ван, Мария; Ван, М.; М.В. М.б. вместе с М.К. Вайсбейн писали для детей. Масанов; Венгеров. Источ.

(Продолжение на стр. 65)

~o " • ^v
ишельца

12 апреля 1961 года Гагарин осветил своей улыбкой весь земной шар. Обаяние и слава этого уже и не человека, а полубога были так велики, что несметное число младенцев мужского пола, явившихся миру в ту пору, нарекли Юриями.

Я же родился до юрского периода.

* * *

Первая в моей жизни дурацкая история случилось как раз в те дни, когда вся моя будущая семья — отец, мать, дед с бабкой, три тетки очень разного возраста и пятнадцатилетний дядя Михаил готовились к двум событиям: к празднованию Нового года и к моему вероятному рождению. То, что я вот-вот появлюсь на свет, ни у кого, особенно у мамы, не вызывало сомнений: последний месяц я нетерпеливо ворочался в ее животе, как медведь в берлоге, затосковавший по весне. Я подозреваю, что кое-кто из родни праздников ожидал больше, чем моего рождения, и даже боялся, как бы не произошла досадная накладка. Именно то, что вся эта нелепая история выпала на канун Нового года, когда у части родственников было шальное настроение, хоть как-то объясняет

случившееся со мной несчастье и оправдывает этих людей.

Как все это происходило, я могу предположить и даже описать в лицах достаточно подробно по множественным, хотя и отрывочным, воспоминаниям участников событий...

Итак, морозный звездный вечер, шахтерский поселок. Уже водружены и светятся крашеными лампочками две елки: одна — перед Дворцом культуры, другая заморожена в лед посреди катка.

Дед, хозяин дома и глава рода, сидел за столом в большой комнате и, слушая последние новости из черного эбонитового радио, рисовал химическим карандашом резвящихся лошадок по краю вчерашней газеты. Толстые губы его кривились — у деда был постаревший вместе с ним конфликт с правительством страны, а попросту говоря, он ему не верил и подвергал внутреннему осмеянию все, к чему призывали «наверху».

На кухне бабушка, бормоча, возилась в огромном тазу с разваренными пороссячими ножками, готовила холодец. Очищенные от мяса копытца, похожие на шахматные фигурки, она складывала рядом на клеенку.

Мой отец, запрокинув носатую птичью голову, похрапывал — ему сегодня было в «ночную».

Мама, тихая, как херувим, сидела на краю его постели и меланхолично листала журнал «Акушерство и гинекология». Делала она это не от страха перед родами — просто принимать появившихся на свет детей была ее профессия.

Старшие мамыны сестры, девицы на выданье, в тот момент развлекались неизвестно где и с кем, история тут безмолвствует, зато младшая, бряцая длинными сосульками на махровых шароварах, как венецианская люстра, только что вернулась с катка и, спешно похлебав щей из алюминиевой миски, прилежно засела за уроки.

Хулиганистый дядя, хапнув уже на чьем-то дворе теплой шипучей бражки, теперь с беломороиной в зубах прогуливался с друзьями по улицам поселка в поисках приключений на одно место.

Около девяти часов вечера раздался простуженный скрип досок крыльца и кто-то осторожно постучал в сени. Все, кто услышал шаги и неуверенное царпанье, оторвались от дел и вопросительно пере-

АВТОР

Борис Николаевич Телков родился в 1961 году в городе Нижнем Тагиле, здесь же окончил горно-металлургический техникум. Первая публикация — 1983 г. Первая книга «Время ночного чая» вышла в 1997 г. Автор пяти книг. Редактор журналов «Демидовский вестник» и «Хорошо». Лауреат литературной премии П.П. Бажова за 2005 г. Член Союза писателей России с 2000 года.

глянулись меж собой. Похоже, это был дальний гость — поселковские громко топали по крыльцу, как лошади, пинали валенками в дверной косяк, стряхивая снег, и если стучались, то никак не в сенки, а уже в оббитую рыжеватым войлоком дверь, ведущую в дом.

— Кто там ходит? — встревоженно и даже грозно выкрикнула бабушка — она не любила гостей, тем более незваных да поздних, чего нельзя сказать о дедушке, который тут же встрепенулся, омолодился и повел плечами, будто расправил невидимые крылья. Чутье ему подсказало, что этот вечер не так уж безнадежен. Мой дед всегда был настроен на праздник.

За дверьюбрякнули развешанные вдоль стены, как рыцарские доспехи, бабушкины тазы и кастрюли — неизвестный в темноте на ощупь упорно пробирался к двери. Наконец ему удалось нащупать ручку.

В клубах морозного пара на пороге возникла сухонькая пожилая женщина в серой шали, черной плюшевой шубке и с котомкой за плечами. Следом за ней вошел мужик в овчинном тулупе и такой огромный, что увидевшим его показалось, будто на них падает стена.

Насколько боязливо и даже заискивающе пролепетала что-то гостя, настолько уверенно, по-хозяйски повел себя ее спутник.

— Здравствуйте, люди добрые! — гаркнул он и, сняв пеструю собачью шапку, швырнул ее на лавку. От его свежестриженной под полубокс головы остро пахло крепким одеколоном.

Домашние невнятно, пришибленно ответили на приветствие незнакомцев.

Через несколько минут выяснилось, что поздние гости совсем не посторонние люди, не приبلуды, а наоборот — очень близкие родственники из-под Воронежа, во всяком случае, женщина с котомкой. Она — родная мать моего отца, а мужик — «как бы ее муж». Именно так со смешком представился сам пахучий громила, подмигнув деду и при этом залихватски крутанул

щепотью седой ус. Его спутница стыдливо отвернулась к двери...

Чета с Дона приехала на Урал проведать родственников, прицелиться к здешней жизни и, возможно, осесть здесь в какой-нибудь из деревень навсегда.

Гостям предложено было раздеться, их усадили за пока еще пустой кухонный стол. Бабушка (та, первая) молча убрала таз с холодцом со стола, шикнула на мою тетю, чтоб убиралась в соседнюю комнату делать уроки, и поставила на печь чугунок со щами. Дед уже нырнул в подпол, откуда позвякивал неприкосновенными новгородными запасами спиртного. Кажется, у него возникла деликатная проблема: ставить на стол магазинную водку или поселковый этикет позволяет в этом случае обойтись самогонном. Все-таки приехали без предупреждения, на ночь глядя... Дед нашел компромиссное решение: из погреба он выскочил, как черт из шкатулки, с двумя бутылками.

Кое-как, в четыре руки разбурили моего отца. Натянув штаны, он вышел к гостям.

— А-а, привет... — отец, еще не пришедший в себя после сна и от увиденного в реальности, почесал свою лохматую голову. — Вот не ожидал, письмо бы черкнула, встретили...

— Колька, а ты все такой же, как и в детстве, шкилет... — некоторое время женщина с тихой грустной улыбкой разглядывала свое великовозрастное дитя, потом бросила короткий взгляд на его жену, откровенно беременную мною. Одобрительно покачала головой, отягощенной уложенной в кольца толстой косой. Дескать, молодцы ребята, время даром не теряете... Моя вторая бабушка была, как подросток, маленькая и худенькая, с крупными натруженными руками и светло-голубыми иконописными глазами на пол-лица. Эти большие глаза и тонкие черты лица она передала в наследство своему сыну: когда отец после какой-нибудь мужской вольности виновато смотрел на свою жену, мою маму, та не выдерживала его взгляда и

замахивалась на него тряпкой: «У-у, Николай-угодник, глаза сейчас вытекут!..»

Трогательной встречи матери с сыном не произошло — ни объятий, ни счастливых слез, ни поцелуев... Как я узнал уже в зрелом возрасте, на то были свои причины: воспитанием моего отца занимались его дед с бабушкой, с ними он пережил немецкую оккупацию, а после смерти стариков угодили в детдом, откуда бежал, а потом бродяжничал. Мать тем временем в одиночку поднимала троих дочерей — муж, сделав ей последнего ребенка, утонул по весне, когда перевозил муку через Дон по хрупкому льду. Грустная история, в которой никто не виноват...

Между моим отцом и его матерью установились настолько прохладные отношения, что они жили по много лет, не имея никаких весточек друг о друге. Письма тоже не перепархивали от одного к другому: она была неграмотна, он же в своем беспризорном детстве, кажется, всегда находил занятия поинтереснее, чем чтение классики, а тем более — синтаксис и орфография: до самой смерти отец испытывал перед чистым листом бумаги какой-то дикарский страх.

Если бы мать моего отца приехала в гости одна, вечер прошел бы тихо, уютно, за полночным чаепитием, женским щебетанием, охами да вздохами, у деда — потенциального осквернителя благолепия — были бы отобраны бутылки, а его самого отконвоировали бы окриками в постель. С шепотным стариком семья уже имела большой опыт борьбы, свои испытанные приемы, неплохо показавшие себя на практике и отработанные до автоматизма — на него, затеявшего очередной переворот и смену власти в доме с демократии на диктатуру, семья наваливалась гуртом и легко упеленывала полотенцами в течение пятнадцати минут.

«Как бы муж» моей новой бабушки оказался семье не по зубам — его было много. Очень много. Целая гора. С действующим вулканом на вершине, сотрясав-

шим в округе воздух и наполнявшим его чесночно-одеколонным духом. Моя тихая – по большому счету – семья не привыкла к таким объемам, звучанию и манерам. Пришелец горланил, громко хохотал, поднимал стол пузом, когда тянулся за хлебом, хлопал деда по плечу так, что потревожил ключицу, поломанную в шахте еще в годы войны. И ел, ел, ел. А еще больше пил. У щедрого на застолья деда, как у ребенка, наворачивались слезы, когда он видел, в какую бездну, в прорву уходят его сокровенные «четушки» и «бомбы». Первое время он пытался не отставать, но вскоре не выдержал гонки, сломался и сошел с дистанции – отец, собиравшийся идти в ночь на работу и поэтому не пьющий, оттащил своего тестя на кровать. Прежде, чем скрыться за ли-

нялой занавеской в горошек, дед из последних сил погрозил гостью желтым ногтем. Мол, не балуй тут, я все вижу и еще вернусь.

Отсутствие главного хозяина за столом ничуть не смутило гостя. Он непрерывно выдавал «на-гора» тосты и сам же пил: женщины сидели перед рюмками с наливкой и на его здравицы с испуганной синхронностью кивали головами – да-да-да... Между тостами «как бы муж» учил женщин, как правильно делатьпельменное тесто, сеять морковь, хранить картошку, перекрашивать самогон, в какое время закрывать вьюшку, чтобы дольше удержать в доме тепло. Моего отца, уже недавнего «москвичку», спросил, кем он работает на заводе, и тут же выдал несколько советов, как нужно стропить груз. И этого всез-

найке-громиле показалось мало: громоподобным окриком он вызвал мою младшую тетю из соседней комнаты и попросил показать тетради...

Хозяйки дома, бабушка и моя мама, очень рассчитывали, что гостя наконец-то успокоит своего спутника, но тут они ошибались: она, чуть дыша, смотрела на него снизу вверх светло-голубыми влажными глазами с собачьей преданностью и обожанием.

Ближе к полуночи вернулись гуляки – две тети, разругавшиеся от поцелуев у калитки, и дядя Михаил, дышащий через раз и норовивший как можно быстрее нырнуть в постель. Происходящее за столом ввергло их в состояние легкого шока.

Теток великан усадил по обе стороны возле себя, между делом огладив их по налившимся женской спелостью задкам. Свою художочную «как бы жену» он одним движением руки смахнул к краю стола. Михаилу вовсе не нашлось места среди пирующих, и он поставил свою тарелку на крышку бачка с питьевой водой, стоящего в углу комнаты.

Через пятнадцать минут все мои тетки уже были женаты на «племяшах» пришельца, а дядя устроен на работу шофером в какую-то казачью станицу. Неугомонный тамада, решив обмыть эти радужные семейные перспективы, в очередной раз нырнул по проторенной дорожке в подпол, и, когда уже брякнул на стол по бутылке «беленькой» и «красненькой», произошел небольшой казус. Выяснилось, что в доме закончилась вся еда. Нет, конечно, что-то съесть еще было можно – в том же подполе на полках рядыми стояли пыльные трехлитровые банки с соленьями и вареньями, но гость под водку предпочитал только мясо. Или сало. Но никак не «этот силос». Он прямо так об этом и заявил и вопросительно, с уже затаившимся во взгляде упреком посмотрел на хозяйек.

– Ну, если только холодец... – пробормотала бабушка. – Так он еще не остыл.

— О! А говоришь, что ничего больше нет... Давай, мать, мечи на стол!

О том, «как бы родственник» поедал это варево, а по сути, теплый свиной бульон с чесноком и луком, моя мама вспоминала десятилетия спустя. Дело в том, что бабушка, желая, «чтоб пузан лопнул и больше ничего не просил», налила ему не тарелку, а средней величины таз «недохолодца». Она была уверена, что после такой дозы человек просто не выживет.

— Отличная хавка! — воскликнул гость и... покрошил в таз с полбулки хлеба.

Лучше б бабушка не давала ему этот холодец! Хотя кто мог предположить, что после того, как он будет уничтожен, а водка выпита, случится следующее...

Великан почувствовал новый прилив вдохновения. Он тоскливо оглядел кухню, вяло заинтересовался трещиной на потолке возле умывальника. Нет, хотелось чего-то большего, иных просторов. Потом новатор перевел взгляд на сидящих перед ним людей и тут с удивлением и радостью обнаружил, что остался-таки в доме человек, в судьбу которого он еще никоим образом не вмешался.

Это был бедный я, на тот момент прятавшийся в мамином животе.

— Когда принесешь мне внука? — облизывая жирную ложку, бесцеремонно, как самый близкий родственник, спросил гость мою маму.

— Почему же обязательно внука... А может, девочку? Вот в медицинском журнале пишут, что пол ребенка... — от смущения и досады на такую бестактность мама стала умничать. Желая защитить меня, она даже прикрыла живот руками.

— Внука, внука давай быстрее, и нечего там рассусоливать, — громила погрозил пальцем, отчего мама покраснела еще больше. — Как кликать-то будете?

— Вы что имеете в виду?

— Имя уже придумали парню?

— Н-нет еще...

— Да? — радостно воскликнул гость, и повернулся к маме вместе со стулом. — Ну, тогда назови его...

Как далее повел себя этот Пантагрюэль с Дона, в воспоминаниях очевидцев имеются некоторые незначительные для людей посторонних, но существенные для меня разногласия. Одни говорят, он якобы надолго задумался, прежде чем назвать имя, и даже подпер щеку кулаком величиной с небольшую дыню. Другие утверждают: имя «Борька» выскочило из уст гостя сразу, будто уже сидело во рту, как в засаде и ждало только удобного случая.

Следующие нюансы: куда смотрел «как бы муж» моей бабушки, после чего произнес имя. Женская часть очевидцев успокаивала меня тем, что «наименователь» разглядывал мамин живот, словно пытался по его формам и размерам представить меня. Единственный свидетель мужского пола, ехидный дядя, клянется, что имя мое было произнесено после того, как гость заглянул в ведерную кастрюлю, где оставалось еще немного свиного холодца.

Я почувствовал, что по ту сторону живота мне готовится какая-то гадость, и обиженно дернулся...

— Ну, все, решено, — довольный проведенным вечером, громила наконец-то встал из-за стола. — Через три недельки мы с матерью вернемся и как следует, — был сделан упор именно на эту фразу, — отпразнуем Борькино рождение.

Вернувшись со двора, гость бросил на пол возле печки свой тулуп, лег на него и тут же захрапел. В шкафу тоненько задрезжалась посуда...

Так я получил свое имя.

* * *

Конечно, довольно странная и нелепая история. Даже обидная. Получить на всю жизнь имя от человека вообще постороннего, что называется «левого», неизвестно откуда взявшегося на мою беду. Не каждому так везет. Но самое удивительное в этой истории то, что

с его мнением безропотно смирилась вся родня, как будто они в тот предновогодний вечер давали имя не продолжателю рода, а какому-нибудь прибывшему ко двору щенку.

Почему смирилась мама, женщина достаточно строптивая и своенравная, мне тоже непонятно. Потом она не раз говорила мне, что хотела дать мне имя Володя, но не в честь Ленина, как называли моего непутевого двоюродного брата, а в память о своей любви к золотисто-кудрявому коренастому матросу Северного флота. Даже после моего рождения он некоторое время забрасывал маму душещипательными письмами и пышными букетами цветов, нарисованными цветными карандашами на картонках из-под обуви — морячок в свободное от несения службы время баловался живописью.

Родственники, участники этого, чуть не сказал трагического, события, как я догадываюсь, все же чувствовали свою вину передо мной. Через несколько лет они решили завести поросенка. Так же, как и в истории со мной, встал вопрос, как назвать этого крючкохвоста. Родственники сгрудились вокруг посылочного ящика, на дне которого на охапке сена сопел розовый хрюшка. Пошептавшись меж собой, они разом посмотрели на меня и единодушно покачали головами: «Так мы называть поросенка не будем».

Не знаю, кого этим они хотели успокоить: меня или свинячьего детеныша...

* * *

Я родился ровно через три недели, в ночь на старый Новый год.

Родственники с Дона так и не пришли поздравить моих родителей. Мою вторую бабушку я увидел, когда уже учился в школе, а ее «муж» так и остался навсегда «как бы» — громила бросил ее и ушел куда-то дальше перекраивать и переиначивать окружающий мир. Возможно, давать чужим детям имена, чтобы оставить на земле хоть какую-то память о себе...

С" и б" лезней, к" лдо с" а ачевания

Увы, в нашем роду искусство врачевания, кажется, сошло на нет. Я последний его обладатель, способный поставить под сомнение диагноз участкового эскулапа, написанный на клочке бумаги с расплывчатым синяком печати. Извините, с гематомой. Любопытная деталь: за всю свою жизнь я не встречал врача с хорошим, «читаемым» почерком. Судя по тому, как эти нервные всплески пера по бумаге, похожие на лихорадочный пульс, легко разбирает его собрат в белом халате, их в институтах обучают еще и тайнописи, своеобразной защите от мнительного больного.

Любая запись в истории болезни выглядит, как тайный смертельный приговор.

* * *

Маломальское специальное образование — фельдшерско-акушерское училище, а тогда его называли почему-то техникум — из врачей нашего рода получила только моя мама. Мы же с дедом лечили всех живых существ по душевному влечению и врожденному любопытству к таинствам природы.

Слава деда как целителя-неформала не ограничивалась поселком, на обитателей которого он использовал свой дар. Более того, старика можно смело назвать врачом самого широкого профиля: его клиентами были как люди, так и животные различных размеров, пушистости и рогатости.

Однажды, когда мама лежала в больнице, а дед к тому времени — уже несколько лет на шахтерском кладбище, соседка по палате посоветовала ей съездить на Рудник и найти там местного колдуна Ефима Кожевникова.

— Не знаю, правда, живой ли он. Было время, многие к нему из

города наведывались, порчу снимали... Денег не брал, говорил, что у самого есть, а от чекушки никогда не отказывался...

Мама, конечно, здорово удивилась тому, какой народной, почти как у земского врача, популярностью пользовался ее отец, насколько широка была его практика, ну, а в остальном сомневаться не приходилось: мой дед не знал иной формы оплаты за свои труды, будь то рытье колодца, ветеринарные услуги, прививка или опрыскивание яблонь...

О снятии сглаза и как это делается, у меня остались личные воспоминания.

Как целитель, естествоиспытатель и немного философ, дед имел собственные убеждения и взгляды на природу болезни. Так, по его мнению, человек (или какая другая скотинка) не может заболеть, а тем паче умереть (отбросить попытку), если ему в этом не помогут окружающие. Попросту говоря, не облепят со всех сторон черной завистью. Сам он из этих же соображений при жизни старался ничем не выделяться среди посельчан, а перед смертью облегченно вздохнул: «Прожил я хорошо, богатым, слава Богу, не был, но и не нищенствовал. На табак и четушку всегда деньги были...»

В детстве я болел мало, но с чувством, страстно. Если температура, то под сорок, если кашель, то откуда-то чуть ли не из желудка, если ушиб, то с переломом. Одним словом, не мелочился. А что? Имею право, живем один раз.

Когда все лечебные средства, утвержденные Минздравом СССР, типа пилюли, микстуры, горчицы, оказывались бессильны перед моей могучей всепобеждающей болезнью, мама нехотя обращалась к народным экспериментам в этой области. Тут, конечно, не обхо-

дилось без советов деда. Правда, они отличались каким-то подозрительным однообразием: основным компонентом его снадобий была водка. Истинным бальзамом против всех болезней дед считал горячий сладкий чай с разведенной в нем «сорокоградусной» — «чтобы кровь бегала по организму». А за бутылкой он предлагал метнуться сам.

До сих пор помню вкус этого жуткого, вонючего коктейля!.. Потом, правда, ничего, становилось как-то веселее болеть. Кровь действительно бегала, даже подпрыгивала, в ушах шумело, как будто летел с горки на велосипеде, потолок вообще уплывал в сторону. Как из омота, выныривал счастливый взъерошенный дед и, тыча в меня соленым огурцом, восклицал: «Смотрите, Борьке уже лучше! Ха-ха-ха!.. Что я говорил?! Ну, мать, наливай!..»

И я засыпал...

Если же не помогали ни таблетки, ни чудотворный чай с водкой, мама, скрепя сердце и временно забыв про свои материалистические убеждения, просила деда пошаманить надо мной... Не могу сказать, что тот с радостью кидался меня лечить. Нет! Он сначала удовлетворял свои колдовские амбиции, периодически высмеиваемые и угнетаемые всей семьей от мала до велика. Раздувшийся от самодовольства, как клоп от крови, дед даже не поднимался со стула, пока дочь, дипломированный фельдшер, чуть ли не становилась на колени перед ним и не признавала бессилие официальной медицины перед моей болезнью. Существовал, правда, более простой способ уговора капризного колдуна, когда наша бабушка, не имевшая представления обо всем многообразии взглядов на мир и природу человека, а также плохо разбиравшаяся в

тонкостях и изяществе театральной игры, хваталась за березовое полено...

Всем своим надменным и как бы уже потусторонним видом изображая, что снятие порчи — это вам не тупую иголку в задницу воткнуть, дед «перед работой» выкуривал сигарку у раскрытой дверцы печи. Молчали все, старик зрел, набирался сил, неведомых простым смертным, готовился сразиться со злом, взявшим в плен его внука. Потом он наполнил чистый стакан водой из питьевого бачка, вновь подсаживался к печке, долго смотрел на всполохи огня — лицо его делалось величественным, бронзовым, по резким морщинам начинал струиться пот. Наконец дед сначала кочергой, а потом и голой рукой выхватывал из печи уголек и бросал его в стакан. Пока уголек, шипя и фырча паром, скакал по поверхности воды, старик что-то быстро шептал, прикрыв рот рукой...

Если же я заболел летом, когда печь не топили, дед поджигал пучок лучины.

Так в домашних условиях готовилась живая колдовская вода.

Далее дед под каким-либо предлогом елейным дребезжащим голоском вызывал меня на кухню, чтобы sprysнуть набранной в рот водой. Как я догадываюсь, колдовская инструкция к применению этого средства лечения рекомендовала окроплять живой водой больного только неожиданно, чтобы сидящий на нем черный глаз не успел затаиться, подобно юркому таракану.

Мне было лет пять, когда я в первый раз подвергся дедовскому лечению. Перед этим мы с другом Сережкой Гаевым и стаей свиристелей плотно пообедали мерзлыми ягодами с нашей яблони-дички. Потом — ангина, почти полная потеря голоса, бред на всю ночь, испуганные перешептывания домашних, и вот я в длинной мятой майке, вроде сорочки, надетой на голое тело, мотаюсь из стороны в сторону, выхожу на кухню, а дед, коварно выскочив из-за печки,

выплевывает на меня целый водопад.

Несколько секунд я недоуменно смотрел по сторонам — что случилось? — а потом безголосо, как маленький Герасим, заблажил. Слезы брызнули из глаз: сначала со страха — мне показалось, что дед безобразно пьян либо сошел с ума, потом, когда я увидел его довольную кривую ухмылку, заревел от обиды — тоже мне... старый шутник! Одним словом, ничего лестного о нем я в том момент не подумал.

Повзрослев и поняв, что эта водная процедура делается ради моего здоровья — вот такое, блин, лекарство! — я уже покорно выходил и становился под дедовский фонтан. Потом мама меняла на мне белье, и я вновь ложился в постель.

Однажды, когда я почему-то упорно не хотел мокнуть и вся родня никак не могла выманить меня из кровати, дед психанул и просто-напросто выплеснул целый стакан живой воды мне под одеяло.

— Я тебя отучу болеть, засранец!.. — пробурчал он и еще что-то добавил менее внятное, но более обидное.

Кроме избавления от сглаза, дед умел останавливать как внешние, так и внутренние кровотечения (по семейной легенде — даже взглядом), снимал опухоль, шерстяной питью сводил бородавки, вправлял вывихи и грыжу. И все же животных он лечил с большим удовольствием, чем людей. В этом случае он не гнушался обращением к официальной медицине, имел даже собственную библиотечку — несколько потрепанных ветеринарных книжек. Более того, все стены его садового домика — три на три метра — были обклеены неведомо откуда взявшимися плакатами с изображением разных пород лошадей, коров, свиней и кур. В детстве я мог любому горожанину легко объяснить, чем владимирская корова отличается от «тагилки» и какова разница в удоях и живом весе.

Помогала ли мне дедовская ворожба — не знаю, не помню, но

судя по тому, что старик не единожды проводил надо мной эту экзекцию, наверное, какой-то эффект был, или же мама считала, что в борьбе с болезнью сына все средства хороши.

* * *

Сам дед с легкостью выходил из любой болезни, как изящнорукый фокусник из запертой клетки, опущенной на дно морской пучины. Мне порой казалось, что он будет жить вечно...

Краткая опись былых недугов моего деда, составленная по воспоминаниям его дочерей и выстроенная в ряд в хронологическом порядке, напоминала бы перечень славных битв, в которых участвовал какой-либо знаменитый полководец. Все сражения закончились его полной блестящей победой. Вернее, почти все. Кроме последнего, пожалуй, самого нелепого...

Мой дед был живуч, как полевой знак.

Подобно былинному богатырю Илье Муромцу, он, обезноженный от рождения, просидел долгие годы на печи в деревенской избе. Жизнь среди рыжих тараканов величиной с детский мизинец, бочонков с теплой бражкой и пахнущих горелым сухарем валенок не прошла для него даром — еще семилетним мальчишкой дед научился двум важным для серьезного мужика вещам: курить зелье и выпивать. Эти навыки он приобрел опять же благодаря болезни зубов — деревенские люди, не гонявшие лошадь за полсотни верст в город по мелочам, любую боль снимали доброй порцией самосада или ковшом браги.

Чуть позже дед выучился кое-какой грамоте.

Ближе к восемнадцати годам на него снизошло чудо. Возможно, он понял, что так, сидя на печи, можно вообще остаться без красной девки и сопутствующих этому радостей. Короче говоря, однажды утром дед соскочил на пол и... пошел. Да так, что более легкого на ногу человека я не встречал за всю свою жизнь...

Невесту деду родители искали три года. Наконец, выбрали – конечно, для себя, для дому, для семьи. Любвеобильного и непрактичного в своих устремлениях жениха тут никто не спрашивал. Нашли девку работающую, коренастую, из крепкой семьи. С угрюмым взглядом – не до глупостей мне!.. Потом до конца жизни дед с бабушкой будут спорить и бить тарелки на тему, чем род был богаче. Я из их криков и доводов, честно говоря, так и не понял, на чьей стороне правда, но догадываюсь, что бабушкин клан был как-то покруче, поосновательней.

Когда я думаю о моих стариках, дед мне представляется легким,

игривым челном, готовым лететь по воле волн, бабушка – тяжелый разлапистый якорь с толстой грохочущей цепью, держащий на привязи это неразумное дурашливое судно...

В начале тридцатых годов оба рода, бабушкин и дедушкин, включая их самих и родившуюся дочку, раскулачили и сослали на Урал, а конкретно, в Нижний Тагил. Все вмиг стали бесправными оборванцами. Переход от достатка к полной нищете так впечатлил молодого деда, что впредь он уже никогда не завидовал чьему-либо благополучию, а смотрел на него как на временное явление.

Когда моя мама рассказывала о первых годах жизни своих родителей в ссылке, мне всегда казалось невероятным, как же они выжили. Конечно, условия их существования напоминали фашистский концлагерь: выкорчевка пней, работа за паек под охраной, сырые лохмотья вместо одежды, зимовка в землянках, замерзшие трупы, сложенные в штабеля, будто дрова. И все же мамин рассказ заметно отличался от тех историй, которые мне уже приходилось слышать от других участников этих мрачных событий.

Будучи медиком не столько по образованию, сколько по своей человеческой сути, она любой

факт рассматривала с точки зрения медицины. Житье в переполненных бараках — это брюшной и сыпной тиф, дизентерия. Зимовка в лесу — цинга, куриная слепота, ревматизм. И тут же подробная лекция: симптомы этих болезней и как надо лечиться.

После того, как бабушку с маленькой дочкой удалось по невероятно счастливому стечению обстоятельств отправить домой, дед остался один. Правда, бабушка пробыла в деревне недолго: крестьяне, перепуганные чистками и жесткой коллективизацией, сдали беглянку в милицию, а оттуда ее вновь по этапу вернули в Тагил. Деда тем временем вместе со штрафниками перевели на Рудник имени III Интернационала. О добыче медной руды мама поведала следующее: обвалы, пожары, силикоз, быстро переходящий в туберкулез.

В забое было жарко, шахтеры раздевались почти донага. Сверху на их потные спины капала влага, прошедшая сквозь медные толщи и превратившаяся почти в кислоту. Мама тут же добавляла: «Жидкость разъедала кожу, образовывались незаживающие язвы. Вылечить их очень сложно, возможно, заражение...»

Это было действительно так. Помню, как в детстве дед повел меня в шахтерскую душевую — в поселке в те дни почему-то не работала баня. Возле синей фанерной кабинки он сбросил исподнее белье, и я впервые увидел деда обнаженным. Меня поразила его спина — от песочных завитков волос на шее до ссохшихся гипсовых булок ягодич она была изрубцована вдоль и поперек и напоминала перекопанное по осени поле. Не успел я прийти в себя от удивления, как распахнулась дверь, и из душевой с блаженным урчанием выскочил весь в брызгах воды колченогий старик-татарин с полотенцем на голове.

— Здорово, мужики! — приветствовал он нас и прошлепал мимо по кафельному полу к своему ящику.

У него спина была искорежена точь-в-точь, как у моего

деда. Братья по несчастью, по судьбе...

На войну деда не взяли — шахтерская броня — и тем не менее в живых он остался только чудом. Дед, как заговоренный, выходил нетронутым из множества завалов и пожаров, пока в сорок третьем году заряженный тяжелой медью булыжник не пробил его каску и не разворотил изрядно голову. Когда тех, кто остался в живых, вытащили на поверхность земли и разложили перед доктором, тот некоторое время раздумывал, имеет ли смысл возиться с дедом, ибо выглядел он очень уж непривлекательно и даже безнадежно — не затылок, а студенисто-кровавая нашлапка из волос, кожи и ослепительно белых осколков костей.

Когда голову все же обмыли и рассмотрели рану повнимательней, выяснилось, что деду, по сравнению со многими его товарищами по несчастью, просто повезло: камень-таки не пробился до мозга. Деда наспех перевязали, чтобы невзначай что-нибудь еще не выпало из дырявой головы, погрузили на телегу и повезли в больницу. Дочери его, и в частности моя мама, игравшие на улице возле своего барака, видели, как проезжала мимо эта повозка. Дед к тому времени очнулся и слабо махнул детям рукой. На перепуганный крик и плач девчонок выбежала бабушка, соседи... В больничный двор дед въехал сопровождаемый целой толпой оборванцев с улицы. И это было весьма кстати, потому как пострадавшего не положили на койку, а лишь заштопали, как тряпичную куклу, крупными стежками и дали справку, позволявшую не ходить на работу три дня.

Все это время, согласно воспоминаниям моей мамы, дед страдал от «рвоты и головокружения до потери сознания». На четвертый день бабушка одела его и, как несмышленного ребенка в детский сад, повела за руку на работу. Он не помнил дорогу до шахты, несколько раз падал в обморок, а едва спустившись под землю, надолго отключился от жизни. После работы бабуш-

ка встречала мужа у проходной либо просила соседней довести его до дверей барака.

Деда объявили симулянтом и дезертиром трудового фронта, над его несчастной во всех смыслах головой сгустились тучи. Время было серьезное: не успевшие выполнить норму шахтеры спали на дощатых лежанках прямо в забое. Дед оказался перед выбором: схлопотать срок за тунеядство либо умереть в шахте. Он выбрал последнее, но, к счастью, дело до этого не дошло — его все же признали непригодным для работы под земляной толщей. Потом дед до самой пенсии возил руду на тачках, пилил листовницы для крепей, строил бараки, чистил выгребные ямы.

Тот удар медным камнем дед не сможет забыть до самой смерти: его будут преследовать душевные ночные кошмары, внезапные головные боли, головокружения, потеря памяти и ощущения реальности. Так говорила моя мама...

Кстати говоря, голова — это самая многострадальная часть тела моего деда. Имея незлобивый, но задиристый, особенно в хмельном виде, петушинный характер, а также неувыдающую с годами любовь к веселым толстушкам — чужим женам, он периодически имел проблемы, выражавшиеся в неудачных драках. Ни разу не помню, чтобы дед кого-то побил. В детстве мне было за него очень досадно и даже стыдно. Он делал изящные наскоки и выпады, как фехтовальщик, и лишь совал кулаки под нос противнику, в то время как тот угрюмо и методично дубасил его наотмашь, чем попало. В лучшем случае, дед с позором оставлял на поле брани свою любимую пластмассовую челюсть, в худшем случае — стеноя, возвращался домой в белой чалме из бинтов. Моральный и физический урон он успешно лечил без всяких колдовских заморочек двумя-тремя обычными «четушками»...

Смерть свою дед принял опять же из-за своего неугомонного характера. Это по большому счету.

Дед всех людей делил на пьющих за свой счет и на халяву. К трезвенникам, как и ко всякой технике, он относился настороженно и даже с опаской — черт знает, что может выкинуть эта хреновина! Пьющих на свои кровные, к коим с гордостью причислял и себя, дед уважал, ставил в пример, а желающих отхлебнуть от чужой бутылки откровенно презирал и не скрывал этого при каждом удобном и не очень случае.

Будучи семидесятилетним стариком, слегка пьяненький, он возвращался апрельским вечером от приятеля домой. У магазина «Огонек» увидел компанию алкашей, так называемую «пятую бригаду», которая всегда паслась в тех краях в ожидании какой-либо легкой добычи. Они стояли под моросящим дождем, мучимые тяжелым похмельем. Изредка грызлись меж собой, как голодные шелудивые псы.

Дед подошел к ним и сказал все, что о них думает.

Его тут же молча окружили плотным кольцом и, подхватив под руки, озираясь, отвели за магазин, в складские закоулки. Спешно били кулаками и ногами, выгребли из карманов медную мелочь и мятую трешку, сняли все, что можно продать. Напоследок, чтобы старик не запомнил грабителей, ударили камнем по голове...

Но это была еще не смерть.

Ночью дождь перешел на снег. Деда нашли утром на окраине поселка лежащим в зловонной сточной канаве возле свинарника. После жестоких побоев он все же очнулся и, возможно, потихоньку добрел бы до дома, если бы не этот последний в его жизни удар по изувеченной голове. Как после трагедии в шахте, дед не смог понять, где он находится, и пополз прочь от поселка, в поле...

Вызвали «скорую помощь», и несчастного увезли в больницу. Кроме традиционно разбитой головы, у него оказались сломанными несколько ребер и насквозь промерзшие легкие. При кашле, кажется, слышался звон льдинок.

За всю жизнь дед ни дня не провел на больничной койке, поэтому на второй же день попытался улизнуть домой. Когда ему это не удалось, начал канючить у родственников, чтобы ему вместе с едой приносили «четушку» водки и махорки. Вынужденная неподвижность, стерильность и белизна вокруг, такая же вежливость персонала, череда приема лекарств и процедур повергли моего деда в глубочайшее уныние, привыкшего к неформальному лечению и общению «без галстуков». Он капризничал, выплевывал лекарства, вдруг ни с того, ни с сего начал подозревать бабушку, что она в его отсутствие встречается с соседом-чувашом по имени Петр. Бабушка даже всплакнула от неожиданности и обиды, а когда в палате никого не было, треснула деда костяшками пальцев тяжелой крестьянской руки. Опять же по его неугомонной голове.

Через месяц деда выписали. Вернулся он домой уже другим человеком, тихим и безразличным. Водка для него стала просто горькой водой. Она не заряжала его мужской удалью и задором, а навевала уныние и клонила в сон. По утрам он по-прежнему сворачивал себе «козью ножку», но, раскуривая ее, уже не раздувал хищно ноздри, не шурил блаженно глаза при каждой затяжке, а так, потягивал едкий дымок...

За лето дед лишь один раз взглянул в свой любимый сад. Проходя мимо клубничных грядок, тяжело наклонился, сорвал несколько «махмудок» — в мохнатой плесени подгнивших ягод — и отбросил их прочь.

Примерно в эту пору я приехал из армии домой в краткосрочный отпуск. Привез деду подарок — новенькие кирзачи. Знал, что всем башмакам в мире он предпочитает именно этот сугубо мужской вид обуви. Носил их и в зной, и в слякоть, лишь зимой, в жестокий мороз, мог сменить их на валенки.

Дед повертел в руках кирзачи, еще кисло пахнущие складом, погладил голенища, даже прижал их к небритым щекам, постучал паль-

цами по ребристой подошве, потом... равнодушно вернул их мне:

— Возьми себе. Мне их уже не износить, а начинать не стоит...

К осени дед вообще слег и стал похож на ребенка с нежными ручками и боязливым любопытством в глазах.

Дед на два дня пережил генсека Брежнева, но хоронили их в один день, таким образом, он навсегда связал свою жизнь, а вернее, смерть с Большой политикой, к которой был не по-доброму равнодушен.

В хмельном виде дед всячески поносил «усатого черта» Сталина. Будучи трезвым, вождя не ругал, но и не славословил. В самый разгар войны с фашистами неожиданно отрастил себе усы щеточкой, прозванные в народе «мечта бюрократа». Эта поросль под носом в сочетании с длинной косой челкой черных иссиня волос тревожно напоминала бабушке Гитлера. Скачущий над столом и брызжащий слюной фюрер, каким его рисовали на плакатах военного времени, был практически неотличим, по моему мнению, от пьяного мужа. Пуганная властью, осторожная бабушка умоляла деда сбрить усы, но тот, обычно не отличавшийся безрассудной храбростью, почему-то категорически отказывался сделать это. Так дед прощоголял усатым до конца войны.

Потом он, в периоды острого недовольства указами властей, будет еще не раз в знак протеста надевать под нос этот волосяной ершик.

Над сельскохозяйственными реформами следующего правителя — Хрущева — дед откровенно смеялся, называл его не иначе, как «кукурузником». Над своим ровесником — «бровастым» — панибратски ехидничал. Я даже один раз видел, как дед показывал язык Леониду Ильичу во время одного из его тяготящих выступлений по телевизору. Заметив меня, старик смутился, как школьник, и, высунув еще более язык, повернулся ко мне: «Борька, посмотри, не типун ли у меня вскочил? Никак не могу разглядеть...»

Когда Леонида Ильича опускали в землю, прекрасно обученные похоронному искусству кремлевские могильщики неожиданно допустили в своих действиях сбой, словно сломался какой-то четкий механизм: гроб не лег плавно на почву, а грубо брякнулся сначала одним краем, потом — другим. Этот гробовой стук эхом отозвался по всему миру и был по-разному осмыслен. Одни говорили, что это «Леня сердится», другие нашептывали — «ну, если уж в Кремле не могут нормально похоронить, значит, недалеко то время, когда вся страна развалится!» Кто-то услышал в стуке отголоски грядущей третьей мировой войны.

Тогда все эти предположения казались чушью, нелепицей, а сейчас понимаешь, что в каждом из них была доля правды...

Гроб моего деда, глухо ударившись о рыжие сланцевые камни, слегка подпрыгнул, но этот стук никто не услышал, кроме людей, склонившихся над могилой. Причина удара была ясна: не стоило разливать вторую бутылку водки похоронной команде, наспех собранной из соседских мужиков.

Об этом стуке все тут же забыли. Кроме меня. Когда по телевизору в очередной раз показали похороны Брежнева, мне подумалось о том, что дед в дни похорон напоследок не удержался и передразнил-таки своего кремлевского ровесника. Разделенные многокилометровым расстоянием, огромной толщей земли, глава государства и уральский рудокоп обменялись стуком гробами. Так заключенные в тюремную камеру перестукиваются меж собой, чтобы им не было одиноко в каменных сырых ящиках...

* * *

Моя мама была в семье крупный авторитет. Других своих детей дед с бабушкой могли любить сильнее, но уважать более — никогда. Мама с детства стояла на постаменте. Как маленький Ильич.

У нее было удивительное имя — такого я больше ни у кого не встречал, не находил ни в одном словаре — Литалия. Возможно,

такого имени вообще не существует в природе, просто старенький работник поселкового загса, куда маму в роковом 1937-м принесли запеленатую в тряпье, был глуховат или неграмотен. А может быть, дед в порыве какого-то поэтического вдохновения, навеянного водочными градусами и чудом рождения нового человека, сам придумал дочери имя. Не знаю...

В этом имени слышится нечто прекрасное — Италия... Леталия (что-то птичье) и ... жуткое — летальный исход. Так все и получилось. Имена нам даются неспроста. Даже если на первый взгляд это ошибка. В обыденной жизни все ее звали просто — Лида.

Непонятно, как маме удалось создать такой культ личности в своей семье. Потом это уважение и почитание она естественным образом, как бронзовый бюст со стола на комод, перенесла в свою собственную.

О ее школьных годах я до определенного времени ничего не знал, но был уверен, что учителя становились в очередь, чтобы оставить в ее дневнике восторженный отзыв о ее успехах. Вроде: «Дорогой Ефим Андреевич и Агриппина Юдовна! Весьма польщена присутствием Вашей дочери на уроке математики...» или «Ее познания в области фонетики глубоко впечатлили меня и растрогали до слез...»

Когда я, ученик старших классов, случайно наткнулся на мамин аттестат зрелости, то был несказанно поражен: моя мама — не отличница! И даже не хорошистка... Скажу откровенно — я увидел несколько троек. К счастью, не испытал того разочарования, которое испытывает ребенок, распотрошивший на детали любимую механическую куклу. Мамин авторитет, как поплавок, лишь слегка качнулся, задетый неясным движением в темной воде, и вновь застыл, устремленный ввысь. Памятник-стела. Я готов был обвинить в тройках кого угодно — трудное, голодное время, вредных учителей, но никак не маму.

Окончив школу, мама поступила в медицинское училище. Каж-

дый день она с двумя подружками ходила с Рудника в центр города и после занятий возвращалась домой обратно. Два часа с небольшим в одну сторону, столько же в другую.

В летнюю погоду поселковые девчонки надевали туфли только в городе, основной путь преодолевали босиком. Осенью брели, прячась от холодного дождя втроем под тяжелой от влаги офицерской плащ-палаткой. Зимой проваливались в сугробы, на занятия приходили с отмороженными щеками. Конечно, для многих подростков послевоенного времени подобные условия получения хоть какого-то образования были нормой, но для нынешних юношей и девушек — это уже подвиг...

После училища мама совершила тот роковой шаг, который в недалеком будущем переверкает всю ее дальнейшую жизнь. Из предложенных мест, куда она могла распределиться, мама, движимая благородным желанием лечить самых несчастных и, возможно, имевшая в мыслях несколько честолюбивых идей, выбрала для работы глухое селение где-то в приполярном Урале. Так как все благоразумные молодые медики предпочитали раскрывать свои таланты и делать карьеру где угодно, только не в этом диком краю, мама оказалась единственным специалистом на сотни верст вокруг. Это значило, что всю живность от оленя до престарелого охотника-манси доставляли к ее избушке-медпункту.

Вскоре старательная молоденькая фельдшерница стала не менее уважаемым человеком, чем председатель какого-то там охотничьего хозяйства, а уж значительней-то его в тех заснеженных местах был только бог тундры.

Мама проработала на севере больше года. Далекое, но всевидящее медицинское начальство предложило ей пройти какие-то дополнительные образовательные курсы или поступить заочно в институт, чтобы передать в ближайшем будущем в надежные мамыны руки еще несколько сот квадрат-

ных километров мерзлой земли со всем ее бродячим косматым населением. Так оно и случилось бы, но... не судьба.

Мечась от одного больного к другому, перескакивая с машины на оленью упряжку, мама совершенно забыла про себя. Сильнейшую простуду она перенесла на ногах, и в результате – заболевание сердца, ревматизм и даже общее заражение крови. Кое-как выкарабкавшись из больницы, мама получила новое предложение от руководства – нет! теперь уже не институт и северные просторы, а нечто попроще – выхлопотать бумаги на инвалидность и ехать домой. Болеть дальше.

Домой на Рудник мама вернулась, потеряв здоровье, но не оптимизм. Она собиралась сделать то, что нельзя: остаться со своей любимой медициной, выйти замуж и нарожать детей.

По этому поводу могу сказать только одно: свои желания она все же выполнила, но не полностью.

Когда я уже недвусмысленно заявлял о своем присутствии в виде выпуклости на мамином животе, врачи все еще вяло спорили меж собой: разрешать мне выход в свет, вернее, на свет либо вернуть обратно, в прах, в небытие. Мои сторонники говорили, что я обновлю мамин организм, придам ему силы, враги ухмылялись: ну-ну, посмотрим... Видели мы уже такое обновление: ребенок-сиротка или сам сплошная болячка.

Пока спецы препирались меж собой, писали бумаги «за» и «против», искали крайнего на случай неблагоприятного исхода, я заорал благим матом. Хотя нет, не матом. Просто заблажил от досады и острого восторга, впервые ознакомившись с миром, в котором мне суждено будет прожить несколько десятков лет.

Когда через несколько лет мама с папой, вочию убедившись, что эксперимент с моим рождением прошел благополучно, решили его повторить, братцу или сестренке повезло значительно меньше, чем мне: у него или у нее не нашлось ни одного сторонника... Так я

остался единственным ребенком в семье. Что ж, и на этом спасибо.

Отказавшись от инвалидности, мама несколько лет проработала фельдшером в поселковой больнице.

Врачи, предрекавшие мне одинокое будущее, оказались правы со знаком наоборот: если бы не мамина болезнь, я бы точно рос сиротой, ибо моим воспитанием в раннем детстве не занимался только ленивый. И мама. Ей было некогда. Маму ждали любимые пузатые женщины и чужие, пускающие пузыри дети. Мама видела меня только спящим...

Ни в ясли, ни в детский садик родители почему-то решили меня не отдавать, поэтому я летом целые дни слонялся по дедовскому огороду среди кур и коз, валялся с ними в пыли, как скотинка неизвестной породы, а зимой съезжал на санках с занесенного снегом погреба.

Чтобы я не забывал маму, отец водил меня к ней на работу. Куда бы мы ни шли с ним – в лес за грибами, в баню, в магазин за хлебом – всегда заворачивали в больницу. У мамы была возможность на четверть часа выбежать в приемный покой или во двор. Она снимала с меня шапку и трепала за нечесанные вихры. Я обнимал маму за колени. Так мы целовались. Вся она казалась мне насквозь пропахшей горьковато-сладким запахом лекарств. Не мама, а одна большая таблетка.

По дороге обратно я тайком от отца нюхал свои ладошки – они еще некоторое время пахли больницей...

Когда мне исполнилось лет пять, мама с папой решили отделиться от дедовской семьи – до сих пор удивляюсь, как девять человек умудрялись жить в доме общей площадью двадцать пять квадратных метров... Мои родители купили дом на Валегином Бору – так мы переехали с одного окраинного поселка на другой. Центр города был не для нас. По грустной иронии судьбы Валежка находилась в двух километрах от того места, где сосланные дед с

бабкой в тридцатые годы валили лес, прокладывая трамвайные пути.

Огромный шлакозаливной дом с резным крыльчком и балконом, новые знакомства – это тема отдельного рассказа. Для мамы переезд на новое место обернулся личной трагедией – ей не нашлось места в поселковом медпункте. Там работали несколько пенсионеров, полуграмотных, но крепеньких физически, и отдавать свои места без кровопролитного боя они не собирались. Ездить в город маме было уже не по силам...

Она затосковала и вскоре всерьез слегла в больницу. Вышла оттуда с ворохом справок и заключений врачей – вскоре ей дали третью группу инвалидности, чуть позже – вторую. Тридцатилетняя мама оказалась на одной скамейке со старухами. «Мы свое, слава Богу, прожили...» – устало переговаривались они меж собой. От их дыхания веяло пылью и пересохшими травами. Мою молодую маму старухи единодушно считали своей, то есть равной им кандидатурой на близкую смерть.

Мамина жизнь перекувырнулась, как неумелый акробат... Головой о землю.

Она всегда была человеком, которого ждали – родители, муж, больные. Конечно же я. Теперь она сама провожала и встречала нас с отцом. Меня она научилась распознавать по шагам за два дома – я «собирал ногами всю щебенку по пути». Отец появлялся бесшумно, как крадущийся индеец. Мама всегда вздрагивала, даже подпрыгивала на скамейке, когда улыбающийся муж вдруг возникал перед ее носом из воздуха. Его походку она называла мышинной, а когда сердилась на отца, говорила, что «Колька ходит, как крыса».

Тот букет болезней, который судьба вручила маме в совсем еще молодом возрасте, любого другого человека мог свести в могилу в ближайшие годы. Мама боролась за свою жизнь еще тридцать лет, и я бы не сказал, что они были начисто лишены радостей и даже звездных мгновений...

На Валегином Бору в те шестидесятые годы жили в основном люди простые, рабочие ближайших заводов и щебеночного карьера. Мама со своим медицинским училищем уже считалась местной интеллигенцией. Ее все уважали как интересную собеседницу и нужного специалиста — в медпункт, находящийся в соседнем поселке — Сухоложском, обращались только тогда, когда был нужен больничный лист, в остальных случаях — стучались в нашу калитку. А так как Валежка не была соединена со всем остальным миром телефонной связью, поселчане возложили на мою ответственную маму исполнение обязанностей «скорой помощи».

У мамы под кроватью всегда стоял наготове небольшой чемоданчик, обтянутый бордовым дерматином и потертый по углам до бахромы. Когда-то она приехала с ним с севера. В саквояже хранились в идеальном порядке и стерильности шприцы разных размеров, напоминавшие мне в детстве космические корабли, бинты, хорошо знакомые флакончики с йодом и зеленкой, какие-то жгуты, пузырьки с серебристыми головками, перетянутые резинками упаковки с таблетками. И даже одинокий, как последняя надежда или топор палача, скальпель, от зеркального мерцания которого у меня бегали мурашки по спине. Мне казалось, что можно порезаться от одного взгляда на него...

Часто нас по ночам будила какая-нибудь перепуганная соседка или вообще малознакомая женщина с другого конца поселка и умоляла маму сделать укол заболевшему мужу, а чаще всего стельной корове или козе.

Мама быстро, как солдат, одевалась. В ее голове призывно звучала труба. Сомнений по поводу того, идти в ночь или вернуться в теплую постель, у нее, как я теперь понимаю, вообще не было. Не через сорок пять секунд, а минуты через три-четыре мама в полном боевом снаряжении появлялась на крыльце. Рядом стоял я, в трусах и пальто. Отец — если просы-

пался — провожал нас ворчанием: «Медики ненормальные...»

Пока мама ставила укол, я сидел на кухне и пил чай с блинами или печеньем. Вокруг меня суетились, передо мной заискивали, как будто от меня зависело, придет мама в следующий раз на помощь или нет.

Так кусочек маминой славы я присваивал себе.

Мама, будучи на инвалидности, еще лет двадцать выписывала специальные медицинские журналы. Прочитывала их от корки до корки. Цыкала на всех, чтоб не шумели, когда по телевизору показывали передачи о здоровье. Не думаю, что она верила в свое выздоровление и в то, что когда-нибудь сможет вернуться в медицину. Тогда зачем все это? Человеку постороннему понять сложно. Тут как в любви: если нет возможности соединить узы браком, то хотя бы быть рядом.

Когда мамина болезнь перешла в последнюю, завершающую разрушение организма стадию, она часто размышляла о жизни и смерти. Почему-то запомнились две ее фразы...

Как-то после тяжелого сердечного приступа мама попросила зеркало, долго смотрелась в него, поправляла волосы истонченной и обескровленной, как сухая ветвь, рукой, а потом сказала, что не может поверить изображению: в ее сознании она осталась одной из тех девчонок, которые, укрывшись плащ-палаткой от моросащего дождя, идут вот уже почти полвека и никак не могут дойти до города.

Вторая ее мысль касалась непосредственно смерти. По маминим наблюдениям самое вероятное время для смерти простирается от двух часов ночи до четырех. Именно в это время она старалась не спать, приподнималась на локтях повыше и просила, чтобы в ее комнате в это время зажигали свет. Отец, как верный страж ее жизни, два года коротал ночь в кресле, стоящем рядом с кроватью. Когда сон наплывал на него, отец клевал воздух своим длинным носом,

отпугивая подкрадывающуюся к маме смерть...

Случилось все, как предрекала мама: однажды майской ночью в два часа пятнадцать минут отец поднес ей воды, потом перебрался в свое кресло и вдруг мгновенно забылся на четверть часа. Когда он очнулся, мама уже была мертва. Не уберег...

Она лежала, прижав руки к груди и сжав пальцы. Так со скрюченными лапками умирают птицы. Этим судорожным последним движением она словно подтвердила небесное происхождение своего имени — Литалия, Леталия...

Я не знаю почему, но первые месяцы после смерти мамы меня упорно преследовала мысль, во сколько же конкретно она умерла. Те роковые пятнадцать минут, в течение которых это случилось, мучили меня своей неопределенностью, зловещей тайной. Я чувствовал себя как человек, получивший сведения о том, что среди полутора десятка приятелей есть некто, желающий его смерти.

Мама сама избавила меня от этой муки. Однажды ночью сквозь сон я услышал ее голос: «Я умираю...» От ужаса я мгновенно проснулся и почему-то глянул на светящееся табло часов: 2.27. Вот когда...

«Я умираю», — шепнула мне на ухо мама, повторив предсмертную фразу любимого ею Чехова, правда, произнесенную им по-немецки в больнице курортного городка Баденвейлере. *Ich sterbe...*

* * *

Таинство деторождения я познал непозволительно рано.

Мамины журналы и книги по медицине, аккуратно сложенные на этажерке возле ее кровати, однажды привлекли мое внимание и с тех пор на протяжении десятка лет волновали воображение. Первое знакомство с этой литературой случилось тогда, когда я догуливал свое последнее свободное лето в жизни, а точнее, за месяц до того, как меня должны были забрать в первый класс. Помню, впервые

крепко пожалел, что не умею читать.

Отныне при маме я перелистывал страницы «Мурзилки» и «Веселых картинок», в ее отсутствие сопел над содержимым «Акушерства и гинекологии». Уж не знаю, что мне нравилось больше, но только вопрос деторождения бередил мои мысли и чувства сильнее. Я понял, что с женщинами не все так просто. Они — «не такие»...

До сих пор для меня остается загадкой, была ли маме известна моя тайная исследовательская деятельность. Вернее всего, что да, хотя я ни разу не попался ей на глаза изучающим «положение беременной при наружном измерении таза» или «прорезывание головки плода». Почему же мама не прятала от меня учебники по акушерству? Ведь она же знала о моем патологическом любопытстве к любой полиграфической продукции от дешевой газеты до старинного фолианта — до сих пор испытываю мозжение и ломоту в кончиках пальцев, если мне не удалось полистать заинтересовавшую меня книгу.

Я могу предположить два варианта ответа.

Первый: она хотела, чтобы я стал врачом. Правда, о том, чтобы именно гинекология стала моим призванием, мама ни разу не говорила, да и не могла сказать (подумайте сами, как бы это выглядело!), но зато, размышляя о медицине, порой спрашивала, интересна ли мне эта наука.

Теперь вторая предполагаемая причина, по которой мама не прятала от меня акушерские книги.

Как патологоанатомы могут спокойно отобедать на животе покойника, так и мама не видела ничего стыдного и запретного в гинекологической литературе. В моем присутствии она могла подробно втолковывать какой-нибудь поселковой молодой мамочке, как правильно сцеживать молоко, ухаживать за грудью и лечить «там» разрывы. Хорошо помню ее рассказы о том, как врачи совместно с милицией раскручивали цепочки тайных половых связей и доставляли венерически больных в дис-

пансер. Я тогда плохо понимал, о чем вообще разговор, но слушал внимательно и даже задавал какие-то вопросы.

Мама могла нарисовать мне на тетрадном листе сперматозоид и матку, но зато всегда краснела и шугала меня из комнаты, когда по телевизору показывали невиннейшую советскую эротику: влюбленные, неестественно хохоча, бегают меж берез, или он приближается к ней, его ноздри раздуваются, как меха, ее глаза становятся оленьими, наполняются влагой, и... свет в спальне меркнет. Цензор опустил рычаг рубильника. Будя...

Нельзя сказать, что своими открытиями в области познания женщины я щедро делился с приятелями. Учебник по гинекологии я показал лишь ближайшему другу, чем вверх его в состояние сильнейшего шока. Чтобы понять его ощущения, наверное, стоит добавить такую подробность: он рос в «девчоночьей» семье — рядом с ним, кроме матери и бабушки, проживали еще три старшие сестры. Ему — до этой книжки — казалось, что о женщинах он знает все, его уже ничем не удивить, и вдруг на тебе...

К тому же описываемые события происходили в конце 60-х годов, когда женщина в купальнике на обложке журнала воспринималась уже как откровение. Хорошо помню кабину «МАЗа», на котором приезжал домой обедать веселый чумазый парень, наш сосед. Мы, мальчишки, облепливали его машину со всех сторон, по очереди гладили тускло-зеркальную статуэтку могучего зубра на теплом капоте и до полного запотевания стекла от нашего дыхания пялили глаза внутрь кабины. Кто-то спорил о том, какая из педалей «газ», а где «тормоз», как переключаются скорости, и... все заворожено смотрели на несколько потертых игральные карты с полностью (!) обнаженными девицами, которые были наклеены на панель рядом с рулем. Девушки призывно улыбались нам, замерши в томных позах. Особенно запомнилась одна из них, самая юная, почти школьница: она стояла на цыпочках, от-

кинув в сторону одну ногу. Носочки ее были старательно вытянуты, как нас учили на уроке гимнастики...

Мои познания в области деторождения носили в те годы бессистемный дилетантский характер и, конечно же, не основывались на каких-либо практических опытах. Именно по этой причине я не единожды попадал впросак, в такие нелепейшие положения, которые вызвали бы презрительную насмешку у некоторых моих шалопаистых сверстников, мелом или обломком кирпича рисовавших и писавших на заборах разные непристойности и не знавших даже значения слова «гинекология».

Однажды, когда мама с отцом копались в огороде, я забрался за каким-то лешим под их полутораспальную кровать. Между пружинной сеткой и матрацем я обнаружил несколько бумажных пакетиков неизвестного мне назначения. Достав один из них, я занялся его исследованием. Надпись на нем ничего мне не объяснила. Пояснительной картинки не было вообще. Если же доверять ощупыванию пальцами, то внутри пакетика находился резиновый ободок. Сначала я подумал, что им может оказаться ниппель для велосипедной камеры, но после того, как осторожно надорвал бумагу, сразу же отверг это предположение — внутреннее пространство кольца затягивала тонкая резиновая пленка. Я осторожно надавил на нее пальцем — теперь находка напоминала недоделанный, то есть не окрашенный в какой-нибудь веселенький цвет, воздушный шарик.

Какие-то смутные сомнения все же подсказывали мне, что я на неверном пути и что найденные мною резиновые изделия связаны с чем-то стыдным и запретным, принадлежащим не моей, а взрослой жизни. Они хранились под матрацем не потому, что этим шарикам не нашлось другого места в доме, а их просто-напросто прятали от меня.

Увы! — я не прислушался к своим предчувствиям — уж очень мне захотелось в тот момент праздника... Один за другим я надул до размеров дирижабля несколько беле-

сых шаров и развесил их по всему дому на самых видных местах. Они бросали вялые блики своими слоновыми боками и меланхолически колыхались при малейшем движении воздуха. Закончив работу, я сел на стул и с нетерпением принялся ждать прихода родителей, предвкушая их удивление и восторг.

Они вошли в дом не одни — с Рудника приехала в гости младшая мамина сестра Надежда. От притока воздуха все шары мгновенно ожили и призывно взмыли вверх. Лично мне этот порыв здорово понравился, впечатлил он и вошедших. Моих родителей охватил продолжительный столбняк, зато моя молодая тетя сначала ткнула лицом в висевшую на гвоздях одежду, а потом стала медленно сползать на стул, благо он стоял рядом...

Я смотрел на происходящее со сложной переменчивой гримасой на лице, не зная, хохотать ли мне вместе с Надеждой или же обидеться и убежать — ясно, что с шариками я где-то промахнулся.

До сих пор помню тетин вопрос маме, заданный сквозь слезы и приступы смеха с повизгиванием:

— Ли-и-ида, что... что это у вас за такой праздник? Какое событие-то отмечаете?..

— К ноябрьским готовимся... — буркнул отец, взяв удочку и пошел рыбачить на поселковый пруд.

Самое удивительное и трогательное в этой конфузной истории то, что из уважения ко мне, к моему желанию их обрадовать родители еще с неделю не убирали развешанные по всему дому надутые презервативы. Мама с папой ходили по комнатам, вздыхали, мученически ждали, когда шары спустят воздух и повиснут белесыми тряпочками. Теперь я представляю, как они боялись, что кто-то из соседей вдруг заглянет к ним в гости...

* * *

Ранние попытки проникнуть в таинство деторождения не прошли для меня даром.

Где-то на втором-третьем году подпольного изучения акушерства и гинекологии я почти перестал видеть в женской физиологии что-

то стыдное, и только деликатность не позволяла мне распахивать перед мамой ее учебники и углубляться в чтение с разглядыванием картинок.

Когда на уроках ботаники при одном лишь упоминании про пестики и тычинки мальчики и девочки стыдливо хихикали, склонившись под крышку парты, не смеялись лишь двое — я и двоешник-хулиган Колька Милаев. Я был преисполнен научными знаниями, Колька — практическими. Мы оба были влюблены в молодую учительницу математики с крупными, красивыми ногами, которые она безуспешно пыталась скрыть от наших любопытных взглядов: стоило ей присесть на стул, а затем выйти к доске, как подол узкой юбки оставался высоко задраным над округлыми в розовых ямочках коленями. На уроках математики за первыми партами сидели только мальчики, совсем не отличники, они беспрестанно роняли шариковые ручки и карандаши на пол, чтобы полюбоваться снизу и вблизи — можно дотянуться рукой! — слегка раздвинутыми ногами учительницы в капроновых чулках. Когда она вдруг резко поворачивалась на стуле к доске, ноги ее распахивались чуть шире, и находились счастливицы, которые клялись, что видели кружевной край чулок, а далее — что-то белое... И фамилия у учительницы была такая же эротическая — Бедрик.

На первенство школы по баскетболу она очень азартно и виртуозно резалась за десятый класс, где была руководителем. На игры с ее участием собиралось все мужское население школы, испытывавшее хоть какие-то сексуальные позывы. Приходил директор школы, рыхлый, полусонный мужчина неопределенных лет в мятом пиджаке и в засаленном галстуке-седке. Все заморожено смотрели на мелькающие загорелые ноги молодой учительницы и короткие шелковые трусики, плотно облежавшие ее тугие ягодицы. Всем особенно нравилась ее поза, когда она в ожидании мяча стояла, полусогнувшись и опершись ладонями в колени. При неудачной

подаче баскетболистка от досады звонко шлепала себя по бедрам. Шлепок по голому телу звучал, как выстрел, как взрыв, от которого в ключья разлетались мужские сердца. Они были переполнены нежностью и страстью, как бумажные пакеты водой, которые мы, лоботрясы, сбрасывали с третьего этажа школы на асфальт. Ах, Бедрик...

Позже мой интерес от акушерства и гинекологии распространился на человеческий организм в целом. Больше всего мне нравилось ставить диагнозы и давать советы больным и пострадавшим. Помню, как однажды мы втроем — я, мама и дедушка — вдрызг разругались меж собой, пытаюсь выяснить, от какой именно болезни умер наш сосед через два дома.

* * *

Возможно, мамина мечта увидеть меня в белом халате и в шапочке с красным крестиком была не так уж нелепа и имела под собой реальные основания — ведь не каждого мальчишку можно увидеть увлеченно читающим толстенный справочник по медицине или журнал по какой-нибудь фармакологии. Что-то, видимо, цепляло меня тогда в науке врачевания, влекло к ней. Не знаю, в какой момент, когда именно что-то вдруг щелкнуло, изменилось во мне, появился другой, более пронзительный интерес, и я свернул с намечавшегося пути в сторону...

Поворот не был резким. Я часто, а с годами все чаще оборачиваюсь назад и подолгу смотрю в прошлое. Я ничего не забыл. Колдовство деда, мамина фанатичная преданность медицине и, наконец, мое детское любопытство к природе человека по-прежнему живут во мне, проявляя себя порой в самых неожиданных формах, как, например, это — написание рассказа под названием «История болезней, колдовства и врачевания».

Впрочем, тут нет ничего оригинального — по сути, любой рассказ, повесть или роман — своеобразная история болезней. Или жизни. Кому как угодно. Так что моя мама может быть довольна — я не слишком обманул ее ожидания...

Евгений САВЕНКО

С В

В пр^де часто вст^чаются ска^о ли деревья, к^т^е выглядят н^чн^.
Взгляд художника сп^сен выхватить из н^душев^енн^й пр^ды зна^мый о^аз.
Наш п^ст^анный автор, ф^т^аф Евгений Савенко, сум^л найти и зап^чат^ть
инт^сны^ад^.

Пещера Колокольная

Расположена на южной окраине деревни Серпиевка Катав-Ивановского района Челябинской области на правом берегу реки Сим в пределах природного парка «Серпиевский пещерный град».

По рассказам местных жителей, раньше пещера использовалась для совершения религиозных обрядов, отсюда и происходит ее название Колокольная. Пещера легко доступна и не требует от посетителей специальной подготовки.

Вход в пещеру ориентирован на юг, имеет форму арки.

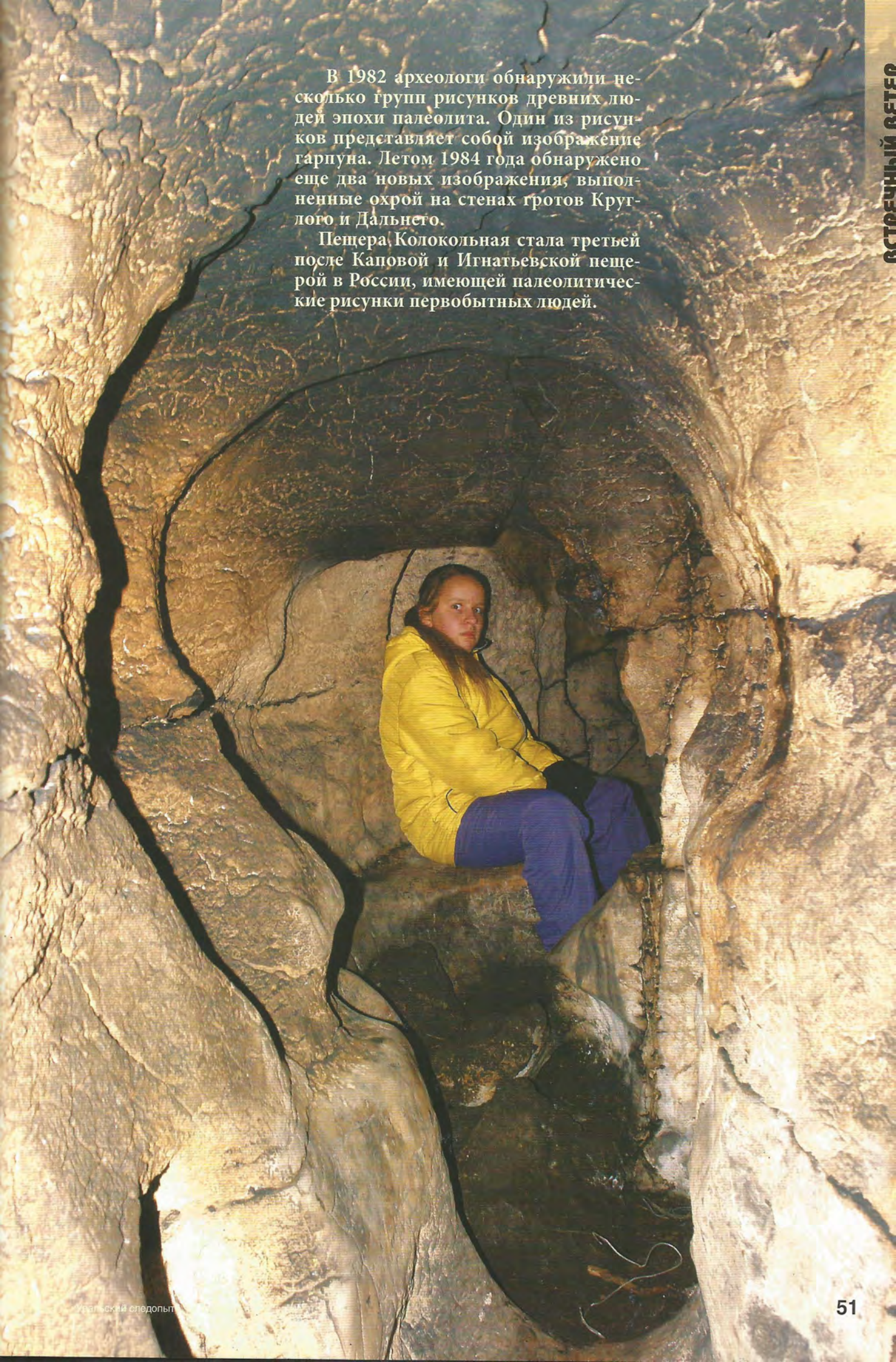
Всего в пещере четыре грота: первый от входа - Узкий (4,5X10 м), высотой шесть метров, затем следует грот Круглый. К нему примыкает Сталактитовый, который соединен со следующим, последним гротом пещеры - Дальним, 20-метровой галереей.. Кальцитовые образования наблюдаются лишь в дальней части пещеры в виде натечной коры на стенах и полу. Здесь же встречаются сталактиты и сталагмиты, а также гуры с кристаллами кальцита. Общая длина ходов пещеры - 190 метров.

Полость коридорно-гrotового типа, основное развитие ходов - северо-западное. В пещере несколько ярко выраженных гротов с высотой сводов шесть-восемь метров и шириной от пяти до 10 метров. На расстоянии 30 метров от входа и далее до 70-го метра, параллельно основной галерее, идет узкий ход, соединенный с ней несколькими проходами.

В 1982 археологи обнаружили несколько групп рисунков древних людей эпохи палеолита. Один из рисунков представляет собой изображение гарпуна. Летом 1984 года обнаружено еще два новых изображения, выполненные охрой на стенах гротов Круглого и Дальнего.

Пещера Колокольная стала третьей после Каповой и Игнатьевской пещерой в России, имеющей палеолитические рисунки первобытных людей.

Леонид БУКРИН,
фото автора

Таганай

Заповедные земли

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

На Урале есть много диковинных мест, куда ходят туристы, альпинисты, скалолазы и просто любители природы. На Северном Урале, например, труднодоступная гора Мань-Пупыньёр. По-другому ее называют гора Болванов, перевал Дятлова.

На Среднем Урале скальные останцы: Семь Братьев, Чёртовое Городище, Шайтан, Вороний камень, гора Медведь и множество других скал, выглядывающих из лесных массивов. Иногда их трудно отыскать в зелёных зарослях.

На Южном Урале без всяких сомнений можно выделить хребет Таганай, на плече хребта расположен самый высокогорный город на Урале – Златоуст. Город Златоуст в 19 веке был знаменит изготовлением холодного оружия. Именно в Златоусте металлург Павел Петрович Аносов в течение 10 лет в заводской лаборатории делал опыты и восстановил состав, сплав и закалку булатной стали. Аносов прожил в Златоусте 30 лет, много раз поднимался на Таганай и посвятил ему много строк в «Горном журнале». Памятник Аносову с пружинящим клинком вы увидите за прудом в центре Златоуста.

Мастер по украшению булатных клинков И.Н. Бушуев делал истинные шедевры. Его саблями награждались выдающиеся офицеры и генералы. Памятник мастеру по гравюре холодного оружия И.Н. Бушуеву вы встретите на остановке возле вокзала, когда поедете на окраину Златоуста на автобусе в сторону Таганая. Таганай означает Таганок.

В Златоуст многократно приезжал Павел Бажов и отразил хребет Таганай в своих сказках в книге «Малахитовая шкатулка».

Город Златоуст был захвачен в крестьянскую войну повстанцами Емельяна Пугачёва.

Зато посёлок Ирбит не дал себя в обиду, не впустил повстанцев. За эти заслуги перед Россией Екатерина II Ирбиту дала статус города, так как в Ирбите была крупная российская ярмарка, которая потеряла свое могущество с появлением железных дорог в России. Ирбит в

Памятник И.Н. Бушуеву

свою очередь в благодарность императрице установил ей памятник.

В ноябре 2005 г. я с женой поехал по железной дороге в Златоуст, чтобы побродить по хребту Таганай, восхищаться его удивительными скалами и Каменной рекой, которая расположена между Двуглавой сопкой и Средним Таганаем. Каменная река продвигает камни по 20 сантиметру за год.

Поезд прибыл поздно вечером, и нам пришлось ночевать на вокзале в гостинице.

Хорошо отдохнувши, ранним утром мы уже стояли на остановке. Подошёл полный микроавтобус, но мы сели в него и поставили на колени большие рюкзаки. В городе и горах был туман и тепло, оставалась небольшая надежда, что к обеду туман поднимется и появится солнце. На конечной Пушкинской остановке мы вышли и направились к Тесминскому кордону. Это лесничество с природным музеем, там мы у хозяйки В.Н. Ефимовой получили информацию, пропуск в заповедник, купили карту, посетили музей и с добрыми пожеланиями поспешили в путь.

Через 100 метров через резную арку мы вошли в Таганайский запо-

Памятник П.П. Аносову

ведник, а через 5 минут подошли на стоянку, на которой ночевали туристы с Уралмаша. Владимир Кириллов на двух машинах привёз друзей на Таганай. Я с Кирилловым ещё в 80-е годы ходил в Саяны и на БАМ. Мы поздоровались и тут же попрощались. Пошли дальше по описанию, по лесным тропам, через речки, стоянки, к вершине Двуглавой, к приюту Белый ключик.

Через четыре часа интенсивного хода мы подошли к приюту Белый ключик. На приюте рубленая изба, и рядом большая брезентовая палатка с печкой. В ней были туристы из Тюмени. На приюте можно напрокат взять палатку, спальник, дрова, продукты, кипяток. У хозяина взяли кипяток, пообедали, тут же оставили рюкзаки и стали подниматься на сопку Двуглавую. От приюта подъем начинается по узкой железной лестнице с перилами, около трехсот ступенек. Лестница кончилась, и начался подъём по снегу между деревьев смешенного леса, березы, закутанные мохнатым инеем, украсили пристанище «Снежной королевы». Полуденное солнце стало нагревать воздух, и белый туман стал подниматься выше и выше.

Получилось, что мы поднимались вместе с туманом. Неожиданно поднялся ветер, и косматые облака из тумана стали метаться на горе между двух вершин. Кривые, низкорослые берёзы стали сбрасывать свою «коралловую» красоту, щедро осыпая на нас свою влажную белизну. Но вскоре эта зимняя сказка закончилась и началась другая, ещё более завораживающая.

Туман пульсировал, метался в агонии, скрывая солнце, иногда в 10 метрах ничего не было видно. Мы думали, что уже пришли на вершину горы, как вдруг мимо нас пролетел очередной туман, и впереди мы увидели огромные скалы, похожие на сабли и перья. Через минуту туман снова закрыл от наших глаз «сказочные замки Кощея». Но тропка в снегу нас увлекла дальше, где можно безопасно пройти к другим, более доступным скалам. И вот они, скалы Таганая, по замороженным скалам, покрытых куржаком, мы поднялись на вершину. К этому времени туман нагрелся, и 70% его растворилось в голубом небе. С белой от снега и инея скалы мы увидели хребет Малый Таганай, вдалеке красивейшее горное озеро Тургояк и немного ниже нас те же остроконечные скалы с названием Перья.

На вершине по традиции съели шоколадку и стали спускаться вниз по своим следам. С погодой нам повезло, когда мы спускались, был ветер, но ясное небо, навстречу нам на вершину поднимались туристы из разных городов. Группа Кириллова также поднималась там, но мы с ними разошлись на лестнице.

Не теряя времени, мы пошли дальше по тропе в сторону горы Круглицы. На пути в лесу попадается курумник — каменные валуны, а под ними течёт ручей, пришлось идти осторожно, чтобы не упасть на скользких камнях. Через километр эта естественная преграда кончилась, и снова пошла торная тропа. В сумерках мы встали на стоянку, поставили палатку и закрыли её полиэтиленовым тентом. С большим трудом нашли дров и на маленьком костре сварили ужин. Пошли обратно на огни костров искать группу Кириллова, прошли много стоянок, но их не нашли. У очередного костра встретили знакомых туристов из города Новоуральска и посидели с ними у костра.

Ночью в палатке и спальниках было прохладно, встали в утренних сумерках, на костре подогрели вчерашний суп и пошли на север в сторону Круглицы (её высота 1178 метров). Валил снег, и на хорошую погоду нечего было рассчитывать.

По обе стороны от тропы было много стоянок с туристами, дежурные на костре готовили завтрак, а остальные грелись, сушили одежду. С сухими дровами на Таганая напряжённо из-за паломничества туристов. У костра я снова узнал одного альпиниста из Перми. Мы с ним встречались на Басегах и в Перми у полярника Ю.А. Фёдорова. У альпинистов на Откликном гребне скалодром.

К Круглице подошли, а снег так и валит. Но мы знаем, что на вершине нет ничего особенного, что бы нас заинтересовало. Круглица, высшая вершина Таганая, скал не

имеет, а в плохую погоду ничего не увидишь. Мы решили не подниматься, а идти обратно и подняться на Откликной гребень. Нам попадались туристы из Самары, Москвы, Кургана, Екатеринбурга, школьники из Болязина, больше всего туристов из Челябинска.

Откликной гребень оправдывает свой название, когда кричишь, звук от скал отражается и долго несётся эхо в его скальных кулуарах. Говорят, что в майскую, ясную ночь, когда нет снега и листвы, эхо слышится более пяти раз.

Мы подошли к гребню и стали подниматься по скалам. Скальные стены нас окружили, и во многих местах они нам стали недоступны. Валя дальше не пошла. Со скал альпинисты ещё не сняли веревку, и я ей воспользовался, поднялся выше на полку и увидел скалолазов, висящих на стене. У меня под ногами меж камней, как в Тянь-Шаньских горах, росла арча. По полке прошёл влево, посмотрел вверх, а там неприступная стена более ста метров, это был предел моего подъёма, зато я ощутил неприступную громаду Откликного гребня.

Вышли на тропу и ускоренным шагом пошли к своей палатке, снова попадались уже знакомые лица туристов и альпинистов.

Многие березы, закованные в лед, согнулись до земли и смотрелись, словно перекидные мосты через реки. Высокие ледяные пирамиды ёлок, забитые снегом, смотрелись великолепно.

Мы быстро собрали палатку, рюкзаки на плечи и пошли к Белому ключику, чтобы на следующий день успеть на поезд. Прошли Белый ключик и встали на речке Тесьме.

На следующий день утренний рывок, и мы пришли в Златоуст за 4 часа до поезда, даже успели съездить в центр Златоуста. В городе два водохранилища, запружены реки Тесьма и Аи.

За три дня весь Таганай не пройдешь, но представление будешь иметь. На праздники любоваться красотами Таганая приезжают люди из разных городов, мы считали и насчитали 15 городов, более 50 групп.

Борис ДОЛИНГО

НИ (Новелла из романа «Точка Джи-Э»)

Рейдер «Салган» уравнивал скорость и сейчас словно висел рядом с астероидом.

— Откуда же он взялся, чёрт побери? — проворчал капитан Мамрис, останавливаясь за креслом дежурного пилота.

Вопрос звучал чисто риторически, но молодой человек, не отрывая глаз от застывшей на экране каменной туши, пожал плечами:

— Его нет в каталоге. С другой стороны, в облаке Оорта столько всякой дряни крутится...

Функции пилотов на рейдере сводились к минимуму — корабль сам выбирал оптимальные режимы движения, и экипаж, по большому счёту, нужен был именно для принятия решений в экстренных ситуациях. Но на космических судах, особенно военных, существовали все должности, имевшиеся ещё много столетий тому назад на морских, а позже — на воздушных.

— А вот скорость у него нехарактерная, разве мы это не можем использовать? — заметил пилот.

— Увы, ты и сам понимаешь, что это не сочтут достаточным основанием для вмешательства, — хмыкнул капитан Мамрис. — Траекторию движения точно определили?

— Да — кивнул пилот и вздохнул: капитан спрашивал об этом, кажется, уже в третий или четвёртый раз.

ИИ рейдера давно высчитал проекцию астероида на поверхность Земли при встрече с точностью плюс-минус два километра. Получалось — в пригороде города Будапешт.

«Центр одного из самых развитых регионов планеты — и астероид диаметром почти три километра, — подумал Мамрис. — И относительная скорость встречи почти восемьдесят...»

Капитан тихо выругался. Больше всего давила неопределённость — он не знал, что сейчас можно однозначно предпринять: и так, и эдак получались огромные проблемы. Хотя, конечно, учитывая последствия для Земли, капитана готов был идти на самые решительные действия, и плевать на то, что начнутся протесты альтеров, а возможно, что-то и хуже. Но на флагмане пока совещались, и ему, как военному, оставалось одно — ждать приказа.

— Видите? — пилот показал на сервоэкран справа от основного пульта.

На симуляторе висели три точки — астероид, рейдер СИ и чуть в стороне неизвестный корабль. По всем внешним параметрам это был грузовик Федерации Камал, но камалы официально продавали корабли данного типа ещё двум расам, и такие звездолёты встречались во многих местах.

Правда, окрестности Земли являлись весьма необычным районом для подобного транспорта, а корабль шёл без опознавательных знаков, значит, по всем канонам галактического права являлся «независимым». Однако капитан понимал, что здесь, в Солнечной системе, «независимый» просто так оказаться не мог. В нужный момент это будет как раз тот свидетель, какой требуется альтерам: неважно, из кого состоит экипаж, главное, что там явно не представители Содружества Идентичных.

В помещении главного поста ввалился вице-капитан, или виц, как было принято называть на флоте.

— Пасут нас, сволочи!

— Ну да! — словно лениво, заметил капитан и кивнул, покосившись на него.

АВТОР

Борис Анатольевич Долинго родился в 1955 г. в г. Коканде, Уз.ССР. С 1975 г. живёт в Екатеринбурге (Свердловске). Окончил УрГУ, физический ф-т. Первая публикация — 1990 г., издательство «Уральский следопыт» (в сборнике «Пристань Жёлтых кораблей»). Автор нескольких рассказов и романов, три из которых опубликованы в издательствах «Армада» и АСТ. Однозначное предпочтение — традиционная фантастика.

С 2002 г. — председатель оргкомитета фестиваля фантастики «Аэлита». Организатор визита в Екатеринбург Роберта Шекли. С 2007 г. — ведущий раздела «Аэлита» в «Уральском следопыте». Член Союза писателей России.

— Я их вызывал ещё раз — не отвечают, — сообщил виц.

Его звали Садык Башир, и он был землянином.

Капитан продолжал медленно кивать:

— Это не удивительно...

Садык шумно втянул носом воздух:

— Капитан, мы будем что-нибудь предпринимать или как?

Капитан молча пожал плечами — Садык и без него знал, что всё сведения переданы адмиралу.

— Вы видели данные? — Башир заметно нервничал. — Чуть больше, чем через сутки по местному времени, эта штука вспорет Земле брюхо. Люди вымрут, как динозавры... Командуйте, чёрт возьми — и плевать на то, что скажут чужие!...

Капитан снова кивнул:

— Садык, кому надо, на Земле уже сообщили. Поверь, для меня Земля важна не менее твоего...

— Простите, капитан, — сверкнул чёрными глазами землянин, — я не сомневаюсь, что вы всё понимаете, но, как-никак, угроза надвигается не на вашу планету!

Орханин резко повернулся к Баширу, но сдержался и только покачал головой:

— Вы забываетесь, виц! И, вообще, в вас ещё говорит психология землянина: если кто-то не принадлежит к данному народу, вы считаете, что ему плевать на эти проблемы, да? Но я действительно понимаю вас, и для меня тоже катастрофа, что мы слишком поздно заметили эту глыбу. Я сам чувствую себя виноватым. И вы не правы, что я отношусь к этому не так, как вы... В общем, пилот Ансари, вызовите всех свободных от вахты, будем пытаться дополнительно придумать что-нибудь, чтобы предложить на флагман.

Пока пилот собирал членов команды, капитан громко и устало сказал Садыку:

— Я связывался с резидентурой на Земле. Сейчас и они думают, что можно сделать.

— Они будут пытаться консультироваться с Метрополией?! Но в любом случае не успеют же!...

— Само собой, всё решается здесь — так что кое у кого голова болит не меньше, а куда больше нашего.

Садык, поджав губы, промолчал.

— Представь, каково руководству флотилии и земной резидентуре, — продолжал Мамрис. — Нужно не допустить обвинений в нарушении соглашений самого высокого уровня — и при этом избежать катастрофы во что бы то ни стало!

— Насколько я понимаю, сами земные службы пока не заметили астероид? Впрочем, что они бы могли сделать?...

— Увы, да. Цивилизация, по большому счёту, висит на волоске — твои родичи так и не создали пока глобальной системы слежения и предупреждения. Хотя, в принципе, могли бы уже решать вопросы с подобными камнями — потенциал у землян имеется. Парадокс, но именно поэтому мы не можем сейчас держать вблизи планеты флот, который свободно болтался здесь ещё сто лет тому назад. И именно поэтому камалы нагледят.

Садык снова шумно вздохнул:

— Капитан, простите, я прекрасно это знаю — я вообще-то окончил и ваш университет, не только земной. Но послушайте, Содружество опасается политического скандала из-за прямого вмешательства, из-за того, что тут даже не корабль камалов, а какой-то неопознанный грузовик... Неужели нельзя в подобном случае хотя бы подкидывать предупреждения землянам? Ведь...

Капитан поднял руку, прерывая Садыка:

— Подумай, друг мой, что ты говоришь! В принципе, можно оповещать землян об астероидной угрозе так, что ни камалы и никто другой никогда не докажут, что данные исходят от СИ, можно было бы подsunуть им нужные методики борьбы. Возможно, сейчас, если бы у землян имелось в запасе несколько месяцев, они смогли бы даже подготовить нужные ракеты и отклонить астероид. Но в этот раз конкретно мы прохлопали ушами — камень уже слишком близко, они всё равно не успеют ничего даже понять до момента падения астероида, осталось чуть больше местных суток! А если успеют, то представляешь, что там начнётся? — Он ткнул пальцем куда-то в пространство, очевидно, имея в виду Землю. — поголовная паника, по-настоящему эвакуировать всё равно никого не удастся: зона абсолютных разрушений будем иметь радиус пару тысяч километров, не меньше. С учётом касательной траектории, вообще страшно представить!

— Ну так, может быть, нам всё-таки вмешаться в этот раз и плевать на идиотские пакты? Мы же с вами понимаем, что этот астероид направили альтеры!

Капитан закусил губу, сдерживая брань, крутившуюся на языке:

— Ты докажи потом Галактическому Сообществу, что всё именно так! Мы проморгали момент, когда ещё можно было официально вмешаться. Пока эта глыба находилась вне орбиты Марса, всё было бы по закону!

— Да ну что же это такое! — прорычал Садык, закатывая глаза. — Какое-то идиотское политическое крючкотворство, честное слово! Почему ваши представители подписывали эти соглашения, я не понимаю?! И, в конце концов, ну что случится, если мы сейчас вмешаемся? Война с камалами, со всеми альтерами? Не поверю — не начнут они войну: ведь понимают, что рыло в пуху у них!

— Не горячись, сын пустыни! — Капитан, несмотря на сложность момента, улыбнулся.

— Неуместные шутки, капитан! Я в Бейруте вырос, а не в пустыне!

— Знаю, — Капитан потрепал Садыка по плечу, — это фигурально. Что касается войны, то тут ты не совсем прав: прими во внимание, какое сейчас положение на паре планет, где у нас прямое соприкосновение с камалами. Там постоянно вспыхивают боевые действия — ситуация взрывоопасная. Была бы это какая-нибудь новая колония, вопроса даже не возникало: поорали бы — и заткнулись...

Мамрис крикнул и продолжал:

— Но Земля им как кость в горле, ты же знаешь! Единственная планета идентичных в этом секторе Галактики. Однако повторяю: не горячись, у нас есть ещё немного времени. Если иного выхода не останется, мы всегда успеем просто подойти и ударить двигателями по этой каменюке. А пока я жду приказов адмирала и сведений от земных резидентов. Если у нас появятся факты активности альтеров на Земле — ну, что их аген-

ты эвакуируются оттуда и тому подобное, у нас появится и возможность действовать радикальными методами.

На сей раз Садык промолчал. Умом он понимал, что действия капитана правильные, но сердце, его горячее сердце землянина, к тому же южанина, отказывалось точно пульсировать в такт слишком рассудочным доводам разума.

На совещание в главном посту управления «Салгана» собрались все члены команды, кроме двух, по уставу находившихся на боевых постах. Команда рейдера подобного класса состояла из десяти астронавтов — кроме восьми орхан в экипаж входил землянин Садык и ещё один идентичный, представитель планеты Са-Улар, внешне напоминавший скандинава — высокий, голубоглазый.

Садык, летавший с орханами уже пятый год и насмотревшийся представителей разных цивилизаций, всегда поражался этой особенностью: так называемые идентичные с разных планет обязательно походили на какой-нибудь этнический земной тип, и наоборот. Конечно, иногда встречался чуть более специфический разрез глаз, цвет кожи или волос и тому подобные отличия, но все они были людьми — в том смысле, что все могли иметь совместное потомство. Ничего подобного в Галактике нигде более не наблюдалось: не существовало даже двух совместимой рас — гуманоидов или нет, млекопитающих, земноводных, насекомообразных и так далее, которые имели бы одинаковую генетическую систему.

Вполне логично, что по научному миру Содружества гуляли гипотезы о наличии у всех идентичных общих предков, в незапамятные времена заселивших планеты, а потом по неизвестным причинам потерявших связь друг с другом на десятки или сотни тысяч лет и забывших своё прошлое.

Однако прямых свидетельств подобного развития событий до сих пор найти не удавалось. Орхане и их союзники неустанно искали факты, могущие пролить свет на загадку, но пока не слишком успешно. Даже изредка вроде бы встречавшиеся созвучные совпадения в языках мало что доказывали бесспорно при таком совпадении речевого аппарата.

Загадкой оставалось и то, что в легендах разных идентичных рас не встречалось и однозначных намёков на то, что их предки — пришельцы на той планете, где они обитали. Трудно было себе представить, что хотя бы у одной группы существ, сумевших преодолеть межзвёздные расстояния и, следовательно, обладавших высочайшим техническим потенциалом и пусть даже переживших серьёзный катаклизм, разрушивший цивилизацию, не сохранилось бы преданий о «славном космическом прошлом».

Впрочем, сейчас Садыку было не до этих загадок: к его родной планете двигался астероид, столкновение с которым приведёт к катастрофе, после которой цивилизация окажется отброшенной на столетия назад, а сотни миллионов людей погибнут. И ничего нельзя сделать, не нарушая идиотские законы ЕХС — «Естественного хода событий», — принятых когда-то так называемой Организацией Единой Галактики!

На взгляд Садыка, было совершенно очевидно: законы эти протащили в Совете ОЕГ представители альтернатив, и прежде всего, камалов — самой мощной наряду с орханами цивилизации разведанной области Галактики. Согласно договорённостям, запрещалось вмешиваться в «естественный ход событий» в про-

странстве, смежном с пространством опекаемых планет, и на самих планетах. Это приводило к тому, что огромный технический потенциал орхан расходовался на контроль колоссального объёма космоса в попытках загодя предупредить как возможные естественные катаклизмы, так и действия диверсионного порядка со стороны чужих. Почему орхане согласились ратифицировать подобное соглашение, у Садыка не укладывалось в голове.

Действие закона, прежде всего, распространялось на «крупные космические взаимодействия» — столкновения с астероидами, кометами, пылевыми облаками, через которые могли пройти в своём движении населённые планеты. Естественно, это не относилось к цивилизациям, уже вышедшим в дальний космос — в первую очередь, к самим орханам, а также к вельтам и лоранам, обнаруженным орханами, когда первые уже строили поселения в собственной солнечной системе, а лораны готовили первую межзвёздную экспедицию. Эти три идентичные расы и составили Содружество Идентичных, или СИ, в его первоначальном виде.

Из курса дополнительного обучения после вербовки Садык знал, что первыми, кого орхане встретили в космосе почти восемьсот лет тому назад, стали ратлы, раса во многом родственная земным птицам. Ратлы тогда уже освоили межпланетные перелёты, но технически много уступали орханам.

Первый контакт удивил орхан — создалось впечатление, что ратлы испуганы: они не разрешили первому звездолёту высадить группу контакта на собственную планету, хотя пришельцы не давали каких-либо поводов усомниться в мирных намерениях. Спустя некоторое время ратлы сделались более гостеприимными и делегацию орхан всё-таки приняли. У работавших по этому вопросу экспертов возникли определённые подозрения: возможно, хозяева имели на планете нечто, что опасались продемонстрировать орханам, а потом они это нечто убрали, спрятали или как-то от него избавились.

Выяснить что-либо удалось не сразу. Орхане создали дипломатическую миссию на планете Ратл, она вполне успешно работала, и только через несколько лет одному из консулов случайно попала в руки фотография из местного зоопарка: существо в клетке, очень напоминавшее орханина!

Идти на прямой конфликт и требовать объяснения не стали, но проведённые тайные и уже вполне целенаправленные расследования, включавшие слежку за кораблями ратлов, выявили, что в окрестностях солнечной системы ратлов имела звезда, на одной из планет которой существовала гуманоидная раса, идентичная орханам! Ратлы разрушили существовавшую там цивилизацию, находившуюся к моменту первого контакта, судя по всему, на уровне раннего средневековья, охотились на жителей планеты, называвших себя моллами, ставили на них разнообразные эксперименты и до встречи с орханами держали в качестве экспонатов в своих зоопарках.

Когда масштабы деятельности ратлов на Молле, как назвали планету орхане, стали очевидны, командир звездолёта «Ветер», принимавшего участие в первой высадке, не сдержался и с ходу уничтожил все имевшиеся там базы ратлов. Ратлы попытались контратаковать, но силы были явно неравны, и «Ветер», стерев в порошок три звездолёта противника, пошёл прямо на Ратл.

В ответ дипломатов орхан на Ратле взяли в заложники — ситуация накалялась, грозя перерасти в настоящую «звёздную войну». Звездолёты орхан того времени, конечно, были достаточно неуклюжими по сравнению с современными, но уже обладали колоссальной мощностью. Фактически это были автономные летающие города, которые разгонялись в обычном пространственном полёте мезонными двигателями до семи десятых скорости света перед скачками в гиперпространство. Тот же «Ветер», пройдя на высоте в триста—четырееста километров, вполне мог импульсом маршевого двигателя сдуть часть атмосферы Ратла и выжечь за раз целый континент.

Связи с Орханом, естественно, отсутствовала: ускоренной передачи сообщений тогда ещё не существовало. Немного успокоившись, капитан провёл переговоры с представителем ратлов, которые согласились на принятие всех возможных извинений. Решили, что дипломаты останутся в заложниках, а «Ветер» уйдёт домой, доложит обстановку, и орхане пришлют делегацию профессиональных политиков для разрешения возникшей ситуации.

Орхане отправили к Ратлу эскадру из трёх дальних звездолётов не столько для того, чтобы начинать войну, сколько для окончательного вразумления «птичек». Но когда через год корабли появились в окрестностях планеты, их ждал сюрприз — тоже три корабля, по мощи не уступавшие звездолётам орхан.

Так произошла встреча с камалами — второй расой, по-настоящему освоившей дальний космос.

Камалов можно было называть гуманоидами — издали пропорциями тела они вполне походили на людей или орхан, что одно и то же. Кроме того, они являлись млекопитающими. Однако различия были слишком явными, чтобы ошибиться вблизи или когда камалы двигались. Во-первых, тело покрывала короткая густая шерсть наподобие меха крота. Строение черепа напоминало голову собаки с выступающими вперёд челюстями, за что камалы и получили у космолётчиков негласное прозвище «псы». Пальцы рук имели выпускные когти, а мощные ноги сгибались в коленном суставе с двумя степенями свободы: сустав мог переламываться вперёд и назад. Соответственно, это же относилось и к тазобедренному суставу, окружённому мощной суставной сумкой и плотными мышцами. Из-за более развитой, чем у людей, группы мышц в колене и вокруг таза нижняя часть туловища камалов была намного грузнее, а ноги выглядели словно веретёна.

Камалы установили контакт с Ратлом всего лет за двадцать до орхан. Этот факт ратлы сначала скрива-

ли, но, убоявшись мести орхан за идентичных моллов, бросились за покровительством к камалам. Почему в те времена камалы встали на сторону ратлов, осталось не вполне понятным — орхане по всем «параметрам» были им ближе. Возможно, сказался фактор потенциальных конкурентов: ратлы стояли по техническому развитию ниже и орхан, и камалов, а последние две расы имели примерно равные возможности. Кроме того, как это часто бывало и в земной истории, более близкие «генетически» народы часто весьма враждебно относились друг к другу, чем к третьему, менее родственному — Садык хорошо знал это на примере арабов и евреев.

Воевать, конечно, никто не стремился, но все оказались разочарованы: камалы тем, что встретили равносильных конкурентов, орхане — что не удалось окончательно «поставить на место» ратлов.

Длительные переговоры, начавшиеся именно в это время, привели к закладке определённых кодексов поведения в космосе и к созданию прообраза Галактического Сообщества. Ратлы вынуждены были оставить Моллу под покровительством орхан. Но камалы, которых очень раздражало, что у их потенциального противника нашлись столь близкие родственники во Вселенной, добились принятия положения о невмешательстве в ход развития так называемых «примитивных цивилизаций» (в противном случае орхане, естественно, попытались бы подхлестнуть развитие моллов). С тех пор и до нынешних дней «Принцип Невмешательства», то есть неоказания влияния на естественное историческое развитие планеты, действовал в отношении всех цивилизаций, не достигших уровня освоения собственной солнечной системы.

Земля близко подбиралась к уровню отмены ПН, и камалов это сильно беспокоило. В настоящее время в Галактическом Совете у них имелся определённый перевес над идентичными, которых там пока представляли три цивилизации — орхане, вельты и лораны. Неидентичных или чужих рас в Сообщество входило семь, но с тремя идентичные, как правило, договаривались по большинству вопросов. Вступление в Сообщество ещё какой-то расы, родственной орханам, могло резко нарушить равновесие в пользу СИ, и камалы искали любые способы повернуть что-либо во вред самой дальней планете идентичных.

Сейчас Садыку было очевидно, что капитан Мамрис не успеет получить указания с Орхана: да, информацию о ситуации можно доставить туда, но нереально ожидать, что за несколько часов собрание экспертов и ведущих политиков выработает спасительное решение, отвечающее в данном случае требованиям всех пактов. Да и существовали ли такие решения для подобной ситуации в принципе?

Основная флотилия СИ, десяток кораблей, контролировавших Солнечную систему, барражировала за орбитой Сатурна, и только один корабль патрулировал пространство вплоть до орбиты Земли.

Капитан рейдера уже связывался с флагманом, адмирал созвал на борту совещание, в котором по кру-

говой селекторной связи участвовали все экипажи, но что они могли решить? Всё упиралось в единственную проблему: остановить астероид несложно, но какие это будет иметь политические последствия? Прямых доказательств, что орбиту небесного тела изменили агенты камалов, на данный момент не имелось, впоследствии их вряд ли удастся добыть, а начальную стадию движения каменной горы проморгали все, включая и наблюдателей флотилии.

Садык понимал ещё и такой момент: для адмирала доложить о том, что под носом у его охранного кордона камалы сумели с филигранной точностью направить астероид, который, кстати, отсутствовал в астрономических каталогах не только Земли, но и самих орхан, значило лишиться должности как минимум. А все люди, все человеки — и земляне, и орхане, так что своя рубашка в подобных ситуациях гораздо чувствительнее липнет к телу от холодного пота, сильнее выступающего из-за страха за собственную карьеру, чем за судьбы планеты пусть и с идентичным населением, но пока даже официально не входящей в СИ.

Сидя за столом в кают-компании, Садык слушал капитана, который, вертя в пальцах карандаш, в двадцатый раз пережёвывал одно и то же.

— Капитан, — вставил слово Садык, когда тот сделал паузу и жадно глотнул воды из стакана, — осталось двадцать шесть часов. Видимо, мы будем ждать возможности использовать двадцать первую поправку к Принципам?

Двадцать первая поправка к ПН давала возможность оказывать помощь цивилизациям, на планетах которых произошли крупные катастрофы. Правда, с кучей оговорок: помощь не должна носить прогрессорской деятельности, она должна проводиться максимально скрытно и так далее, и тому подобное. Кроме того, за оказанием такой помощи должны следить представители Галактического Сообщества, постоянно хватая за руки тех, кто, по их мнению, станет оказывать эту помощь чересчур интенсивно.

— Виц, не горячитесь! Пока не представляется возможным подключить к выработке решения Метрополию, но мы ждём сведений с Земли. Если наши резиденты доложат об экстренной эвакуации агентов камалов и других членов ГС, то у нас появятся доказательства их причастности...

Садык не слишком вежливо махнул рукой.

Голубоглазый са-уларец поддержал араба:

— Хорошо, господа, но ведь все агенты на планете действуют тайно. Что, если такие доказательства просто не найдут за оставшееся время? Конечно, можно потом пытаться что-то доказать косвенно, но ведь будет поздно: астероид долбанёт по Земле, и камалы достигнут своей цели! И тогда — хоть задоказывайся.

— Знаете, — подал голос врач корабля, — мы часто проигрываем камалам именно из-за того, что стараемся слишком буквально соблюдать букву соглашений. Камалы и вообще альтеры нарушают их в своих интересах, где только могут: прогрессорствуют на любых

планетах, кроме планет идентичных, мешают нашим колониям, а мы стараемся быть праведниками — и в результате всё не в нашу пользу! Возьмите в пример ситуацию на О-Мене: есть ли стопроцентная уверенность, что фрогов туда не посадили камалы?

Капитан укоризненно покачал головой:

— Не начинайте демагогию! Разве вы специалист по ситуации на О-мене? Давайте не отклоняться от темы, у нас сейчас иная проблема. И давайте следовать букве закона!

— Всё правильно, капитан, мы здесь, — Садык саркастически подчеркнул слово «здесь», — можем рассуждать о ситуации на О-Мене лишь на уровне обывателей. Но как ни крути, именно из-за попустительства наших экспертов фроги убивают на О-Мене людей и тормозят развитие цивилизации. Мне всё это напоминает дела в земной ООН: разные ублюдки издеваются над общественным мнением и творят что хотят, пользуясь как раз пресловутой «буквой закона». Земная ООН похожа на сопливое двуличное Галактическое Сообщество в миниатюре: на словах якобы печётся о благе всех землян, а на деле является инструментом для более сильных или более наглых стран...

Командир рейдера протестующе поднял руку:

— Садык, это уже точно демагогия!

— Почему же? — с вызовом спросил землянин. — Я-то как раз действовать предлагаю!

— Я понимаю, что вы предлагаете, но это вызовет колоссальный скандал.

— А вам не кажется, что лучше допустить скандал, чем гибель цивилизации Земли?

Мамрис сверкнул глазами и отвернулся от Садыка. Он прекрасно понимал, что тот прав, что всё равно придётся что-то делать — ведь реально никто не станет допускать катастрофы на Земле, но понимал также, что пока ещё идёт игра нервов, самая сложная и самая выматывающая. А альтеры только и ждут, чтобы снова поднять вопросы о нарушении «Принципов Невмешательства» представителями СИ.

— Кстати, почему мы не рассматриваем вопрос о нахождении в зоне, в принципе закрытой для полётов, неопознанного корабля? — заметил са-уларец. — Мы опасаемся, что эти альтеры, кто бы они там ни были, сообщат в Сообщество о наших действиях по изменению траектории астероида, да? Прекрасно, но раз этот корабль нам не отвечает и не предъявляет опознавательных сигналов, мы имеем полное право взять его на бордаж и проверить, чей он! А установив над ним контроль, мы не позволим что-то с него куда-то передавать, верно? Кто тогда докажет, что астероид отклонили от его траектории мы? Он просто пролетел мимо Земли — и всё!

— Ну да, а когда мы начнём действия против корабля, окажется, что это танкер камалов, что он попал сюда случайно, что они ведут ремонт и так далее, и тому подобное.

— Странно они ведут ремонт, двигаясь параллельным курсом с нами!

— Да что вы мне-то доказываете! — Капитан скривился, словно съел кислятину. — Видимо, так и придётся действовать, я уже сам думал об этом.

Садык с шумом потёр голову — его жёсткие короткие волосы издавали прямо-таки проволочный звук, и довольно крякнул. Он открыл было рот и хотел что-то сказать, но его опередил пилот рейдера, внимательно слушавший всех, но до сих пор сам молчавший.

— Капитан, разрешите? — сказал он. — Есть такое предложение: не стоит терять время, его мало. Пока вы поведёте «Салган» к кораблю альтеров разобраться, что и как, я возьму бот, в режиме невидимости подойду к астероиду и установлю там гравитационный ускоритель. Это займёт часа четыре, максимум пять, и у нас останется уйма времени, чтобы запустить ускоритель дистанционно. А вы тем временем блокируете системы наблюдения корабля альтеров — пусть потом действительно доказывают, что астероид отклонили мы. Камалы завизжат, что мы вмешались, но у них не будет прямых доказательств, только косвенные — как у нас сейчас!

— Это правильно! — поддержал врач. — А мы ещё предъявим ультиматум о вхождении несанкционированных кораблей в околоземное пространство!

Командир «Салгана» покивал, ухмыляясь:

— Предложение хорошее, я доложу адмиралу.

Садык поднял руку:

— У меня дополнение, капитан. Думаю, я имею право просить, чтобы бот доверили мне, а не пилоту Ансари.

* * *

Садык очень любил водить маленькие космические аппараты — в большом корабле не чувствовалось «единение с космосом». Нечто подобное испытывали, например, пилоты земных авиалайнеров: пилотирование громоздкого воздушного судна не могло сравниться по степени наслаждения с управлением небольшим маневренным самолётиком, который позволяет выделять разнообразные фигуры высшего пилотажа.

Современная космическая техника орхан имела, конечно, не такие огромные размеры, как когда-то — тот же рейдер «Салган» при высокой боевой мощности не превосходил по объёму средней земной морской корабль. Но разведботы были отдельной песней: маленькие сверхманевренные машины давали возможность насладиться любыми виражами с ускорениями до ста «же» — пилота защищали гравитационные компенсаторы. В принципе, система тяги бота могла выдать и большие ускорения, но все действия страховал бортовой компьютер, управлявший машиной, по большому счёту, больше, чем пилот.

Правда, сейчас Садыку было не до «высшего пилотажа». Во-первых, на внешней подвеске бота укрепили гравитационный ускоритель, и двигаться приходилось плавно, чтобы установку не сорвало. Во-вторых, чтобы дополнительно прикрываться корпусом рейдера, однозначно требовалась точность «искусственно-

го интеллекта», а пилот-человек просто наблюдал за движением машины.

Для полной маскировки условились не нарушать молчание в эфире до тех пор, пока рейдер не возьмёт неизвестный грузовик на бордаж и не установит контроль над его передающими устройствами, дабы альтеры не могли послать сигнал о нападении. В довершение всего бот двигался в режиме «невидимости», исключавшим визуальное или локационное обнаружение. Единственным признаком, по которому можно было в принципе засечь его движение, являлись гравитационные возмущения, и именно поэтому требовалась высокая точность прятанья за профиль «Салгана».

Компьютер филигранно подвёл бот к астероиду — чечевичное зёрнышко маленького кораблика плавно прижалось к поверхности каменной глыбы и выпустило якоря-буры.

Астероид медленно вращался, и чтобы с чужого звездолёта гарантированно не засекли бот, Садыку пришлось растянуть колпак поля-невидимки так, чтобы можно было свободно выйти и установить гравитационный ускоритель. Расход энергии возрастал, но приходилось с этим мириться. Конечно, в принципе, альтеры могли поймать масс-детекторами некоторое изменение массы астероида, но на том расстоянии, на каком отсюда они находились, вряд ли представлялось возможным чётко идентифицировать, что происходит, так что Садык особо не беспокоился.

Недостатком применения маскирующего поля было то, что не только враг не видел бот — с борта корабля, пребывающего в режиме невидимости, затруднялось слежение за окружающим пространством, а чем больше датчиков выдвигались за пределы «невидимки», тем вероятнее становилась демаскировка. Поэтому посмотреть, как «Салган» подходит к чужому, Садык не мог.

— Ничего, — пробормотал землянин, — там с ним разберутся...

Он надел легкий вакуум-скафандр и выбрался наружу через тесноватый шлюз, хотя сама кабина на боте была достаточно просторной для кораблика таких размеров — орхане старались не экономить на непосредственном удобстве рабочего места экипажа, даже если экипаж составляли всего один-два пилота. Правда, со всеми остальными подсобными помещениями приходилось ужиматься. Впрочем, шлюзом на боте пользовались редко, в исключительных случаях — ведь вход и выход пилотов осуществлялись, как правило, в ангаре более крупного корабля, а верхний колпак кабины при необходимости мог просто сдвигаться.

Сила тяжести на астероиде диаметром в два километра слишком мала для безопасного хождения — даже легкий толчок ногой грозил унести человека в открытый космос. Локальное повышение силы тяжести решили не использовать тоже в целях маскировки, и Садыку пришлось бы плохо, не имея вакуум-скафандры орхан специальные приспособления. В отличие от шлюза бота, который являлся всё-таки вспомогатель-

ным устройством, скафандр был рассчитан практически на любые действия в любых условиях в космосе, в том числе и при малой силе тяжести. Ситуацию оценивал компьютер, управлявший системой, встроенной в ботинки: в определённом режиме подошва выпускала нечто вроде когтей, которые, словно грейферные захваты, цеплялись за грунт, не давая возможности человеку улететь в пространство. Подобная конструкция оказалась бы неэффективной разве что на рыхлой поверхности, но данный астероид, к счастью, являлся просто куском твёрдой породы.

Но даже при наличии замечательных ботинок передвигаться быстро не получалось. Садык затратил примерно два часа на то, чтобы снять с корпуса бота ускоритель, а затем надёжно укрепить его на поверхности астероида. Несмотря на все системы кондиционирования скафандра, закончив работу, он изрядно вспотел и был вдвойне счастлив, вернувшись в комфортные условия кабины. Отведя бот от каменной глыбы, Садык приготовился немного расслабиться.

Однако это не получилось. Удалившись от астероида на условленные десять тысяч километров, землянин выключил режим невидимости и вызвал «Салган», чтобы доложить о завершении операции, но рейдер не отвечал. На всех визуальных каналах связи плескалась серая муть, свидетельствующая об отсутствии сигнала. Садык стал перебирать все виды связи, включая и такие древние с точки зрения орхан, как радиоканалы, зарезервированные для экстренных случаев.

Автопилот бота однозначно подтвердил, что связь с «Салганом» отсутствует.

— Что случилось? — недоумевал вслух Садык.

— Пытаюсь проверить, для чего сканирую пространство, — деловито сообщил робот, доказывая лишний раз, что автоматика его уровня не зря считается искусственным интеллектом. — Наблюдаю облако пыли в предполагаемом районе нахождения рейдера.

— Какой пыли?! Погоди, а сам чужой где?

— Чужого корабля не наблюдается. В том районе фиксирую только облако пыли пока неустановленного происхождения. Веду дистанционные анализы.

— Господи, — пробормотал Садык, — это что ещё такое?...

Хотя по происхождению он и был ливанским христианином, но не верил ни в Бога, ни в Аллаха. Садык верил только в Человека, но сейчас, как и подавляющее большинство самых разухабистых атеистов в критические и страшные моменты, готов был обращаться к мифическому «высшему существу», дабы обрести если не защиту, то хотя бы понимание происходящего.

— Я принял сигнал вызова с флагмана, — доложил автопилот. — Они прощупывают пространство и тоже вызывают нас.

Садык понял, что случилось действительно нечто из ряда вон выходящее: если флагман вызывает бот, значит, он тоже не может связаться с «Салганом»!

— Включай канал! — потребовал Садык.

Вызывал сам адмирал Леситон.

У Садыка с языка рвалось множество вопросов, но, следуя субординации, он первым доложил обстановку.

Леситону, насколько знал Садык, было уже за сто, но орхане научились значительно продлевать срок, отпущенный природой — и адмирал выглядел максимум сорокалетним мужчиной. Он внимательно выслушал вице-капитана рейдера и, кивнув, вдруг доверительно, совершенно не как подчинённому, начал объяснять, что случилось.

Рейдер попал в ловушку, которой никто не мог предположить — при стыковке с альтерами сработало устройство, известное как кварковая резонансная бомба. Оба корабля превратились в облако пыли, которое и зарегистрировал ИИ бота.

— Сейчас доказать что-то очень сложно, — сказал адмирал. — Мы, естественно, вели определённые наблюдения отсюда, но при разбирательствах всегда можно утверждать, что мы сфальсифицировали факты. Система бота у вас ничего не успела зафиксировать?

Садык не мог вымолвить ни слова, подавленный известием о гибели товарищей. Когда он открыл было рот, адмирал уже сам спохватился:

— Впрочем, что я говорю — вы же пользовались режимом невидимости.... Вице-капитан Башир, вы успели установить гравитационные ускоритель?

— Так точно, но...

— Я понимаю — у вас на боте нет кодового генератора для запуска. Отсюда мы ускоритель тоже не активируем. Я дал команду, к вам идёт рейдер «Содружество»...

«Почти два миллиарда километров, — подумал Садык, — даже навскидку ясно, что это займёт не менее двадцати часов, прыгать кораблю на такой дистанции невозможно. А у нас осталось всего часа четыре, пока можно что-то сделать. Потом ускоритель уже не отклонит астероид на нужный угол, а ещё через четырнадцать часов просто состоится встреча с Землёй. Поганые камалы всё предвидели, всё рассчитали!...»

— Господин адмирал, — он проглотил комок, застревающий в горле, — рейдер в любом случае не успеет подойти на нужное для активации расстояние.

Адмирал за столом сжал ладонью подбородок и сидел так секунд десять. Потом он посмотрел на Садыка долгим и печальным взглядом и спросил:

— Сынок, что ты можешь сделать там, на месте?

— У меня появилась одна мысль, господин адмирал, — кивнул Садык. — Но вы всё равно не отменяйте приказ рейдеру, мало ли что. Возможно, он ещё успеет просто взять астероид на бордаж и отклонить его своими двигателями, хотя будет, скорее всего, уже и очень близко к Земле. Я же пока отключусь — много энергии уходит на дальнюю связь, а энергия мне понадобится.

Когда экран погас, Садык сказал в пространство, обращаясь к автопилоту:

— Дружище, просчитай-ка мне вот такую штуку...
 Выслушав приказание пилота, ИИ сообщил:
 — Указанные действия грозят гибелью боевой единицы. Предупреждаю вас об ответственности...
 — Ах, дьявол, — чертыхнулся Садык, — ведь сейчас ты мне постоянно будешь надоедать!
 И он полез снимать панели пульта, чтобы добраться до блока самоконтроля автопилота.

* * *

Садыку пришлось повозиться, но он успевал. Отключить самоконтроль машины было не сложно, сложнее оказалось переключить схемы питания так, чтобы выжать из бота максимальное ускорение.

Посмотрев на раскрытые панели пульта, Садык удовлетворённо кивнул, сел в кресло и достал из кармана алюминиевый цилиндр, где лежала настоящая «гавана» — он купил целую коробку таких в прошлом году на Земле. В этот раз, улетаая с «Салгана», он взял одну с собой, чтобы закурить в момент, когда с рейдера поступит сигнал на включение ускорителя. Но сигнала уже не поступит, и закурить придётся чуть раньше, чем он на сто процентов убедится, что победил. Просто потом уже не получится, хотя он всё равно победит — иначе нельзя.

Конечно, камалы придумают другие провокации, но ведь всё равно будут те, кто станет охранять Землю, чего бы это ни стоило. Конечно, шум в Галактическом Сообществе по поводу нарушения «принципа невмешательства» возникнет неслабый, только его, Садыка, как и экипаж рейдера, уже невозможно наказать. Обвинить попытаются, а наказать не смогут.

А Земля останется невредимой и в этот раз!

Садык аккуратно вынул сигару, снял целлофан, примерившись, откусил кончик и прикурил — минут десять он ещё свободно мог себе позволить посидеть вот так.

«Ароматный табак!» — подумал землянин, выпускающая дым в сторону раскуроченного пульта.

— Предупреждение! — сказал автопилот: Садык отключил его активное воздействие, но не стал тратить время на выключение всех функций, которые сами по себе не могли позволить ИИ вмешиваться в действия пилота. — Курение запрещается при работе на главном посту космического аппарата!

— А как насчёт последнего желания приговорённого? — невесело пошутил Садык.

— Вопрос не понятен, — сообщил автопилот. — Прекратите курить!

— Да брось ты! Перед смертью могу себе позволить.

Казалось, в кибернетическом голосе прозвучало замешательство:

— Ваши жизненные функции в стопроцентной норме, но курение вредит вашему организму...

Садык усмехнулся:

— Кому суждено сгореть, не умрёт от рака лёгких! Ладно, дружище, ты мне тут нравочений не читай,

лучше дай изображение Земли, с максимальным решением.

ИИ молча повиновался.

Садык посмотрел на тёмно-синий, подёрнутой густой дымкой облаков шар и вздохнул. Там жили шесть миллиардов людей, даже не знавших о летящем на них астероиде и само существование которых зависело сейчас от него, землянина, завербованного четырнадцать лет тому назад представителем СИ.

Он прошёл огромный путь за эти годы — от просто выпускника университета в Бейруте до вице-капитана рейдера боевого космического флота. Он участвовал в работах на одной из осваиваемых планет, а потом решил, что его призвание — защищать миры идентичных, жители которых ещё не могли постоять за себя сами. Земля, правда, всегда была в большей опасности, да и сам он был землянином, и поэтому Садык не долго выбирал, где служить.

Он вдруг вспомнил девушку на Салгане, планете, в честь которой был назван его рейдер и где находилась самая большая колония землян. Девушку звали Наташа — интересно, с кем она сейчас, вышла ли замуж? У отца Садыка было четверо детей, а у него — ни одного...

«Жаль, что я так и не завёл детей», — подумал Садык.

Впрочем, сейчас, сколько бы детей ни жило на Земле, за стольких в ответе и был Садык. Все дети там были его детьми — арабские, американские, китайские, русские... Просто пока они ещё не понимают полностью, что они — дети Земли, и значит, все братья и сёстры.

Пора! Он раздавил ещё длинный окурочок на полу и решительно перевёл регулятор мощности в положение «максимум». Где-то внизу и сзади тихо, но мощно загудели на пределе модуляторы. Садык успел ещё раз посмотреть на Землю и откинулся в кресле, непроизвольно стараясь сесть поудобнее.

Бот рванул с ускорением почти пятьсот «же», словно выпущенный из чудовищной пушки снаряд, и пилот уже ничего не видел и не чувствовал — Садыка размазало по сорванному с креплений креслу.

Чечевица бота врезалась в астероид, вспарывая поверхность, как эта каменная глыба могла бы вспахать поверхность Земли. Искорёженные и размочаленные остатки маленького кораблика отскочили от космической глыбы, передав ей мощный боковой импульс, и пошли к Земле вместо неё. Своё последнее дело Садык сделал точно: вместо гигантского камня-убийцы к планете теперь неслось то, что осталось от него и от бота. И для землян это было совсем не страшно.

* * *

— Светик, все уже разошлись, ты там одна. Давай быстро домой!

Мать приоткрыла калитку и завала девочку.

Светлана вздохнула и пошла. Темнело, и в небе зажигались звёзды, на дачный посёлок опускалась ночь,

принося с собой одуряющий стрекот сверчков, запахи трав и медленно наползающую прохладу.

Во дворе Светка косо посмотрела на серый зализанный «нисан» дяди Игоря и отвернулась. Здесь могла бы стоять папина машина, но папа умер от какой-то дурацкой болезни. Ему было всего тридцать лет, а ведь люди не должны умирать такими молодыми!

Ничего, через шесть лет она окончит школу, потом поступит в медицинскую академию и станет врачом. А потом она придумает, как сделать так, чтобы люди не умирали слишком рано. А ещё лучше, чтобы они жили вечно...

— Ну что, красавица, наигралась вдоволь? — Дядя Игорь сидел за столом на веранде и разбирал забарахливший утюг.

Спросил он это с обычной ласковой улыбкой, но Светка нахмурилась.

Наверное, он был хорошим — Светлана чувствовала, что он нравится маме, он многое умел делать, работал в какой-то солидной фирме, да и с ней старался подружиться изо всех сил.

Но Светка не хотела с ним дружить. Маму это очень расстраивало, Светка понимала, что она не права, но ничего не могла с собой поделать: дядя Игорь, какой бы хороший он ни был, не был её папой.

— Наигралась, — вздохнула она и ушла мыть руки.

После ужина Светка поднялась к себе в комнату на втором этаже и задумалась, чем бы заняться перед сном. Можно поиграть на плэй-стэйшене или дальше почитать книжку американского писателя Рэя Брэдбери, которую ей дал Антон.

Вдруг она услышала через открытое окно, затянутое сеткой от комаров, что мама с дядей Игорем шепчутся на крыльце. Светка подошла и прислушалась. Козырёк крыльца в совокупности с темнотой (лампочка у двери оказалась выключена) мешал видеть, что происходит внизу, но слышно было хорошо.

На крыльце завозились.

— Ну, Игорь, перестань! — просительно-строго и потому очень ненатурально запротестовала мама. — Светлана ещё не спит, ты потерпеть не можешь?

Девочка нахмурила брови: она прекрасно знала, что у взрослых есть некая штука, которую называют любовью, но слово «любовь» Светке в данном случае не нравилось. Сама она никого не любила, но знала, например, что Элла из второго «а» любила Егора.

Но это же не то, что у взрослых — то, что у взрослых, в кино показывают. Какая же это любовь, если Антон всего лишь даёт ей книжки читать?

Тем не менее Светка знала: то, чем занимаются взрослые, для них очень важно. И чтобы повредить, она не стала ни играть, ни читать, а затопала вниз по лестнице, на крыльцо.

Мама и дядя Игорь уже просто сидели на крыльце.

Светка отошла немного в темноту сада и встала к взрослым спиной, разглядывая изумительный иссиня-чёрный ковёр ночного летнего неба с мириадами августовских звёзд. Девочка нашла Большую Медведицу — её показал когда-то папа. А если вот так провести ещё линию, то можно найти Полярную звезду, и там будет Медведица Малая...

— Света, — как всегда ласково позвал дядя Игорь, чтобы скрасить неловкость ситуации, — ты, наверное, астрономом станешь? Я обратил внимание — ты любишь на звёзды смотреть.

И почему взрослые постоянно стремятся сказать какую-нибудь глупость?

Светка чуть обернулась и, почти не видя, посмотрела в темноте.

— Нет, — медленно произнесла она, — я буду врачом...

Яркая точка неожиданно засветилась в вышине, вспыхивая всё ярче, одновременно прочерчивая звёздную сферу наискось сверху вниз и уходя за смутно угадывавшуюся неровную границу далёкого леса.

— Светка, Светка! — закричала мама. — Падающая звезда! Скорее загадай желание!

Дядя Игорь деловито вздохнул:

— Метеорит это, не звезда...

— Всё равно надо желание загадать, — настойчиво потребовала мама. — На счастье!

Светка молчала и смотрела туда, где исчезла падающая звезда.

— Знаете, — сказала она, — я тут читала один рассказ. Там ракета в космосе взорвалась, и из неё космонавты выпали. Они летели и разговаривали между собой по радио...

— А как они не задохнулись в космосе? — встрял с техническими подробностями дядя Игорь.

— Они же были в скафандрах, — криво усмехнулась Светка и замолчала.

— И что случилось дальше? — Дядя Игорь стойко продолжал демонстрировать интерес.

Светка выдержала небольшую паузу:

— Ну... Просто один космонавт летел в сторону Земли, а когда врезался в воздух, сгорел. Это увидели мама с мальчиком, и она ему тоже сказала: «Загадай желание, вон падающая звёздочка!»

— Господи, — ахнула Светкина мама, — ну ты и книжки читаешь!

— Сейчас в космосе нет кораблей с космонавтами, — уверенно сказал дядя Игорь. — Это просто метеорит.

— Да, конечно же, — подхватила мама, — это просто метеорит.

— Именно метеорит! — заверил дядя Игорь. — И не такой уж большой, кстати.

— А ты загадала желание? — не унималась мама.

— Загадала, — вздохнула Светка. — Хочу, чтобы все люди жили вечно!

Мама девочки тихо улыбнулась в темноте, покосившись на дядю Игоря.

А от упавшей звезды на небе уже не осталось и следа...

БУТЫЛЬНИКОВА Маргарита Ипполитовна.

Сотр. «Ежем. имп. театров» (1913), дочь потом. почет. гражд. Венгеров. Источ.

БУТЯГИНА А.

Авт. рассказа «Вечернее». — «Рус. Мысль», 1913. № 12.

БУТЯГИНА Варвара Александровна (1891 —), поэтесса.

Род. в Орловской губ., но детство и юность провела в Москве. Оконч. Москов. унив.; слушала лекции в Брюсовском лит.-худож. инстит. Творчество Б. формировалось под влиянием К.Бальмонта. Авт. сб. «Лютики» (1921), «Паруса» (1926). В 20-х годах была одним из основателей группы «Лит. особняк». Стихи Б. большей частью посвящены природе. Сотр. в сб.: «Ленин в европейской поэзии» (М., 1925); «Лирика. Стихи: Сб. второй» (М., 1922); «Лирика: Неоклассики: Сб. третий» (Тверь, 1925); «Лит. особняк: Второй сб.» (М., 1929); «Новый чтец-декламатор» (М.-Пг., 1923); «Поэты наших дней: Антология» (М., 1924).

Сто одна поэтесса серебр. века; Мацуев (у него дата рожд. 1901; та же дата и у Розанова и в комм. к кн. Н.Серпинской, с.313).

БУХ Эмилия.

Сост. самоучит. немец. яз. (М., 1908). Венгеров. Источ.

БУХАЛОВА В.И.

Вместе с Т.Б.Крыловой (см.) пер. с нем. кн. Г. фон-Буттель-Реенен «Из истории происхождения человечества».

БУХАНОВСКАЯ Е.Я. (урожд. Чайковская), авт. воспоминаний.

Слушательница историко-филологич. факультета Бестужевских курсов. «1902–1907 годы на Бестужевских курсах» — В кн. «Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы». 2-е изд. Л., 1973. С.232–238. ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 6264.

БУХАНЦОВА

Авт. кн. «Рассказы». СПб., 1913.

БУХАРИНА Вера, писательница.

«Петр и Василий, рассказ для крестьянских детей» СПб., 1867 (Посв. Стрекаловской школе) — рец.: «Мирское слово». 1871. № 1. Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БУХАРОВА Зоя Дмитриевна (в замуж. Казина; псевд. Фома Верный; 1876 — 1923), поэтесса.

Род. в Амстердаме. Сотр. в сб. «Русская лира» (СПб., 1893); «Спутник артиста» (СПб., 1900). Печ. также в «Севере», «Ниве», «Театре и иск-ве», «Слове», «России». Книга Б. «Стихотворения» (СПб., 1903) близка поэтике модернизма, но вместе с тем в ней ощущаются интонации русской классич. лирики. Книгу одобрит. встретила критика. Б. была связана с Передвижным театром П.П.Гайдебурова. Авт. пьесы «Морская царевна». По-видимому, была знакома с А.А.Блоком, который послал ей экз. «Двенадцати».

Русские писатели (портр); Смирнов-Сокольский (у него — в замуж. Козина); Венгеров. Автобиогр; ЛЖР.

БУХОВА Мария Александровна (в замуж. Бокова), доктор медицины (1872).

Венгеров. Источ.

БУХОВЦЕВА Варвара Игнатьевна (урожд. Островская; 1849 —?), врач.

Венгеров. Источ.

БУЧИНСКАЯ Надежда Александровна.

(См. Тэффи, Н.А.).

БУШ Елизавета Алексеевна.

Сотр. «Трудов. Тифлис. ботанич. сада» (1909). Венгеров. Источ.

БУШМАН Ирина Николаевна, филолог.

Авт. статей и сб. стихов. Диаспора. З.

(Продолжение на стр. 83)

Ордена из кованого сундука

(Документальная повесть)

Страница из книги Франсуа Рабле

Я ее перескажу. Герои известного романа «Гаргантюа и Пантагрюэль», путешествуя по Океании, однажды ранним морозным утром вступили на пустынный остров. Но увидели они там страшную картину — следы побоища. Останки прикрывал легкий, необычно прозрачный саван из голубых льдинок. Им впору было воскликнуть: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» Кто и за что здесь бился насмерть? Много других вопросов и, ни одного ответа.

Когда стало пригревать солнце, над мертвым полем вдруг возник странный шум, с каждой минутой он усиливался. Потом начал сотрясаться воздух. Было похоже, что проснулось и взревело некое потревоженное чудовище. Путешественников обуял страх. Только потом они поняли, что это звуковые галлюцинации, что каким-то мистическим манером попали они в центр большой кровавой сечи и отчетливо слышат ее звуки: стук копыт и конский храп, музыку труб и барабанов, звон мечей, стоны раненых, крики отчаяния, отдельные слова и фразы, предсмертные проклятия...

Мертвый остров. Ни единой души. Чистое небо. Спит прибрежная волна. Так откуда звуки ада? Испуг был велик, но путешественники все-таки открыли тайну «говорящего острова». Напомним, книга остроумного француза вышла в свет очень-очень давно — в 1532 году. Никаких диктофонов, других

записывающих устройств... Век шел только шестнадцатый! Откуда взялась звуковая панорама боя? Кто ее и как записал? Естественно, налицо была смелая фантазия автора, но какая!

К слову скажу, что даже в век изобретения радио не все было так просто. Надо было еще научиться на какие-то носители портативно записывать звук. Поэтому в нашей стране документальные записи 1941–1945 годов — уникальная редкость. Пальцев одной руки хватило бы, чтобы пересчитать звукозаписывающие машины на фронтовых дорогах Великой Отечественной войны. И записывали тогда на использованных рентгеновских пленках, в шутку их называли — «пластинки на костях».

Удалось разыскать несколько десятков таких, не имеющих цены, необыкновенно красноречивых документов, обжигающих нас дыханием грозной военной години. Об одном из них я и расскажу.

Звуковое письмо пришло из Ленинграда с припиской известного военного журналиста Лазаря Маграчёва. Он просил помочь ему расшифровать голос солдата на гибкой пластинке, найденной им в архиве документов Великой Отечественной, документов бесценных, искренних, эмоциональных, но безымянных. Только по голосу (запись была сделана где-то на фронте) спустя десятилетия, надо было найти если не его автора, то хотя бы адресата. Лазарь Маграчёв переписал звуковое письмо с фронта на магнитную пленку и прислала ее мне (кто-то ему подсказал, что озе-

ро Шарташ, прозвучавшее в словах бойца, находится на Урале, вблизи Свердловска).

Поставила я пленку на магнитофон, и глуховатый голос в напряженной тишине произнес:

«Здравствуй, милая Вера, здравствуй, дорогой сын Долик! Шлю вам с фронта боевой гвардейский привет!»

Далее солдат заверял своих близких, что победа над ненавистным врагом близка, что скоро вернется домой и они заживут прежней мирной счастливой жизнью, мечтал о рыбалке на Шарташе, давал наказ сыну хорошо учиться.

«Милочка, письма твои ободряют меня в борьбе с фашистскими оккупантами. В них я узнаю миллионы женщин Родины, с негибаемой волей работающих в помощь фронту. Я горжусь тобой, показываю всем твою фотокарточку, рассказываю, какая ты у меня красивая».

Солдат клялся, если потребуется, отдать жизнь за счастье, за свободу родины. Кончалось письмо словами: «Пишите чаще. Крепко целую. Павел». Словом, обычное, выверенное строгой цензурой, короткое послание с передовой. Но куда? Кому? Ни адреса, ни фамилии жены или самого солдата. Запись фронтовой студией была сделана скорее как агитплакат — для трансляции по радио.

Пока мы знали, что он — Павел, она — Вера, сын — Долик (конечно, уменьшительное имя). И никакой адресный стол тут не помощник. Нам предстояло искать иголку в стогу сена. Лишь название озера —

(Продолжение. Начало в № 5, 6, 9, 11, 2006 г., № 1, 2007 г.)

Шарташ — подсказывало, что ушел боец на войну либо из Свердловска, либо жил где-то поблизости. Во всяком случае — он уралец. Его речь с характерным местным «оканьем».

В то время главный редактор Свердловского областного радио, не буду его называть, решил пере-страховаться: «В эфир письмо не пойдет. Почему? А время? Столько десятилетий прошло. Вдруг этот Павел преступник, сидит в тюрьме!»

С юными следопытами мы обошли каждый дом вокруг озера. Расспросили всех стариков. Результат нулевой. А время шло, звуковое письмо лежало на столе. Звало. И своего часа дождалось только тогда, когда бдительный редактор ушел в отпуск. Ответственность взял на себя другой начальник. И фронтовое письмо, наконец, передали по радио. Через несколько минут раздался звонок, и в трубке возник взволнованный голос: «Он жив, жив. Вера и Долик тоже живы!» Диктор Зоя Семеновна Бойко, принявшая это сообщение, так разволновалась, что едва провела вечерние передачи. А утром уже я, волнуясь, вошла в дом моего героя. Встретила хозяйка с очень добрым лицом, седая. И мужчина, тоже в годах, среднего роста, крепкий, коренастый. Говорил он тихо и отрывисто. И в речи его резко проступало, как и у того неизвестного Павла, характерное уральское «о».

Да, это он, Павел Кузьмич Чувашов, «писал» с фронта своей жене Вере Севастьяновне. Тогда он был батальонным комиссаром. А вчера, услышав свой голос спустя столько лет, не спал всю ночь. Представил бои юго-восточнее Ржева. Был ноябрь 1942 года. Стояли у реки. После длительной артиллерийской подготовки части дивизии, где он воевал, перешли в наступление. С первых же минут бой принял ожесточенный характер. К тому же берег реки был крут и обрывист. Немцы облили его водой, превратили в ледяную гору, опоясав колючей проволокой.

Два дня шла жестокая схватка. Сложили головы многие боевые друзья Чувашова. Снова и снова

поднимались бойцы на штурм ледяного берега. Ночной атаки фашисты не выдержали. Наши части, форсировав реку, освободили два населенных пункта. К вечеру канонада стихла. Если бы не развороченная снарядами и окопами земля, будто и не было этой смертной войны. Прибыла долгожданная кухня с горячей кашей и почта. Тогда приехала и звукозаписывающая машина. Собрали несколько отважных бойцов, подвели их к микрофону. Так и Павел отправил домой свое звуковое письмо, свой голос из 1942 военного года. Это была короткая передышка. За ней последовали тяжелые бои с врагом на Прохоровском плацдарме, в Румынии, в Венгрии, в Чехословакии...

Отшагав в шинели пол-Европы, вернулся Павел к семье, к мирной жизни. Его хорошо знали в Уральском геологическом управлении, где потом долго работал. Любил бывать на уральских озерах, только не с удочкой, а с этюдником. Устраивал сослуживцам выставки своих пейзажей.

А Вера? Вера Севастьяновна? Время и седины вопреки жестоким законам природы все больше красили ее умное доброе лицо. Она по-прежнему «главная мама» в семье, в которой появилось четвертое поколение — внук Сашенька. Павел и Вера отметили золотую свадьбу — подытожили пятьдесят вместе прожитых трудных, но счастливых лет.

Слыхала ли Вера Севастьяновна то фронтовое письмо по радио осенью 1942 года?

«Нет, не слыхала! — И заволновалась, словно увидела то далекое трудное время. Сын Долик (Рудольф) как только ему исполнилось 17, вслед за отцом и тайком от матери добровольцем пошел бить фрицев. Радио некогда было слушать. Работали за двоих, троих — сколько было сил. Днем шили шинели, гимнастерки для фронта — одевали мужей, братьев наших, сыновей. А вечером дежурили в госпитале, стирали для раненых белье и бинты... И вот сейчас, через столько лет... я сейчас не знаю... Я настолько рада и благодарна тем людям, которые сумели донести это письмо до

меня. Я не знаю даже, когда было мне дороже его получить: в то время или сейчас...»

И вправду говорят: живое слово дороже писанного.

...Нет теперь уже ни Павла Кузьмича Чувашова, ни добрейшей Веры Севастьяновны. В моем звуковом архиве — не только то уникальное звуковое письмо, голос из фронтового 1942-го, но есть записи Чувашовых других лет. Мы часто встречались. Я подготовила большую передачу — рассказ об этом редкой удаче историческом поиске. Считаю, мне повезло. Спустя 40 лет после войны найти человека по голосу!

Передача прозвучала не только по Свердловскому, но и по Все-союзному радио, принесла мне огромную почту. Из нее особо выделю два письма. Из Ленинграда и из Москвы. Люди, услышав в передаче и мое имя, ухватились за него как за последнюю травинку. «Не та ли вы Инна Гладкова, тот пятилетний ребенок, которого увезли на Урал из осажденного Ленинграда по Ладоге? Отзовись! Мы потеряли тебя. Твои дядя и тетя Гладковы».

А в конверте из Москвы была даже фотография прелестной девочки лет шести, которую звали, правда, не Инна, а Ирина Гладкова. Ее дядя, профессиональный военный, полковник Николай Петрович Гладков написал, что семья его погибшего в финскую войну брата — жена и маленькая дочь — осенью 1941 года была эвакуирована из Харькова на Урал. По дороге тот поезд бомбили, мать погибла, а девочка потерялась.

Приведу только последнюю, разрывающую душу, строчку: «Ну, скажи мне, старику, что это ты нашлась, наша кровиночка?»

Каково было писать, отвечать этим людям? Да, я тоже дитя войны, хлебнула сиротской доли. Но утешать своих однофамильцев было нечем. Потом по радио несколько раз читала их письма, привлекла даже коллег из Перми и Челябинска. Мы вместе с помощью радио долго искали Инну и Ирину Гладковых, маленьких девочек, которых жестоко коснулась война.

Виктор ЭНДЕБЕРЯ,
Валерия ФИННОВА

«За то, что он поп...»

Противная церковь на Урале.
Страницы истории. Год 1920-й

Точка отсчета в новейшей истории православной церкви России — январь 1918 года. Советское правительство принимает декрет «О свободе совести». Отныне церковь отделяется от государства, теряет статус юридического лица, а ее собственность объявляется «достоянием народа».

Спустя восемь месяцев прекращается деятельность Всероссийского Православного Собора, занимавшегося разработкой демократических преобразований церковной жизни. Собор лишь успевает опубликовать некоторые итоги реализации судьбоносного декрета. Донесения с мест, поступившие за эти восемь месяцев, воссоздают «потрясающую картину разгула низменных страстей».

Убиты,
заточены,
мучены...

Убиты: Митрополит Киевский Владимир, 18 архиереев, 102 священника, 154 диакона, 94 монахини и монаха. В тюрьмах находятся 4 епископа, 198 священников, 8 архимандритов... Запрещаются и разгоняются церковные ходы и процессии, нарушаются богослужения, изымается имущество и земли, творятся насилия, аресты, убийства...

С особой жестокостью преследуется православное духовенство Пермской и Екатеринбургской епархий. Здесь красный террор свирепствует с июня 1918-го, хотя официально объявлен лишь два месяца спустя, с 30 августа, после покушения на Ленина. За плечами многих борцов за советскую власть — кровавая школа боевых большевистских организаций первой русской революции. В итоге в двух уральских епархиях до конца года расстреляны, замучены, растерзаны, заморожены, живьем зарыты в землю, зарублены, сожжены более 150 служителей церкви, не считая арестов и грабежей личного и церковного имущества.

Не удивительно, что с наступлением Красной Армии многие из оставшихся в живых священнослужителей предпочитают бежать с колчаковцами: к августу 1919-го свои епархии покидает около 3000 человек. Те же, кто не отваживаются на столь отчаянный шаг, занимают, судя по сводкам чекистов, выжидательную позицию и воздерживаются от какой-либо агитации. Их «отношение к советской власти не выяснено». А что было выяснять? Страх и ожидание ареста...

Однако и надежды тех, кто рискнул примкнуть к армии Колчака, не оправдались. Уже после 14 октября, когда красными был взят Омск, началась, по сведениям Екатеринбургской губчека, его (духовенства) «усиленная тяга обратно». В течение шести месяцев они «шли и ехали, возвращаясь из Омска, другие — из Новониколаевска (Новосибирска), третьи из Петропавловска... а четвертые из Иркутска или еще дальше — из Дальневосточной республики и из других отдаленных мест»... Шли и ехали, не подозревая, что их ожидает дома...

А дома, начиная с 1920 года, идет реорганизация местных органов управления. Упраздняется институт уездных уполномоченных, и при отделах уездной милиции создаются так называемые «политбюро» (ЧК), работу которых возглавляют опытные чекисты. В их задачу входит: учет «подозрительного элемента» (главным образом, возвращавшегося из Сибири), предварительное следствие и оформление «дела»; насаждение «всюду и везде» осведомителей; передача в губчека информации о политическом и экономическом состоянии уезда с целью принятия «предупредительных мер».

Начальник Особого отдела при Ревсовете 1-й Тунгусовой Армии Тунгусков становится также председателем Екатеринбургской ГубЧК.

Ни один из священнослужителей, вернувшихся в свой приход, не остается без внимания осведомителей. То и дело поступают донесения о том, что «подозрительный элемент» начинает действовать: после выступления «попа» о поругании святынь верующие соглашаются вернуть ему землю, ввести в школе пре-

Свидетели событий тех лет — священнослужители и прихожане. Второй справа в третьем ряду сверху — И.Ф. Покровский. Фотография из фондов Невьянского краеведческого музея. (Фрагмент).

подавание запрещенного Закона Божьего, выгнать из поповского дома волостной совет или школу...

С точки зрения чекистов, подобный «беспредел» — следствие разделения властей. Отныне «разоблачением и пресечением» занимаются, в основном, советские работники, то есть чекисты, а «освобождением трудящихся от гнета религии» — партийные организации.

Но председатель Губчека Тунгусков в одном из своих публичных докладов с помощью несложной казуистики «доказал», что «поскольку проводником диктатуры пролетариата является партия коммунистов, постольку и ЧК нельзя рассматривать только как советский орган, а — как орган партийный». Вот теперь все стало на свое место. Теперь «опытный коммунистический глаз» местным церковникам был обеспечен.

В тесном взаимодействии чекистов с партийными органами проводится в жизнь декрет «О свободе совести».

Поначалу дело идет туго. Целый год прошел после принятия декрета, а «трудящиеся крестьяне абсолютно не знают», как он приложится к жизни. Коммунисты решают «путем правильной агитации познакомить крестьян с принципами проведения этого декрета в жизнь».

Д° ^ ш ко ^ ^ к " и ный «одоб ^ м, »!

В начале сентября 1919 года все домовые церкви Екатеринбурга закрываются и отдаются «под культурно-просветительные учреждения», а верующие убеждаются в том, что большевики — «воры и грабители, и хотят еще церкви отобрать, которые строили наши деды».

Только через полгода епископу Григорию (Яцковскому) удается с помощью прихожан и собранных ими шестисот подписей в защиту своих приходов добиться возвращения (а значит, и сохранения) четырех храмов, расположенных в отдельных зданиях, в том числе и Крестовой церкви архиерейского дома.

Большевикам, однако, тоже нужна церковь, но только послушная, готовая к сотрудничеству, а вовсе не к «свободе совести», о которой толкует ими же принятый декрет. Те немногие священники и епископы, с которыми удалось наладить контакт, проблемы не решают. Патриарх Тихон еще 8 ноября 1919 года обратился к православному клиру и мирянам с известным посланием «О невмешательстве в политическую

борьбу». Если перемена власти и приветствуется колокольным звоном и церковными празднествами, сказал патриарх, то происходит это по требованию самой власти или населения, а «вовсе не по почину служителей церкви, которая возбраняет делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций...».

Но власть в подобные тонкости не входит и видит лишь то, что ей хочется. Антирелигиозный журнал «Революция и церковь» в нескольких номерах за 1920 год с удовлетворением сообщает читателям, что все духовенство Екатеринбургa во главе с епископом Григорием «в середине июня 1920 г. (...) объявило за торжественным богослужением в Кафедральном соборе о своем переходе на сторону советской власти... Сообщение, из которого явно торчат чекистские уши. По своей крестьянской осторожности и осмотрительности епископ Григорий мог, конечно, заявить о признании советской власти, но не для того, чтобы сообщить о переходе на ее сторону, а лишь для того, чтобы хоть как-то оградить духовенство от усилившихся арестов. После изгнания колчаковцев епископ выступал только по вопросам веры и священного писания, не затрагивая вопросов политической и общественной жизни, в чем дал письменное обязательство при вступлении красных в Екатеринбург.

Но власть, учитывая авторитет Григория Яцковского, принуждала его выступать в поддержку политических мероприятий, хотя получалось у нее это далеко не всегда.

19 июля 1920 года в связи с временными успехами Красной Армии на польском фронте уполномоченный Екатеринбургской ЧК Крылов получает срочное задание организовать на площади Кафедрального собора (ныне площадь 1905 года) торжественный молебен. Богослужение с целью агитации «среди несознательных масс» должно посвящаться победам Красной Армии над польской контрреволюцией «в лице отживших останков буржуазного мира, панов и (их) приспешников...». Непосредственным организатором, согласно плану, должен стать сам епископ Григорий, дабы никто не мог обвинить власть во вмешательстве в дела церкви.

Агенты-осведомители сообщили, что вначале епископ категорически отказался, считая торжество преждевременным, так как война еще не закончилась, но при второй встрече, обсудив просьбу с Епархиальным Советом, дал согласие. Совет, в свою очередь, направил в Губчека «объявление», в котором сообщалось, что в ответ на «конфиденциальное» предложение, разрешается созвать собрание представителей приходов и настоятелей церковью Екатеринбургa и Верх-Исетского завода «для обсуждения ходатайства граждан...».

Документы не сообщают, состоялось ли, в конце концов, богослужение, но в том, что мероприятие было преждевременным, епископ Григорий оказался прав. В августе 1920 года началось отступление Красной Армии на Западном фронте.

Из истории ... духовности

Репрессии против крестьян и духовенства усиливаются в связи с подготовкой к изъятию хлеба урожая 1920 года. Учитываются ошибки предыдущего года, когда сопротивление крестьян помешало выполнить задание по продразверстке и население вымирало от голода.

Решением Екатеринбургского губкома РКП(б) на территории губернии с 23 июня 1920 года вводится военное положение. Председатель губчека Тунгусков объясняет столь суровую меру «...тем, что возвратившиеся из стана белых кулачье и попы совместно с правыми эсерами повели усиленную агитацию сперва за срыв посевной кампании, потом за срыв реализации урожая...». Но теперь, по уверению председателя, «благодаря бдительности ЧК и партийных органов, это явление... в самом начале ликвидировано...». Согласно приказу № 24 от 6 июля 1920 года, уездным политбюро (ЧК) «с согласия исполкомов» надлежало одновременно по всем 11 уездам губернии изъять — нет, теперь уже не хлеб, а «весь будирующий массы зажиточный кулацкий элемент... и духовенство»...

В недельный срок, по заверению Тунгускова, «весь этот элемент совместно с материалами был представлен в ГубЧК» и в ожидании приговора содержался в концлагере. Однако чекисты входят во вкус: выявление «видных контрреволюционеров» продолжается и после исполнения приказа. Особо опасным, помимо членов левых и правых антисоветских партий (в основном эсеров), признается «черносотенное духовенство».

«Церковь и Кай»

...Бывший народный учитель, уроженец Казанской губернии Алексей Мамаков девять лет прослужил диаконом в Алапаевском соборе. Когда коллеги в 1918-м уходили с колчаковцами, остался дома. В начале 1920 года прихожане из села Большое Трифоновское Ирбитского уезда пригласили его на должность священника, так как в их местной церкви никого, кроме псаломщика, не осталось. Прежде служившие здесь священник Петр Андреевич Снежницкий и диакон Александр Нилович Медведев в 1918 году были арестованы, имущество их разграблено, а сами они увезены на станцию Егоршино и 20 сентября 1918 года расстреляны ...

Отец Алексей дал согласие и переехал с семьей из Алапаевска на новое место жительства. Прихожане поселили священника в доме при церкви. И все бы ничего, но на этот же дом положили глаз местный волисполком и ячейка РКП(б).

Делегация представителей «властей», усиленная волостным военкомом, явилась к священнику и с юношеским запалом потребовала выселяться. Тот объяснил «молокососам», что своим нежеланием считаться с волей прихожан они сами же подрывают авторитет советской власти, и отправил их обратно. Отец одно-

го из парламентаров, узнав о попытке отобрать у священника жилье, выгнал сына из дому, да и остальные «партийные товарищи» недалеко были от семейного разлада.

И тогда оскорбленные руководители волости прибегли к беспроигрышному оружию — клевете. На общем собрании ячейки РКП(б) говорилось о «контрреволюционности» священника. И население-то он будто бы против партии настраивал (да не один, а с псаломщиком), и бешеную агитацию против советской власти вел... Поэтому «настроение к коммунистам после приезда попа» и переменилось «из благожелательного на явно враждебное». Не признаваться же, в самом деле, что сами коммунисты были тому причиной!

В тот же день участники собрания провели в домах священника и псаломщика обыски, которые ничего не дали. Тем не менее, обоих отправили в Ирбитское политбюро (ЧК).

Больше двух месяцев о. Алексея продержали в Ирбитском исправдоме. За это время в Ирбитское политбюро РКП(б) из Алапаевска и Егоршино поступило несколько ходатайств от прихожан с просьбами об его освобождении. Коммунисты и комсомольцы со станции Егоршино ручались, что о. Алексей «действительно лоялен к советской власти и никаких выступлений и подрыва против РСФСР не было и быть не могло с его стороны».

По-видимому, все это возымело действие. Да и стоило ли возбуждать лишний раз крестьян Б.-Трифоновской волости, и без того в связи с продразверткой весьма недоброжелательно настроенных к советской власти? Так или иначе, о. Алексей был освобожден.

Однако местные коммунисты выжидали лишь удобного случая, чтобы расправиться «с попом». А вскоре подоспело и секретное предписание Ирбитского политбюро «О выявлении и арестах политически неблагонадежных граждан».

Секретарь партячейки К.Ф. Редькин и коммунист Г.Ф. Трифонов отправились в церковь. Послушали проповедь «Контрреволюционного» в ней обнаружили не густо: священник призвал граждан-верующих приучать детей к церкви и напомнил, что «мы голодаем за тех людей, которые не верят в Бога»... Но хватило и этого. На другой же день в Ирбитский комитет РКП(б) и уездное политбюро от имени Б.-Трифоновской ячейки была послана «Записка» с просьбой «принять с попом меры, а то он весь народ смущает и запугивает тем или другим».

20 июля священника вызвали в Ирбитский уездный исполком и арестовали вторично.

Спустя почти месяц после отправки о. Алексея в Екатеринбургскую ГубЧК уполномоченный Ирбитского политбюро Плишкин, допросив жителей села Б.-Трифоновское, в том числе и местных коммунистов, начал оформлять следственное дело. Односельчане свидетельствовали, что никакой агитации против советской власти и партии коммунистов от священника «не слышали и не замечали», что об этом «неоднократно за-

являли лишь местные главари». Рядовые коммунисты тоже не видели, чтобы священник «вел какую-либо агитацию», и уверяли: «Наша ссора с ним пошла из-за дома церковного».

Все это, однако, не помешало Плишкину написать, что основанием для обвинения «в контрреволюции» священника Мамакова является протокол общего собрания волостной ячейки РКП и свидетельские показания жителей, «коими виновность Мамакова подтвердилась».

Священника арестовали вторично, его жену и двух дочерей из дома выселили, и волисполком наконец-то завладел вожделенной жилплощадью. Раскол между населением и властью оформился окончательно.

На вопрос Веры Михайловны Мамаковой, за какую же провинность ее муж «лишен человеческой свободы», в волисполкоме честно ответили:

— За то, что он поп.

Она пыталась бороться, написала жалобу в Екатеринбургский губотдел юстиции о том, что «суд был заочный, безо всяких обследований дела, без объяснений обвиняемого и без предоставления способов защиты», просила содействовать «к устранению... незаконности»... Однако губотдел юстиции, не вникая, направил ее жалобу по старому адресу: «На усмотрение и распоряжение ГубЧК». Чекисты же своих решений, как правило, не меняли.

С ъ ѣ ^ нник

€ ° ^ н " ин Нико ^ , кий

Не менее драматичной оказалась история, развернувшаяся в селе Краснослободском. После ареста 72-летнего священника С.Г. Хитрова тамошняя церковь некоторое время бездействовала, и местные власти совсем уж было решили ее закрыть, да не успели. 17 марта вернулся «из эвакуации» бывший священник Валентин Семенович Никольский и попросил односельчан «о принятии его в общество».

На собрании 21 марта, удостоверившись, что «священник имел имущество, нажитое личным трудом, и супротив советской власти выступлений не производил», 216 домохозяев единогласно проголосовали «за».

В тот же день Никольского арестовали и допросили.

Старший волостной милиционер Попов в протоколе допроса записал, что Никольский Валентин Семенович 47 лет, сын священника и сам бывший священник (...) «прибыл из стана Колчака, при белой банде был явный контрреволюционер, т.к. по его показаниям страдало в Ирбитской тюрьме несколько человек».

Спустя неделю на свет появился протокол собрания местной ячейки РКП(б), в котором утверждалось, что «...советские работники, действительно были преследуемы священником Никольским и по 5 месяцев страдали в тюрьме из-за него». Ячейка просила «разобрать дело Никольского высшей властью».

В роли высшей власти выступило Ирбитское политбюро, куда были отправлены протокол допроса, свидетельские показания, ходатайство ячейки и сам священник.

Тем временем односельчане пытаются опровергнуть ложь и выручить батюшку. 72 прихожанина принимают участие в церковном собрании и вновь удостоверяют, «что священник о. Валентин Никольский ни ранее, ни в настоящее время никакой пропаганды и агитации не вел и не ведет», а если кто-то и страдал в тюрьме, то не из-за него.

Ручательство односельчан выглядело намного убедительнее «показаний» пятерки коммунистов, и священник вернулся в церковь. Но служить ему оставалось недолго. После введения военного положения (с 23.06.1920) о. Валентина снова арестовали «в связи с усилением антисоветской агитации». Его сочли «наиболее активным контрреволюционным элементом» во всей волости.

На допросе в Ирбитском политбюро виновным он себя не признал, какую-либо агитацию за белое движение и «свержение соввласти» отрицал и был приговорен Екатеринбургской ГубЧК «к содержанию в концлагере до конца гражданской войны».

Судьба же его предшественника, бывшего священника Краснослободской церкви Степана Григорьевича Хитрова, арестованного еще до приезда Никольского, оказалась куда трагичнее. Двумя неделями раньше та же коллегия ГубЧК приговорила его к расстрелу...

С "Ы" МОЩИ

Одновременно с репрессиями против православного духовенства идет кампания вскрытия святых мощей. В Центральной России, где военные действия закончились значительно раньше, к ней приступили еще в 1919 году по требованию «самого народа».

В феврале, как раз к годовщине декрета «О свободе совести», губисполкомы получили циркулярное письмо наркома внутренних дел Г.И. Петровского. В письме разъяснялось, что для обследования святых мощей следует создавать комиссии из представителей власти, верующих и духовенства, а само мероприятие проводить с составлением описи вещей, но никак не «тайком, без свидетелей». В то же время имевшие место тайные вскрытия с изъятием ценностей сам же нарком весьма непоследовательно объяснял «здоровым любопытством трудящихся», что в его понимании не противоречило «ни одному из законов Советской Республики».

Здоровое любопытство дает плоды. К осени 1920 года в России зарегистрировано 63 вскрытия святых мощей. Только восемь из них проходили в присутствии «масс», в основном же гробокопатели обходились без них, и ценности, обнаруженные при вскрытиях, бесследно исчезали.

Патриарх Тихон в письме председателю ВЦИК М.И. Калинину заявил, что курировавший антицерковные мероприятия 8-й отдел Наркомата юстиции своей политикой грубо вмешивается «в область религиозной

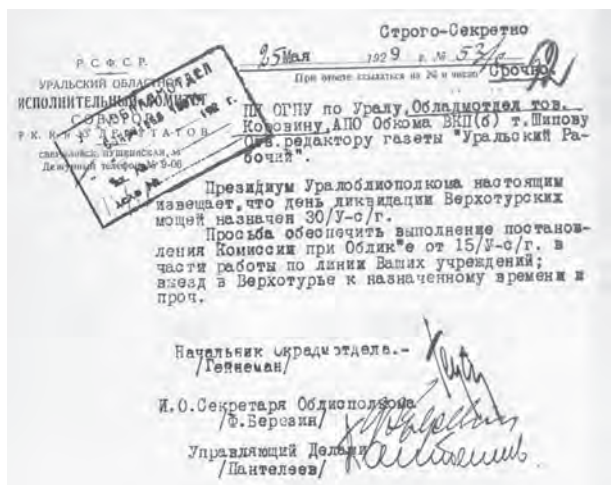
Члены комиссии позируют фотографу после кощунства, которое они совершили

свободы», «нарушает Конституцию РСФСР, Декрет об отделении церкви от государства и при этом не может быть оправдан обычной ссылкой на переходный момент». Его не слышали.

На Урале кампания началась вскрытием мощей святого Праведного Симеона Верхотурского «по требованию трудящихся Верхотурья». Цель — убедить народ «в шарлатанстве и надувательстве попов». Мероприятие приурочили к историческому событию: в 1704 году мощи Св. Симеона были перенесены из села Меркушино в Верхотурский Свято-Николаевский мужской монастырь, и с тех пор этот день почитался верующими как праздник. Ежегодно 25 сентября к монастырю стекалась масса народу из города, уезда и соседних губерний. Ибо известно было, что «прибегавшие к сему угоднику Божию с верою получали различные исцеления и утешения». Но на этот раз исцелений и утешений не ждали.

Председатель Екатеринбургской ГубЧК Тунгусов возглавил комиссию, в которую входило 13 представителей уездного и губернского руководства — чертова дюжина.

После литургии, «при многотысячном стечении народа», в присутствии настоятеля Николаевского монастыря архимандрита Ксенофонта и монахов, комиссия приступила к делу... Тунгусов предложил Ксенофонту с помощью монахов вынести мощи на паперть, но тот отказался. Тогда чекист сам взялся было за святыню, но, по свидетельству очевидца, «был остановлен истерическими криками монахов», которые в конце концов в

полном облачении и во главе с архимандритом вынесли-таки гроб из собора. После чего к делу приступил Тунгусков.

«...Разложив мощи на столе для рассмотрения многочисленной публики», он вместе с председателем Верхотурского уездного исполкома Ларичевым «повернули опустошенный гроб в воздухе так, чтобы он был виден всем...».

Приступили к речам.

Вечером Тунгусков прочел лекцию «Религия и коммунизм». Вооруженные отряды чекистов, прибывшие с начальством на мероприятие, бурно аплодировали.

Отныне паломничество к мощам чудотворца запрещалось, сами мощи, на время оставленные в монастыре, были опечатаны.

Архимандрита Ксенофонта арестовали по обвинению «в активном содействии белым». Около двух месяцев продержали в тюрьме, затем отправили на принудительные работы, где он находился больше года, после чего был освобожден «без права въезда в Верхотурье в течение 2-х лет». Только 15 сентября 1922 года он смог вернуться в монастырь.

Любые «контрреволюционные» высказывания по поводу вскрытия мощей Симеона Верхотурского решительно пресекались, тот же, кто позволял себе нечто подобное, подвергался репрессиям.

П^ом^ь ик Н^од[•] дин

...Сын учителя псаломщик Анфиноген Константинович Надеждин окончил духовное училище. С 1914 года жил в селе Писанском, был вдов, имел хозяйство и по совместительству работал делопроизводителем волземотдела и волнаробраза. Твердо верил «во всех святых и святые мощи». Эта-то вера его и подвела.

Читая в «Уральском рабочем» отчет о вскрытии мощей Симеона Верхотурского, Анфиноген Константинович позволил себе непозволительные высказывания. Ему бы помолчать, а он: дескать, быть такого не может, чтобы там были мощи. Наверняка мусор всякий, стружки и прочее другое, которые сам архимандрит Ксенофонт и подложил...

Через неделю с небольшим в Ирбитское политбюро от ячейки РКП(б) села Писанского поступило «сообщение». В нем утверждалось, что псаломщик местной церкви Надеждин изъятие мощей отрицает и вообще является «правым эсером».

На другой же день в дом псаломщика явилась милиция, произвела обыск в присутствии секретаря ячейки Зырянова, но «ничего... о принадлежности Надеждина к партии правых эсеров» не обнаружила. Днопочки, однако, стояли на своем. Председатель ячейки РКП Терентьев, секретарь Зырянов и другие члены партии, давая свидетельские показания, припомнили, что еще в 1917-м году Надеждин «с гордостью утверждал о своей принадлежности к партии правых эсеров», а 16 мая организовал собрание прихожан, чем сорвал планируемый коммунистами субботник, и что вообще «в разговорах идет против коммунистов».

Всего этого оказалось более чем достаточно. Псаломщика арестовали как принадлежащего к «партии правых эсеров» и направили сначала в Ирбитское политбюро, а оттуда — в Екатеринбургскую ГубЧК. Не могли партийные товарищи простить ему эсеровское прошлое.

...Истоки ненависти, питаемой коммунистами к правым эсерам, относятся к эпохе первой русской революции 1905 года. Тогда мелкобуржуазная партия «социал-революционеров» (эсеров) программой «социализации земли» привлекла на свою сторону основную массу крестьян, в результате чего на выборах в Учредительное собрание 12 ноября 1917 года получила 58 процентов голосов, в то время как большевики — лишь 25 процентов.

В мае 1917 года съезд духовенства и мирян Екатеринбургской епархии согласился с эсеровской аграрной программой «социализации земли», приняв решение о передаче всей земли в государственный земельный фонд с последующим распределением собственникам, «не исключая членов притча и монахов».

Вполне возможно, что в числе 377 делегатов этого съезда был и псаломщик Надеждин. А вернувшись, подобно многим другим участникам съезда, агитировал крестьян Писанской волости голосовать на выборах в Учредительное собрание за «список» партии эсеров. Это и припомнили ему коммунисты в 1920 году. И не только ему, и не только это. Припомнили эсерам их кратковременное сотрудничество с «колчаковским военно-террористическим режимом», а православному духовенству — службу почти двух тысяч священников в армии Колчака во главе с епископом Уфимским Андреем...

Делом Надеждина в связи с изъятием мощей занялся оперуполномоченный секретно-оперативного отдела Раздьяконов. Он и подписал обвинительное заключение. В нем, в частности, говорилось (орфография сохранена): «Принимая во внимание, что Надеждин, опровергая правильность вскрытия мощей (...) и подозревая комиссию в подкупе архимандрита, ... тем самым подрывая авторитет советской власти среди темного населения (...), делал все это сознательно с

Оскверненный Крестовоздвиженский собор, г. Верхотурье

целью свержения ненавистной ему трудовой власти, и находя, что такая злостная агитация на почве религии вредно отзываясь на проведении государственной продовольственной разверстки и мешает восстановлению хозяйственного аппарата Республики... 22 декабря 1920 года коллегия екатеринбургского ГубЧК, рассмотрев следственное дело Надеждина А.К., постановила: «Как сознательного и злостного врага рабоче-крестьянской власти подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу». 5 августа 1992 года решением прокуратуры Свердловской области приговор ГубЧК был отменен, Надеждин реабилитирован «за отсутствием в его действиях состава преступления».

Приведенные здесь исторические факты — всего лишь капля в море подобных историй. По определению магистра церковного права, личного секретаря патриарха Тихона Н. Д. Кузнецова, юридические органы, в те годы руководствовались не законом, а так называемым «революционным правосознанием», которое «представляет из себя величину крайне неопределенную. Оно имеет мало общего с тем, что мы, юристы, привыкли называть законностью. Это смесь узкой партийности, классовых интересов и вражды, одностороннего взгляда на человека и ограниченного жизненного кругозора»...

Тогда же митрополит Арсений (Стадницкий) на общем заседании Православного Собора, обсуждавшего «Инструкцию о проведении в жизнь декрета «О свободе совести», говорил:

«...Мы лишаемся всего, права обнаружения религиозных чувств, права благодатного воздействия на паству: для такого воздействия теперь нет возможности, потому что храмы больше не наши. Лишены мы того, что является нашим священным долгом, — права проповеди, за нами будут следить, чтобы мы не сказали чего-либо против советской власти, а мы знаем, что каждый видит то, что ему хочется. И каждая проповедь, самая безобидная, дает возможность заподозрить эту проповедь как противодействующую советской власти, так что священник, идя в церковь, должен быть готов к тому, что идет туда в последний раз... Если до настоящего времени мы претерпевали гонения в зависимости от того или другого (местного) правителя, то теперь гонения получают законную силу»...

История многократно подтвердила эти слова.

В статье использованы материалы Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО).

Сергей ЩИПАНОВ,
Адыгея, Майкопский р-н, п. Краснооктябрьский

~ ° " • ^ v ~ ^ ПОВ ° "

*И сказал Моисей народу: не бойтесь;
Бог пришел, чтобы испытать вас
и чтобы страх его был перед лицом вашим,
дабы вы не грешили.
кн. Исход, гл. 20, ст. 20*

Старший офицер полиции Барт Эрвуд глянул на часы, затем откинулся на спинку кресла, стараясь расслабить мышцы спины, задеревеневшие от долгого пребывания в неудобной позе. До конца дежурства оставалось каких-нибудь пятнадцать минут, значит, через час он уже будет дома, залезет сразу под теплый душ, а потом завалится спать. Он так и не смог привыкнуть к ночным дежурствам — они выматывали, даже если проходили относительно спокойно, как, скажем, сегодняшнее. Барт повернулся вместе с креслом к монитору, на который поступала информация обо всех происшествиях в городе. По экрану бежали, ежесекундно меняясь, строчки, высвечивались все новые и новые цифры.

Барт потыкал пальцем в клавиши. Появилась итоговая таблица — все зарегистрированные с 22-00, начала его смены, и по настоящий момент преступления, как-то: кражи, нападения с применением насилия, угон автомобилей, торговля наркотиками, убийства...

И тут офицер даже присвистнул от удивления — в графе «убийства» значился прочерк. Такого не случилось лет пять, а то и больше, а уж в последнее время... Гигантский мегаполис жил в особом ритме. Как и всюду, при таком скоплении людей здесь неумолимо действовали законы статистики, а она давно определила среднее число убийств, приходящееся на год, месяц, сутки. Разумеется, имели место колебания в ту или другую сторону, но и их учли и классифицировали должным образом дотошные социологи. Эрвуд по собственным наблюдениям убедился, что хитрая эта наука не всегда врет, во всяком случае, в вопросах, касающихся разного рода незаконных деяний, количество которых неизменно укладывалось в определенные параметры.

Город все более становился прибежищем всякого рода отщепенцев, не желающих быть законопослушными гражданами, — контингент, пополняющийся за счет разного отребья, вроде нищих эмигрантов со всего света, легальных и нелегальных, — поэтому число убийств постоянно росло. И вот — на тебе.

«Нет, — подумал Эрвуд, — видимо, наука наукой, а жизнь иной раз может преподнести сюрприз».

Он обернулся к напарнику.

— Терри, ты только взгляни, что делается!

— Что такое? — встревоженно откликнулся тот.

— Не поверишь: ни одного убийства за наше дежурство.

Офицер Анслей, он же Терри, недоверчиво посмотрел на экран.

— Да-а, — протянул он, — ни одной мокрухи за ночь. Похоже, городская шантрапа этой ночью дружно порешила стать пай-мальчиками. Или они просто выходной устроили, а?

— Ох, не к добру это, — вздохнул Эрвуд. — Помяни мое слово, Терри, завтра они начнут по новой и выдадут сразу месячную норму.

Переговариваясь в таком духе, они дождались окончания смены. На экране компьютера за это время сменилось несколько цифр. Графа «убийства» осталась пустой.

Она не заполнилась и в последующие сутки, о чем Эрвуд узнал, отгуляв день и явившись в Управление. Первое, что он услышал, войдя в кабинет, который занимал вместе с Терри и Питером Бентоном, было:

— Барт, ты в курсе — у нас перестали убивать!

Питер и Терри так увлеченно обсуждали эту новость, что даже забыли поздороваться.

АВТОР

Сергей Валентинович Щипанов родился в 1954 г. в Душанбе.

Геолог, кандидат геолого-минералогических наук. Работал в горах Южного Тянь-Шаня и на Памире. Автор ряда научных статей и очерков.

В 2001 г. переехал в Россию. Проживает на Северном Кавказе, в пригороде Майкопа.

Писать фантастику начал сравнительно недавно. В 2006 г. опубликованы рассказы «Электронный оракул» («Порог», 3, 2006) и «Первый» (написан в соавторстве с И.А. Горностаевым, занял второе место на конкурсе московского КЛФ, напечатан в альманахе «Безымянная звезда», 10, 2006). Предпочтение отдаёт традиционной НФ и мистическим историям.

– Что, совсем? – спросил Эрвуд, усаживаясь за стол.

– Совсем. За двое суток ни одного убийства, – объявил Терри. – А мы-то с тобой думали, что мокрушники просто решили денек отдохнуть.

– Ну, – задумчиво протянул Эрвуд, – значит, они... взяли отпуск. Но, вообще-то, хорошо, что не убивают, так ведь?

– Ты думаешь, – неуверенно откликнулся Питер. – Хорошо-то хорошо, но почему? Что это на них вдруг нашло? В Управлении только об этом и говорят...

– И как они объясняют?

– Никто ничего не может понять. Толкуют о случайном совпадении.

Барт покачал головой, – не слишком-то верилось в такие случайности, – и принялся листать распечатку со сведениями за последние несколько суток. Так: одиннадцатого – четыре убийства, двенадцатого – три, тринадцатого – опять четыре, четырнадцатого – двенадцать... Барт вспомнил: сцепились две уличные банды и устроили побоище со стрельбой. Пятнадцатого – шесть убийств, шестнадцатого, позавчера, – ноль, как отрезало, семнадцатого – снова прочерк.

В остальном все было по-прежнему: в городе крали, мошенничали, торговали наркотой, но не убивали. Барт и так и эдак прикидывал, что бы это могло значить, но вынужден был сдаться и принять самое простое объяснение – случайность. Решив не напрягать мозги, он пробурчал:

– Ладно, поглядим, что будет дальше. В конце концов, с нас спрашивают, когда убийства совершаются, а не наоборот.

Занятый обычной текучкой, он на целый день выбросил это из головы. Дел было много, в основном бумажной волокиты: уже семь лет Барт, получивший, вследствие ранения, ограничение по службе, числился кабинетной крысой. Работенка не пыльная, хотя по своему нервная и кляузная, но он привык. Перед уходом Барт заглянул на центральный пульт и узнал – все по-прежнему, убивать упорно не хотели. Барту сейчас было не до того. Он попросил Питера Бентона «прикрыть» его на случай, если Эмилиии вдруг вздумается позвонить сюда. Питер понимающе подмигнул.

– Будь спокоен, скажу, что полминуты назад тебя вызвал шеф.

– Эх, Барт, – добавил он, – у тебя прекрасная жена. Какого же черта ты шляешься по девкам.

– Пит, я прошу тебя..., – скорчив недовольную мину, начал Барт.

– Ладно, – ухмыльнулся Питер, – иди, старый греховодник. Ничего хоть девочка, а?

Барт виновато улыбнулся, смущенный, словно школьник, застигнутый за разглядыванием порнографического журнала. Каждый раз, уже два года подряд, отправляясь на свидания с Кити, он испытывал угрызения совести. Да, у него прекрасная семья: добрая, внимательная жена и умные, послушные дети. Вспомнить хотя бы, как выхаживали его, когда он провалялся три месяца с дыркой в животе и чуть было не отдал богу душу. Разумеется, Барт и в мыслях не держал оставить семью, но Кити... Он уже не представлял себе жизни без нее. Так втюриваются обычно солидные мужики, достигшие прочного положения, где-то за шестьдесят, становясь при этом жалкими и смешными. Барту повезло: кусок свинца, извлеченный из него хирургом, опустил возрастную планку, сделав способным сойти с ума от молоденькой, смазливой мордашки в том возрасте, когда это еще не выглядит так нелепо. Связь с Кити не изматывала его, как тех старых дуралеев, а напротив, помогла обрести утраченную форму – в свои «под пятьдесят» Барт опять был молодец хоть куда. Эмилия, конечно же, не могла не заметить перемены и, вероятно, догадывалась о причине, но, будучи женщиной трезвомыслящей, предпочла, ради семейного благополучия, закрыть на это глаза.

Таким образом, в доме Барта Эрвуда царили покой и порядок. Однако нарушилось его личное спокойствие. На четвертые сутки отсутствие убийств, даже самых что ни на есть заурядных, привлекло всеобщее внимание. Пронюхавшие об этом газетчики растребули новость по всему миру и принялись пережевывать ее на разные лады. Полицейское начальство, сбитое с толку, нашло тем не менее простой выход, отвечая назойливым писакам, дескать, налицо результат четкой работы правоохранительных органов.

Барт воспринял происходящее своеобразно – как вызов, брошенный ему лично. Он вообще был из по-

роды тех, кому до всего есть дело, и к тому же отличался жутким упрямством. Загадка не давалась. Она, похоже, относилась к разряду феноменов, объяснение которых сводится к известной формуле: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда».

Шли седьмые сутки со времени прекращения в городе убийств. Во всем остальном мире убивали, как и положено: не больше и не меньше. Там по-прежнему торжествовали законы статистики. Барт сидел за рабочим столом и грыз кончик ручки. Работа не клеилась — мешали навязчивые мысли. В мозгу против воли крутилась одна и та же, с вариантами, картина, — Эрвуд сочинил ее сам, — обыденного, «скучного» преступления. Сидят двое ханыг, заливших основательно за воротник, и выясняют, кто из них больший подлец. Дело доходит до размахивания кулаками и сгребания друг друга за грудки. Тут один хватает со стола бутылку и...

Что за дьявол! Барт никак не мог заставить себя продолжать. Он попытался заменить бутылку ножом, затем топором, ломом — результат тот же. Прокручиваемая в мозгу картина, доходя до развязки, исчезала, словно обрывалась лента кинофильма. Барт отложил ручку, нервно прошелся по кабинету, остановился у окна. Там продолжалась обычная жизнь, с улицы доносился привычный шум. Перекрывая его, раздавалось завывание полицейской сирены, музыкой отозвавшееся в душе старшего офицера, поколесившего, в свое время, на патрульной машине по улицам и проулкам, забираясь в самые мерзкие трущобы, где человеческая жизнь ценилась не выше гроша.

Барт вспомнил, как ухлопал Пивяку Френка — единственный случай, когда он лично убил человека. Было это на первом году службы Эрвуда в полиции. Они с напарником патрулировали в районе Старых Доков. Около двенадцати ночи по радиации сообщили о вооруженном нападении на магазин. Барт лихо рванул, петляя в лабиринте кое-как освещенных улочек. Сворачивая в нужный переулок, они заметили двух типов, которые при виде полицейской машины метнулись обратно в темноту. Одного удалось догнать, другой, это был Френк, заскочил в подвал и тем самым загнал себя в мышеловку. Деваться ему было некуда, и то, что произошло потом, можно считать несчастным случаем. У них обоих, у грабителя и полицейского, просто не выдержали нервы.

С первым налетчиком управились быстро — свалили и защелкнули на руках браслеты. Напарник Эрвуда придавил его коленом и стал вызывать по радиации подкрепление, а сам Барт встал у входа в подвал. Он напряженно всматривался в темноту, тщетно стараясь унять дрожь в руке, сжимающей рукоять пистолета. Из подвала вдруг оглушительно грохнуло — его на секунду ослепила яркая вспышка. «Осторожно, Барт!» — закричал напарник. Эрвуд шархнул к стене. В дверном проеме возникла фигура с обрезом ружья. Барт вскинул руку с оружием и... Дальше как обрезало. Он отер ладонью вспотевший лоб.

В кабинет вошел Терри Анслей. Он был явно возбужден и уже с порога крикнул:

— Барт, попробуй угадать, с какой я новостью!

Эрвуд с надеждой посмотрел на него.

— Опять начали убивать?

— Не угадал! Они теперь еще и воровать перестали.

Терри протянул Барту сводку за текущие сутки. Так и есть — на данный момент ни одного убийства и ни одной кражи. Старший офицер не верил своим глазам. Тут не только статистика, весь жизненный опыт летел к черту. У них в городе, как, впрочем, и повсюду в мире, крали всегда и много. Воровали кому не лень: от сопливых школьников до убеленных сединами старцев; крали нищие бродяги и профессиональные жулики, сутенеры и проститутки, даже домашние хозяйки попадались нет-нет, при попытке стянуть что-либо в магазине самообслуживания. И вдруг все разом перестали?!

— Да что же это такое? — только и смог сказать Эрвуд.

Ночью он спал плохо, несколько раз вставал и, шлепая босыми ногами, шел на кухню, курил и пил холодный чай прямо из чайника, пока Эмили не надоело. Она заставила мужа выпить снотворное. Наутро Барт дал себе слово прекратить самоистязание.

Новость, как и следовало ожидать, взбудоражила общество больше, нежели сообщение о прекращении убийств. Многих она просто напугала, что нередко бывает при столкновении с чем-то из ряда вон выходящим. Другие обыватели предпочли считать происходящее жульничеством полиции, морочащей им головы. Они по-прежнему не доверяли друг другу и не спешили оставлять двери своих квартир открытыми, скорее наоборот, сделались более подозрительными. Была между тем категория граждан, которых это коснулось непосредственным образом.

— Сидим мы сегодня с Гарри Холлинсоном в приемной, — рассказывал любивший потрепаться Питер Бентон, — и тут заявляется один тип, некто О,Брайен по кличке Меломан. Любопытная личность, — выбрал себе необычную и хлопотную работенку, — шляется по разным рок-концертам и дискотекам, и, когда вся толпа там заводится, начинает визжать и прыгать до потолка, он скачет вместе со всеми и при этом шарит у них в карманах... Нет, вы только представьте себе картину: лысая, сорокалетняя образина, с мордой цвета перезрелого помидора и отвислым до колен брюхом, кривляется словно мартышка в толпе шестнадцатилетних юнцов. Улов у него, конечно, мизерный, зато и попадает редко. Так вот. Появляется он у нас, начинает реветь, размазывать по морде сопли и просит его посадить. «С какой это стати?» — спрашиваем мы. «Мне жить не на что, — канючит Меломан, — а работа у меня почему-то не идет. Только собираюсь нырнуть в чей-нибудь карман — ни черта не выходит — теряюсь сразу и стою, как мешком ушибленный. Посадите меня ребята, а?» Гарри ему говорит: «Здесь тебе не богадельня. Иди и займись лучше делом». — «Да, я и делать-то ничего не умею, только воровать, а теперь и это разучился. Прямо не

знаю, что со мной такое...» Гарри смеется: «Попробуй еще разок — стяни чего-нибудь. Вот тогда я тебя с удовольствием посажу!»

Эрвуд смеялся вместе со всеми, хотя и слушал вполуха, занятый непростым делом: подборкой, вопреки данному себе обещанию, ключа к чертовой загадке. Разложив на столе карту города с ближайшими пригородами, Эрвуд отмечал на ней карандашом точки, где по сводкам за последние две недели произошли кражи и убийства. По убийствам четкой картины не вырисовывалось, да и немудрено — их в пригородах всегда было немного, зато с кражами сразу бросалась в глаза закономерность — они лежали за пределами некоей границы, которую Барт старательно вычертил. Получилась довольно правильная окружность с центром где-то в северо-восточном секторе города.

Эрвуд сразу сосредоточился на этом гипотетическом центре, интуитивно чувствуя: разгадка кроется именно там. Но как его найти, не имея четких координат — на местности это десятки многоэтажных зданий, в которых живут или работают тысячи людей. Тем более еще не известно, что именно следует искать, да и нужно ли это делать.

— Барт, тебе что, больше всех надо? — услышал он как бы в ответ на свои мысли.

Анслей и Бентон посмеивались, глядя на взерошенного коллегу. Барт с трудом оторвал взгляд от карты и изобразил на лице подобие улыбки.

— Бери пример с нашего шефа, — сказал Пит. — Я вчера был свидетелем его интервью телевизионщикам из «Вечерних новостей». Наше дорогое начальство, выпучив бараньи глаза в телекамеру, проблеяло: «Отсутствие убийств и краж свидетельствует о четкой работе полиции. Не так ли, господа?».

Питер так похоже изобразил начальника, что Барт и Терри схватились за животы от хохота.

— Теперь я понимаю, Пит, почему тебе не дают повышения, — съехидничал Анслей. — Шеф думает, что ты метишь на его место.

Питер только отмахнулся. Он и сам прекрасно знал, что язык — его главный враг, однако поделаться с собой ничего не мог.

— Пит, — обратился к нему Эрвуд, — а ты согласен с шефом?

— Конечно, согласен, — ответил тот, не раздумывая. — Главная наша задача — не допускать преступления, так? Значит, — раз их нет, — задача выполнена!

Барт почесал за ухом, не сразу найдя, что возразить. В железной, — на первый взгляд, — логике наличествовал существенный изъян: задача-то выполнена, но полиция, похоже, не имеет к этому ни малейшего отношения. Питер, разумеется, ерничал, издеваясь, хотя и за глаза, над начальством.

— А если тебе не подходит объяснение шефа, могу предложить другое, — великодушно предложил он Барту. — Нас загипнотизировали. Промыли мозги всем действительным и потенциальным ворами и мокрушникам; внушили, что красть и убивать грешно.

— Кто?

— Ну, не знаю... Экстрасенсы какие-нибудь или йоги... Теперь они возьмутся за торговцев наркотой и неплательщиков налогов. Город наш станет обителью праведников. Одно плохо, парни. Нам всем наддадут под зад коленом. Полиция-то будет не нужна! Придется подыскивать новую работенку. Лично я пойду в музыканты, куда-нибудь в джаз-банд. В свое время я был клёвым барабанщиком.

Пит выбил ладонями по столу дробь, изображая джазового музыканта. Терри с сомнением покачал головой.

— А тебе не кажется, Пит, что ты станешь похожим на этого твоего Меломана. В твоём возрасте... барабанщиком. В джазе!

— Много ты понимаешь! В джазе обычно солидные мужики играют, это тебе не рок, где лабают сопливые юнцы!

Пит и Терри продолжали болтать, но Эрвуд уже не слушал, захваченный новой версией, на которую, сам того не подозревая, натолкнул его коллега. А что если из вычисленного им «центра» действительно исходит нечто, действующее на мозги, делающее невозможной даже мысль о краже или убийстве. Ведь не смог он сам, как ни старался, представить себе картину убийства. И бедолага Меломан, профессиональный карманник, вдруг разучился красть... Причем действие этого «нечто» распространяется только в пределах окружности, охватывающей целиком город и часть ближайших пригородов... Определенно в этом есть что-то...

Размышляя таким образом, Барт пришел к выводу: необходимо проконсультироваться со специалистом, хотя плохо представлял, с каким именно. Впрочем, к его услугам был компьютер и Интернет, где можно найти ответ на любой вопрос.

Через полчаса Барт знал, что ему требуется в качестве консультанта специалист по высшей нервной деятельности, и имел список научных работников, занятых данной проблематикой. Он выбрал профессора Мёрдока из Университета — созвонился и договорился о встрече.

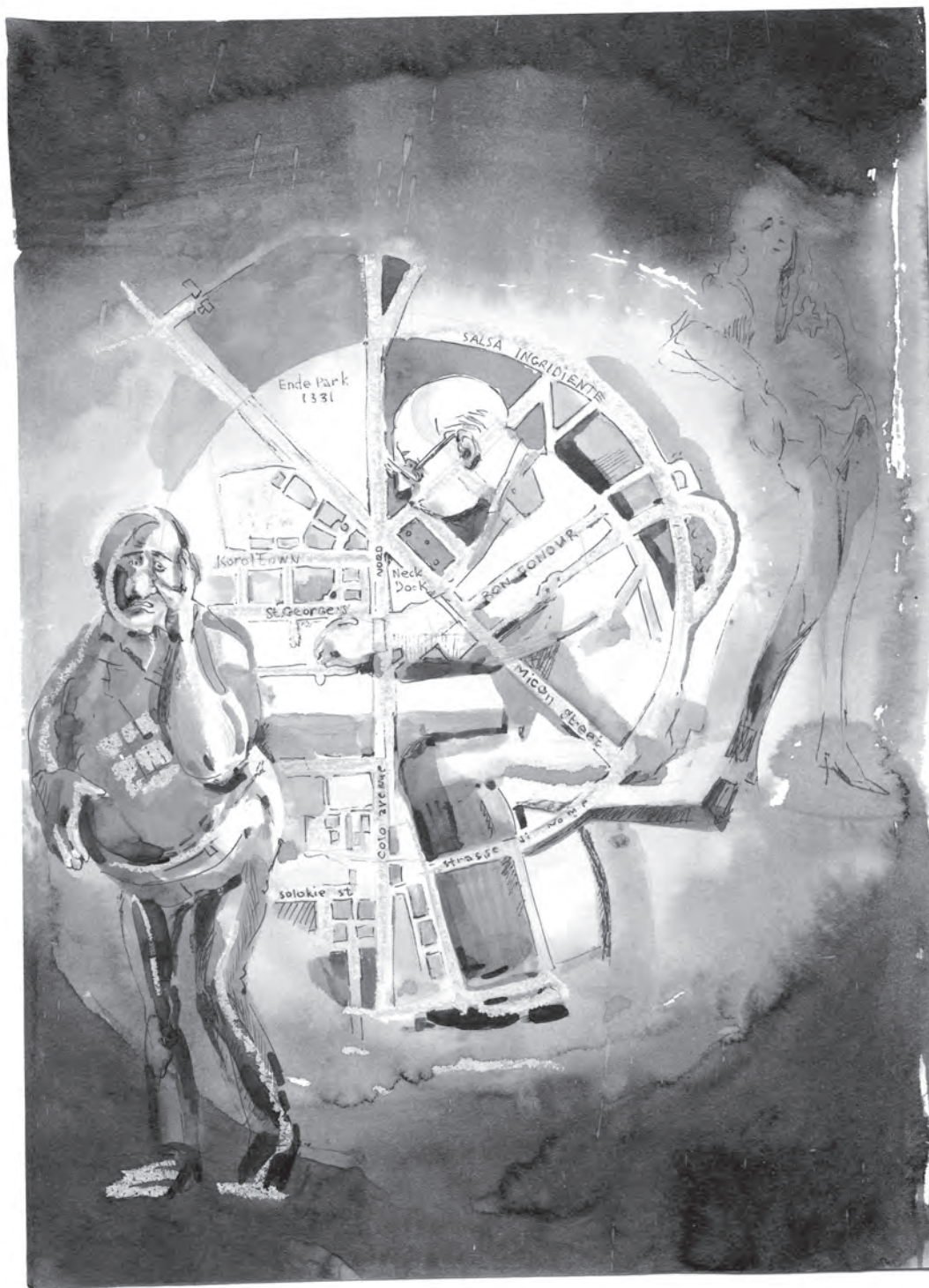
Мёрдок оказался весьма желчным субъектом. С Эрвудом он держался крайне высокомерно, стараясь подчеркнуть всем своим видом, что вынужден тратить драгоценное время на беседу с тупоголовым фараоном.

«Не иначе тебя, приятель, недавно оштрафовали за неправильную парковку автомобиля», — подумал Эрвуд. По собственному опыту он знал: в таких случаях наладить контакт можно, только постоянно выказывая собеседнику уважение.

— Я прошу вас помочь мне разобраться в некоторых вопросах, касающихся вашей специальности, профессор, — как можно более любезным тоном обратился он к Мёрдоку.

Тот презрительно фыркнул.

— Вы уже говорили мне это по телефону. Я даже помню, по какому именно вопросу, — язвительно отозвался Мёрдок. — Речь идет о прекращении в городе преступлений, не так ли?

Барт никак не отреагировал на грубость, продолжая демонстрировать почтение к светилу науки.

— Совершенно верно, только не всех преступлений. За последние две недели не зарегистрировано ни одного убийства, а за последнюю неделю вдобавок и ни одной кражи. Другие преступления, например, сексуального характера, продолжают, как и раньше.

— Но ведь вам как будто все ясно? Убийств нет — значит, полиция стала лучше работать!?

— Не все в полиции придерживаются этого мнения. Я вот, например, так не считаю...

Эрвуд изо всех сил старался выглядеть любезным, хотя в душе готов был послать этого надутого индюка ко всем чертям. Мёрдок, кажется, немного оттаял и, хотя продолжал по инерции брюзжать, больше не смотрел на полицейского, как на злейшего врага.

— А почему вы решили обратиться именно ко мне? Я не юрист и даже не психолог, моя специальность — физиология... Впрочем, можете не отвечать, я, кажется, догадываюсь, что именно вы хотите узнать... Не является ли отсутствие преступлений результатом внешнего воздействия, так?

Эрвуд кивнул.

— Внушение... что-то вроде гипноза? Чувствую... Известны, конечно, случаи массового внушения, но... Нет, сейчас мы имеем дело вовсе не с психологическим воздействием — это ясно даже любому полицейскому болвану... то есть я хотел сказать, что это понятно даже неспециалисту. Вы угадали — ответ нужно искать именно в физиологии. Видите ли, в коре головного мозга есть моторная область и участки, управляющие эмоциями...

Профессор так увлекся, что прочел Барту небольшую лекцию, из которой тот, увы, почти ничего не понял: она изобилвала терминами, вроде «синапсов», «префронтальной области», «центра Вернике», «третьей сигнальной системы».

— ...Так что это возможно, но лишь в теории... Хотя, погодите...

Мёрдок, покопавшись, извлек из огромного книжного шкафа папку, пролежавшую там без употребления, видимо, не один год.

— Вот, — сдувая с документа пыль, сказал он. — Лет восемь тому назад у нас делал доклад некто Макгайр... Я не помню сейчас, где он работал, кажется, его специальностью была биофизика. Он демонстрировал свое изобретение: устройство, якобы способное воздействовать на мозг, вызывая у подопытных животных агрессию, страх и тому подобное... Помню, он притащил клетку с крысами, которые, как только включался аппарат, бросались друг на друга, или наоборот — разбегались в панике в разные стороны; остервенело грызли совершенно несъедобные, даже для крыс, предметы или шарахались от нормальной еды. Очень эффектно выглядел опыт с крысой, которую Макгайр, по его словам, держал несколько суток, не давая воды. Он ставил перед ней миску — крыса, естественно, бежала пить; Макгайр включал аппарат, и бедное животное отскакивало от площадки, как от огня... Да, то, что мы увидели, выглядело очень любопытно, но... Понимаете, этот тип умудрился настроить всех присутствующих против себя. Он держался вызывающе, вообще производил впечатление весьма неуравновешенного субъекта. Объяснить принцип действия устройства он отказался и... Словом, все, что мы увидели, слишком походило на цирковые трюки, о чем Макгайру и было заявлено. Он, конечно, оскорбился и заявил, что не желает иметь с нами ничего общего...

— Извините, профессор, — перебил его Барт, — но какое отношение имеют эти опыты с крысами к тому, что происходит сейчас?

— Не знаю. Может быть, и никакого... а возможно, что и имеют.

Мёрдок раскрыл папку и, полистав содержащиеся там бумаги, продолжил:

— Это текст доклада Макгайра. Вот, послушайте: «... дает возможность контролировать эмоциональные реакции человека, в частности подавлять агрессию...», и еще: «...перейти от эмоциональной сферы к нравственным категориям, создать в сознании установку на невозможность совершения преступлений, таких, как, скажем, убийство...»

— А что с ним стало потом?! Куда он делся?!

Эрвуд понял, что напал, кажется, на след, и, подобно старой полицейской ищейке, готов был немедленно броситься в погоню.

— Не знаю, — ответил Мёрдок. — Лично я больше о нем не слышал. Наверное, уехал...

— Спасибо вам, профессор, за помощь, — стал прощаться Барт. — Можно, я возьму эту папку с собой? Я верну ее, как только...

— Да заберите на здоровье! — отмахнулся Мёрдок.

Выйдя в вестибюль, Барт взял из телефонной кабинки справочник и разыскал там адрес Дж. М. Макгайра. Тот куда-то пропал — и проживал как раз в северо-восточном секторе.

Бартом овладел давно уже забытый им охотничий азарт. Он достал из багажника «мигалку», установил ее на крышу машины, сел за руль и на предельной скорости рванул по улицам под завывание полицейской сирены, позволив себе маленькую слабость — вспомнить молодость. Найдя нужный дом и припарковав автомобиль, Барт минуту-другую сидел, обдумывая дальнейшие действия. Собственно говоря, у него не имелось законного основания вторгаться в чужую квартиру. Макгайр укажет на дверь — он будет вынужден подчиниться. Правда, люди обычно в таких случаях теряются, забывая о своих правах. Главное здесь: быстрота и натиск!

Поднявшись на лифте под самую крышу многоэтажного здания, Эрвуд попал в длинный коридор типа гостиничного. Нужная ему квартира оказалась в конце. Обитая войлоком и дерматином дверь, почерневшая латунная табличка с именем хозяина и выдавший виды коврик с засохшими комочками грязи наводили на мысль о том, что Макгайр не слишком-то заботится о респектабельности своего жилища и что ведет он, вероятнее всего, холостяцкий образ жизни.

Макгайр оказался коротышкой лет сорока с небольшим, растрепанный, в спортивном костюме и стоптанных тапочках. Открыв дверь и увидев полицейского, он явно растерялся.

— Дж. М. Макгайр? — осведомился Эрвуд и показал свой значок.

Тот испуганно кивнул.

— Мне необходимо с вами побеседовать. Разрешите?

Не дожидаясь ответа, Эрвуд вошел в дверь и оказался в тесной прихожей. Прямо по коридору располагалась кухня, направо — жилая комната.

— В чем дело? Что вам от меня нужно? — спросил хозяин квартиры, явно нервничая, что, впрочем, еще ни о чем не говорило.

— Нам будет удобнее разговаривать в комнате, — сказал Эрвуд, заметив при этом: Макгайр еще больше разнервничался и даже постарался загородить собою вход в помещение. Барт сделал вид, будто не замечает нежелания хозяина впустить постороннего, ловко обогнул препятствие и вошел в комнату. Огляделся. Это была гостиная, служащая,

вероятно, и спальней. Ее обстановка подтверждала догадку Барта о том, что Макгайр живет здесь один: не слишком новая разнокалиберная мебель, валяющиеся как попало вещи, отсутствие даже намека на уют. В комнате ничего подозрительного не было, но тут имелась еще дверь, запертая, по-видимому, на замок. Барту показалось, будто из-за двери доносятся какой-то шум. Он прислушался — так и есть — оттуда слышалось тонкое «комариное» гудение какого-то мощного аппарата. Эрвуд ухмыльнулся и бесцеремонно уселся в большое кресло, стоящее как раз напротив запертой двери. Макгайр совсем растерялся.

— Что вам угодно? — визгливо воскликнул он, стоя посреди комнаты, в то время как непрощенный гость, заняв его кресло, поглядывал с ухмылкой.

Лицо полицейского вдруг стало официально-серьезным.

— Вот что, Макгайр, — строго произнес Эрвуд, — нам все известно. Там вы прячете эту штуку?

Он кивнул на запертую дверь и многозначительно постучал пальцем по папке с докладом, которую держал на коленях.

— Какую штуку? — упавшим голосом выдавил из себя хозяин.

— Ту, при помощи которой вы влияете на сознание людей.

Макгайр совсем сник и стоял, потупив взор, словно провинившийся ребенок. Эрвуд молчал, ожидая, когда хозяин окончательно «дозреет», можно будет спокойно его расспросить и тогда уже решать, как поступить. Макгайр молчал не долго: не выдержав психологического напряжения, он заговорил визгливым, срывающимся на истерические нотки голосом, размахивая при этом руками и брызгая слюной:

— Да, я сделал это! Я создал аппарат, подавляющий низменные инстинкты людей, делающий невозможным совершение преступления! Вы не представляете, чего мне это стоило... Десять лет напряженной работы! Мне никто не верил... считали шарлатаном. Я... я могу изменить весь мир!

«Он определенно псих, — решил про себя Барт. — Надо же! А я-то думал, что ученые-безумцы бывают только в кино...»

— Вы, надеюсь, понимаете, что это незаконно. — Тон Эрвуда все время оставался сугубо официальным. — Манипулировать сознанием людей, без их ведома.

— Но я не сделал ничего дурного! Я хотел сделать наш мир лучше! Посмотрите вокруг, в какое ужасное мы живем время: общее падение нравственности, преступления, ложь и лицемерие. Люди забыли Закон Божий, заповеди Моисея...

«Еще и религиозный фанатик к тому же», — подумал Барт.

— Вы говорите: «манипулировать сознанием», — продолжал ораторствовать Макгайр, — а разве наша пресса не делает то же самое?! Разве телевидение не

манипулирует нашим сознанием, насаждая безнравственность...

— Ну, ну, это вы напрасно. Ваше сравнение некорректно. Никто вас не заставляет читать газеты и смотреть телевизор, а вот ваше изобретение не оставляет людям выбора.

— Какого выбора: убивать, красть?!

— В любом случае, то, что вы делаете, противозаконно. Мы живем, слава Богу, в демократической стране!

— А, перестаньте. Эта ваша так называемая демократия неспособна обеспечить людям элементарную безопасность. Что проку в законе, если он не может меня защитить! Только нравственный закон внутри нас, пусть даже введенный искусственно, извне, может уберечь людей от них самих!

Некоторое время Эрвуд молчал.

«Может, он прав, черт возьми, — думал полицейский. — Мы не в состоянии покончить с преступностью, в лучшем случае едва сдерживаем темпы ее роста, а тут раз. — и ни убийств, ни краж! Прodelать такую штуку на законных основаниях едва ли возможно. Какой вой поднимут разные правозащитники: он покушается на святая святых — на свободу людей самим принимать решения!».

— Значит, вы решили заставить людей выполнять десять заповедей? — спросил он. — Почему же вы не начали с первой..., как там: «не сотвори себе кумира», так кажется?

— Я начал с главных: «не убивай» и «не кради». Сейчас мой аппарат настроен так, чтобы сделать невозможным произнесение ложного свидетельства, то есть соблюдать девятую заповедь Моисея. Затем настанет очередь седьмой и десятой заповедей...

Барт поднялся с кресла, прошелся по комнате, разминая ноги, подошел к окну и, слегка отодвинув гардину, смотрел некоторое время на металлическую крышу соседнего дома, составляющую основную часть открывающегося пейзажа.

— Вот что, Макгайр, — сказал он, резко повернувшись к хозяину. — Мне очень жаль, но вам придется поехать со мной в Управление.

— Вы меня арестуете? — упавшим голосом произнес тот.

— Скажем так: вы добровольно явитесь в полицию и сами все расскажете...

Увидев, что Макгайр собирается возразить, Эрвуд добавил строго:

— Не заставляйте меня применять силу! Поверьте, это делается в ваших же интересах.

Когда они вдвоем вошли в кабину лифта, Барт сочувственно оглядел понурого, испуганного человека, этого непризнанного гения, задумавшего изменить мир, и только вздохнул про себя.

«Нет, — думал он, — нельзя допускать, чтобы моим сознанием манипулировал какой-то безумец,... пусть даже гениальный».

А еще он вспомнил Кити и седьмую заповедь, которая, как известно, гласит: «Не прелюбодействуй».

Музейный фонд семьи

Если вы бывали в музее Режевского механического завода, то наверняка обратили внимание на фотографию начала прошлого века. На ней изображены служащие управления Режевского чугуноплавильного и железодельного завода. Что знаем мы, режевляне XXI века, об этих людях, которые своим трудом создавали славу нашего города?

Хочу приподнять завесу времени и рассказать об одном из этих людей — главном бухгалтере Режевского завода начала XX столетия Максимилиане Андреевiche Соколове.

Его отец, Андрей Владимирович, был человеком состоятельным, держал собственное кожевенное заведение. Жил основательно и в трудах. Построил капитальный дом (теперь это здание районного отделения внутренних дел) и детей породил немало: 16 человек (3 сына и 13 дочерей) от трёх жён.

Максимилиану, который родился 5 ноября 1878 года, отец решил дать образование. В 28 лет он начинает карьеру бухгалтера. Сохранился снимок того времени. Впереди вся жизнь с ее крутыми поворотами, о которых молодой Ляно (так звали его в семье) и не предполагает.

В начале карьеры Максимилиан, только что повенчанный с Александрой Андреевной Ушаковой, отправляется на золотой прииск близ Верхнесалдинского завода. Через некоторое время возвращается в Режевской завод и занимает должность главного бухгалтера. У супругов растут уже две дочери — Елизавета и Юлия.

Максимилиан был человеком лёгким по характеру, весельчаком, заводилой, участником любительских спектаклей, организуемых кружком, режевской интеллигенции. В городском историческом

М.А. Соколов с женой Александрой Андреевной. Начало XX века

Управление Режевского чугуноплавильного и железодельного завода. 1910-е годы XX века. М.А.Соколов сидит четвёртый справа.

музее есть фотография этого самодеятельного коллектива на берегу пруда. Максимилиан Андреевич играет на балалайке. Кроме прочего, он был ещё и начальником пожарной дружины Режевского завода — на общественных началах. За безупречное исполнение своих обязанностей на этом поприще его в 1915 году отметила наградой Екатеринбургская уездная земская управа.

1911 год внес изменения в жизнь посёлка. Закрывается из-за экономических неурядиц завод. Но семья Соколовых продолжает жить в Реже. И лишь события 1918 года, когда Режевской завод попадает в пекло Гражданской войны, заставляют Соколовых уехать. Максимилиан Андреевич с женой и дочерьми едут в Верхисетский завод, к старшей сестре Афанасии Андреевне. Там было легче затеряться и не сгинуть в немыслимой круговерти.

Начинается новый этап жизни. В 20–30 годах Соколов работает главным бухгалтером на электростанции имени Рыкова, что стояла на Верхисетском пруду и обеспечивала завод энергией.

С начала Великой Отечественной войны, выйдя к тому времени на пенсию, М.А. Соколов становится бухгалтером Ивановской церкви, что возле Центрального стадиона. Ежедневно вечером на ул. Малышева можно было встретить невысокого пожилого человека с большим рюкзаком за плечами. Всякий раз он направлялся по одному и тому же маршруту — в банк. И никто не догадывался, что в скромном рюкзаке он несёт большие суммы, вырученные церковью за день. Люди молились за воевавших сыновей, мужей, братьев... Всю войну, без всяких автомобилей и инкассаторов, безупречно выполнял свою работу Максимилиан Андреевич. И молился богу. На фронт добровольцем ушёл внук Анатолий Блинничев. Не отмолил его дед: он погиб под Сталинградом в 1943 году. Тогда же в войне произошёл крутой перелом. Случилось это, по святому убеждению Соколова, потому, что Сталин вернул людям церкви...

Умер Максимилиан Андреевич 15 февраля 1948 года в возрасте 69 лет, так и не оправившись от известия о гибели внука. Похороны были очень многолюдными. Траурная процессия растянулась на целый квартал. От самого дома по ул. Заводской гроб несли на руках. Среди провожавших его в последний путь было много визовских рабочих. Похоронен М.А. Соколов по особому разрешению епархии на Ивановском кладбище, вблизи от храма, которому отдал последние годы жизни.

БУШМАНОВА Евдокия Алексеевна (1890 — ?), авт. воспоминаний.

Член КПСС с 1919 г. Много лет была на педагогической, советской и партийной работе. Авт. воспоминаний «О тех, кто первыми шагали в строю» — в сб. «Женщины Урала в революции и труде». Св.. 1963. С. 304–309 (портр).

БЫВАШАЯ ВОСПИТАНИЦА

«Женские взятки» — ст. в газ. «День». 1864. № 39.

Слов. рус. писательниц.

БЫДАРИНА А.

«Петрушка Рудометов: Очерки горнозаводской жизни» — «Отеч. зап.» 1878. № 12.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БЫКОВА Александра Федоровна (урожд. Проскурякова; 1863 —?), авт. популярно-ист. книг для народа.

Дочь сенатора. Авт. попул. книг по истории и географии, в т.ч.: «Смутное время на Руси». М., 1912; «Рассказы из истории Франции XVII–XVIII». СПб., 1905 — Рец. «Рус. Мысль», 1905. № 1; «Рассказы из истории Ирландии (с XII в. до наших дней)». — Рец. «Рус. Мысль» 1902, № 9. С. 300; «Вильгельм Оранский. Борьба Нидерландов за независимость и свободу вероисповедания» Изд. 2-е М., 1898; «Северо-Американские Соединенные Штаты» М., 1898. «Рассказы из истории Англии, об английских королях, об английском парламенте, о внутреннем устройстве Англии». СПб., 1900. Сotr. в «Дет. чтении», «Нар. энциклоп.».

Венгеров. Источ.; Автобиограф.

БЫКОВА Варвара Петровна (1820 — 1886), авт. воспоминаний.

Воспитанница и учительница Смольного института, а затем Девичьего института Восточной Сибири (Иркутск). Преп. франц. язык, литературу и музыку. Была секретарем Совета института, членом комитета Красного Креста, попечительницей бедных жителей Иркутска. Авт. «Записок старой смолянки» — о ссыльных поляках 1890-х гг. (Ч. 1. СПб., 1898; Ч. 2. 1899).

Масанов; Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т. 2. Ч. 2. № 3018; Т. 3. Ч. 2. № 4243.

БЫКОВА Зинаида Ивановна (урожд. Цесоренко; псевд. Тенев, С.; Солнцев и др.; 1878 —?), поэтесса, переводчица.

Жена поэта, критика и библиографа П.В.Быкова. Род. в Таганроге. Оконч. министерскую гимн. Отд. издала пер. стихотв. А. де Мюссе и П.Верлена (1907) и др. Сotr. в «Юго-Зап. Неделе» (1903) — Душа; «Ниве» (1905–11); «Школе и Жизни» (1907); «Современнике» (1912); «Совр. Слове», «Неделе Совр. Слова», «Солнце России» (1910-х гг.); «Вест. Европы» (1916–17); «В.Лит» (1921) — Зинаида Ц; под тем же псевд. — переводы Г.Мопассана (Полн. соб. соч. СПб., 1910); Авт. кн. «Лучи и тени». Стих. Пг., 1916; Сotr. в «Кр. Веч. Газ.» (1925, № от II\IX) — Тенев, С.; Авт. стихотв. «На закате» — «Образование», 1909, № 1, с. 100.

Масанов; Венгеров. Источ.; Автобиограф.

БЫКОВА М., дет. писательница.

Авт. кн. «Первые рассказы из естеств. истории» М., 1877. (Вышло неск. изданий). «Рассказы для маленьких детей» СПб., 1892.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БЫКОВА Мария Арсеньевна (1841 — 1907), народ. учительница.

Венгеров. Источ.

БЫКОВА С., авт. воспоминаний.

«Вниз по Ипуги-реке» // Новое русское слово. 1967. 2 окт (1900-е гг. Летний отдых семьи автора в дачной местности вблизи ст. Злынка полесской ж.д.)

РРЭВД. I.

БЫКОВА Татьяна Александровна (1893 — 1975), библиограф, историк русской книги.

Окончила гимн. Стоюниной и Высш. женские (Бестужевские) курсы. Первая научная работа — пер. кн. Мишле «Жанна д'Арк». С 1930 г. работает в Гос. публ. биб-ке им. Салтыкова-Щедрина. Состояла редактором многих науч. трудов. В соавт. с М.М.Гуревичем подг. и издала 3-томник: «Описание изданий гражданской печати. 1708 — янв. 1725» (1955); «Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — янв. 1725 г» (1956); «Описание изданий, напечатанных при Петре 1. Дополнения и приложения» (1972). Руководила Секцией книги и графики Дома ученых им. А.М.Горького АН СССР в Ленинграде. О ней: Альбина Л.Л., Враская О.Б. Памяти Т.А.Быковой (портр). — «Книга» Сб. 32. М., 1976. С. 223–225.

(Продолжение в следующем номере)

Прошлое on-line

Мишель Магрэ не мог поверить своим глазам и все время отгонял, как назойливую муху, ощущение, что он спит и вот-вот проснется. И вся эта картинка, стоящая перед глазами, исчезнет в какой-нибудь самый дальний, обросший паутиной, чулан памяти. Примерно в такой, какой он в детстве боялся открывать. Но проснуться не получилось. Все же трудно проснуться, если не спишь и перед глазами такая «картинка», да еще, как в новомодном кинотеатре, с запахом... специфическим запахом.

— Вони будет! Когда жил, от него не продохнуть было, а теперь, после такой смерти, хоть противогаз надевай. — К Магрэ подошел старший инспектор полиции Питер Кляйн. — И рождаются же такие люди — ни при жизни от них нет покоя, ни когда переходят в мир иной, где все, по идее, должны становиться паиньками. — Кляйн вытащил из кармана смятую пачку «Gauloises» и закурил.

— Что говорят свидетели?

— А ничего! Покойник приехал в ресторан в восемь вечера, правда, тогда он еще не был покойником, — тут же уточнил старший инспектор. — С двумя своими телохранителями зашел в этот отдельный кабинет. Стол был уже заранее сервирован. Все проверив, охранники вышли и встали за дверью. Через десять минут приехала его очередная пассия. Охрана ее тут же пропустила. Дамочка открыла дверь в кабинет... ну и увидела все это. Вскрик, и едва одним трупом не стало больше. По крайней мере, нашему судебному эксперту пришлось трянуть стариной и, к его огромному удовольствию,

сначала заняться живым женским телом. Охранники тут же ворвались в кабинет, затем вызвали нас, предварительно любезно все тут облевав.

— Кабинет осматривали?

— Дважды сканерами. Другого хода туда нет. Только через дверь, которую контролировала охрана.

— Значит, она его и убила.

— Не похоже, — Кляйн отрицательно мотнул головой. — В кабинете словно все стены в крови, и не мудрено — покойника словно через мясорубку пропустили. А на одежде охранников следов крови нет. По крайней мере, визуально не видно.

Магрэ не сдавался:

— Переоделись.

— После того, как они вышли из кабинета, они все время были на виду у obsługi. И потом, где орудие убийства?

— Так его что, призрак убил?

— Похоже. Зная покойника, я этому не удивлюсь — слишком за ним много числится человеческих душ... А, дерьмо! — Кляйн смял недокуренную сигарету и бросил ее на пол.

— Что дерьмо? Покойник, наши дела или сигарета?

— Все!

Мишель Магрэ, верховный комиссар уголовной полиции Франции, не спеша, поднимался по ступенькам здания на Набережной Орфев и думал, что он скажет президенту. Он понимал: разговор будет тяжелым, одним из тех, из-за которых иногда ломаются карьеры. Питер прав — вони будет много. Еще бы! Убит Франсуа Миньон, основной кандидат на пост президента страны и самая

одиозная личность в новейшей истории Франции. О его жестокости, коварстве, сексуальных извращениях ходили легенды. Если, конечно, можно применить это красивое слово к столь низким человеческим порокам. Начиная репортером в желтой газетенке, Франсуа Миньон, словно бульдозер, попер вверх и через двадцать лет стал крупнейшим медиамагнатом Франции. Его карьера была буквально выстлана разоренными газетами, журналами, телевизионными каналами, покончившими жизнь, а то и просто исчезнувшими редакторами изданий и журналистами. С завидной периодичностью раз в полгода Францию сотрясал очередной скандал, в центре которого был Франсуа Миньон и какая-нибудь очередная актриса, певичка, а то и целый их хор. Но бесконечная череда расследований заканчивалась ничем. Свидетели исчезали, потерпевшие забирала назад свои заявления, и суд присяжных неизменно штамповал вердикт: «Невиновен». И, несмотря на все это, играя на каких-то потаенных струнах подсознания, популярность этого человека росла, словно на дрожжах. Наверное, изнеженным французам конца двадцать первого века импонировала эта животная жестокость, напористость и сексуальная неистовость. Женщины в нем видели то, чего давно не видели в своем мужском окружении — стопроцентного самца. А мужчины ощущали в нем твердую руку вожака, способную сплотить их в дружное стадо и придать хоть какой-то смысл их жизни. И вот такая развязка. Вместо президентского кабинета

на Елисейских полях черный пластиковый мешок. Франсуа Миньон убит — и как убит! Разделан, словно баран на живодерне, вернее, словно из него хотели приготовить шашлык и мелко порубили на куски.

Мишель Магрэ уже представлял аршинные заголовки на первых полосах газет: «Бойня в Париже: убит Франсуа Миньон — основной кандидат на пост президента страны», «Расплата за грехи или политический заказ?», «Из кандидата в президенты сделали тушенку». Да, разговор с президентом предстоит трудный. Верховный комиссар вздохнул и открыл входную дверь во Дворец правосудия.

Он еще не знал, что самый кошмарный месяц в его жизни, словно железнодорожный экспресс, пройдя последнюю стрелку, уже несся на него, плотно трамбуя воздух.

Через неделю Мишель Магрэ, моргая красными от постоянного недосыпа глазами, смотрел на изувеченную голову депутата Национального Собрания Франции Пьера Кардена и изо всех сил пытался подавить неприличный в таких обстоятельствах зевок. Ему уже не казалось, что он спит. Эта иллюзия у него полностью развеялась, когда он два дня назад смотрел на бездыханный труп председателя Национального банка Франции Жана Мурдые. Скорчившийся обнаженный труп лежал у кромки бассейна на мраморном полу, и капли воды медленно высыхали на остывающем теле. Да, не благообразна смерть, если в воде через тебя пройдет пара тысяч вольт.

Как и в случае смерти Франсуа Миньона, охрана ничего внятного сказать не могла. Когда Жан Мурдые принимал водные процедуры, никого постороннего в бассейне не было. Банкир и политик в одном лице беззаботно плескался в бассейне, когда неожиданно он как-то нечленораздельно вскрикнул — и вот уже его скорченное тело покачивается на середине бассейна лицом вниз. Охранники, не разобравшись, в чем дело, си-

ганули в воду, вытащили Мурдые из воды и попытались сделать ему массаж сердца и искусственное дыхание. Естественно, тот не воскрес.

Когда через полчаса прибывший на место происшествия судмедэксперт констатировал смерть от поражения током, шкафоподобным парням стало плохо. И они наверняка возблагодарили Господа за чудесное свое спасение. Тщательнейшее обследование бассейна ничего не выявило — кабель, по которому можно было бы подвести несколько тысяч вольт, обнаружен не был.

Мистика! Комиссар криминальной полиции Мишель Магрэ уже помаленьку начинал верить в призрака с кухонным тесаком и высоковольтным кабелем вместо косы. И вот теперь Пьер Карден. Два часа назад он приехал в Национальное собрание, а еще через час его нашли с проломленной головой в одном из туалетов. Известие о том, что вновь обнаружено никаких следов, комиссар полиции воспринял как само собой разумеющееся. К тесаку и высоковольтному кабелю у призрака Магрэ мысленно добавил молоток.

— Не хотел бы я так умереть — со спущенными трусами и штанами, сидя на унитазе. — Стоящий рядом Питер Кляйн курил неизменные «Gauloises». — Хотя, если откровенно, покойник этого заслужил.

Мишель согласно кивнул головой. Наверное, не найдется ни одной газеты во Франции, начинающая от желтого бульварного листка «Пляс Пигаль» до уважаемого «Фигаро», которая не смаковала бы коррупционные скандалы, периодически возникавшие вокруг Кардена. Но эти газетные бури для депутата были, что легкий бриз для океанского лайнера. Никто никогда ничего не мог доказать, и Карден выигрывал один процесс за другим у издательств, разоряя их компенсациями за возмещение морального ущерба.

— Как и Мурдые, — Магрэ посмотрел Кляйну в глаза.

Тот согласно кивнул головой. Оба поняли, о чем идет речь. Вчера в «Ле монд» была опубликована статья под скандальным названием «Французский Робин Гуд уничтожает нечистоплотных политиков».

— Шеф, вы думаете, это мотив?

— А другого у нас ничего нет. Все три трупа связывало одно. Все они были политиками с весьма скандальной репутацией.

— Такой мотив есть у половины страны. Каждый второй француз, подвернись ему случай, был бы не прочь расправиться со многими нашими дерьмовыми политиками.

— Не скажи. Согласно социологическим опросам, тот же Миньон набирал больше шестидесяти процентов на предстоящих выборах.

Кляйн на эти слова шефа пожал плечами и невесело улыбнулся:

— Я скоро начну верить в призраки.

— А я уже верю!

Дома Магрэ долго пытался ухватить мысль, скользнувшую у него в голове при осмотре трупа. Что-то связанное с призраками, что-то он такое когда-то читал. Только вот что? А может, он все перепутал?...

Но тут в его кабинет проникли запахи, доносившиеся из гостиной. Миссис Магрэ принесла туда из кухни свое фирменное блюдо — телячью голову с зеленым соусом тартар! И ароматный запах жареных телячьих мозгов мгновенно вытеснил из других мозгов какие-либо мысли, не связанные с этой аппетитной ноздреватой массой, наполнявшей череп животного.

Четвертый труп появился через два дня. На выходе из одного закрытого пригородного клуба был расстрелян вместе со своей охранной популярный политик и самый высокооплачиваемый адвокат Франции Жак Риволи. Известность ему принесли несколько процессов, где он с блеском защищал банкиров и политиков, обвиняемых в коррупции и преднамеренных банкротствах банков, находящихся в их подчинении. Находя ошибки в процессуальных

действиях власти, адвокат Риволи сначала исключал из доказательной базы некоторые важные улики, добытые с нарушением закона, а затем и полностью добивался оправдания своих подзащитных. И наверняка из-за этих его способностей он, помимо прочего, занимал руководящий пост в одной влиятельной политической партии.

Когда на стол комиссару криминальной полиции лег отчет баллистической экспертизы, он только витиевато выругался: как следовало из отчета, стрельба велась вдоль забора клуба, но ни в телах, ни рядом с ними не было обнаружено ни одной пули и не найдено было ни одной гильзы. Охрана клуба показала, что стрельба началась, едва за Риволи и его людьми закрылась калитка. И хотя и калитка, и прилегающий к клубу забор сплошь состояли из прутьев и видимость поэтому была превосходная, никто ничего не заметил. Ни людей, ни отъезжающего автомобиля! Несколько секунд стрельбы, изрешеченные пулями, обливающиеся кровью люди валяются с ног, и вновь спокойная, загородная тишина. Теперь среди аксессуаров призрака — тесака, молотка и высоковольтного кабеля — комиссар полиции «разглядел» и девятимиллиметровый «люггер» в подмышечной кобуре.

Девять дней — четыре трупа: Франсуа Миньон, Жан Мурдые, Пьер Карден и, наконец, Жак Риволи. И каких трупа! При жизни все эти люди занимали значительное место в жизни Франции, были известными политиками. И хотя все они были убиты по-разному, Мишель Магрэ ни секунды не сомневался, что все это дело рук одного человека. Человека, оставляющего на месте преступления весьма характерный след — абсолютную неуловимость. Человек-призрак, человек-невидимка. А может, вообще никакого человека не было? Тогда что же их убило — бестелесный дух?

И опять какая-то мысль, словно призрачный «Летучий голландец»,

заскользнула по извилинам мозга верховного комиссара криминальной полиции, никак не желая встать там на якорь.

В абсолютной тишине громко подобно зазвонил телефон.

— Шеф, это я, Питер. Тут я кое-что раскопал. Правда, не знаю, как это отнести к убийству Риволи...

— Не тяни, говори!

— За неделю до убийства около этого клуба тоже была стрельба. В прошлый понедельник глубокой ночью охрана услышала стрельбу за забором. Пока они очухались, стрельба прекратилась. Они тщательно все осмотрели у себя, но никаких следов от пуль не обнаружили. Похоже, что стреляли вдоль забора.

— Так же, как и стреляли в Риволи!

— А я о чем говорю! Будто пристреливались. Но зачем? Выехать на рекогносцировку — это одно дело, но зачем при этом палить? Он что, этот призрак, сумасшедший? Ничего не понимаю!

— А я вот, кажется, понимаю!

— Шеф, не понял?...

— Завтра расскажу! — Магрэ топроливо нажал кнопку отбоя.

Неуловимая мысль, наконец, бросила якорь у него в голове. Правда, за чертой, отделяющей здравый смысл от безумия. Но лишь она объясняла всю таинственность, всю мистику, связанную с этими убийствами. Покусывающая губы от нетерпения, Мишель Магрэ включил компьютер и задал несколько ключевых слов поисковой программе. Через пару минут на мониторе высветилась искомая информация, выуженная из поистине бездонных глубин Интернета. Он быстро пробежал ее глазами — все правильно, он не ошибся!

Еще час комиссар делал необходимые звонки. Везде он задавал один и тот же вопрос и везде получал один и тот же ответ. Наконец, остался последний звонок.

— Мсье Лагранж? Говорит комиссар Магрэ. Мне необходима ваша консультация в связи с одним делом, которое расследует полиция. Когда с вами можно

встретиться? Отлично! Меня это устраивает.

Положив трубку, Мишель Магрэ довольно улыбнулся — расследование подходило к концу.

* * *

— Извините, мсье Магрэ, за некоторый беспорядок, но, сами понимаете, строительство в самом разгаре. — Директор Института проблем фундаментальной физики Поль Лагранж чуть развел руками, оправдываясь.

— Я все понимаю, мсье. И, учитывая вашу занятость, постараюсь не злоупотреблять вашим временем. Несколько лет назад я случайно в одном журнале прочел статью, где вы утверждали, что теоретически возможно в любой конкретной точке пространства воссоздать все энергетические воздействия, проходившие в ней в прошлом. Меня интересует один вопрос: что-нибудь практическое на этом направлении сделано?

— Кое-что, — через длинную паузу ответил директор института.

— А что именно?

Вновь последовала длинная пауза.

— Хорошо, — наконец ответил Лагранж. — Давайте-ка я вам лучше это покажу. Так будет наглядней.

— С удовольствием, мсье!

Они вышли из кабинета, прошли по захлапленному коридору и вышли во двор. Лагранж уверенно повел своего собеседника к идущей невдалеке стройке.

— Тут у нас будет основной корпус института. В нем разместится ускоритель элементарных частиц, с помощью которого, я надеюсь, мы поймем много нового в замыслах Бога. А раньше на этом месте чуть ли не сарай стоял!

— Прогресс, — вежливо поддакнул ученому полицейский. — Старое уступает место новому,

Они остановились у разрушенной старой стены.

— Старое никогда не уступает место новому. Для этого его необходимо разрушить, например, как

вот эту стену. — Профессор похлопал по остаткам стены рукой.

— А если старое поддерживают некоторые люди? — Магрэ посмотрел в глаза ученому.

Тот молча выдержал этот взгляд. Лёгкий ветерок трепал его колоритную рыжую шевелюру.

— А если старое — это коррупция, коварство, извращения. Как тогда быть? — продолжал Магрэ, наблюдая за поддериживающимся правым веком Лагранжа.

— Я уже сказал, старое, мешающее новому, необходимо разрушать, — выдал ученый.

— И людей?

И тут Лагранж взорвался, словно выкрикивая давно наболевшее:

— И людей! Из-за продажных, развращенных политиков прекрасная Франция становится похожей на свалку, заселенную всяким сбродом со всех уголков планеты. Эти политики, с потрохами купленные крупным капиталом, поддерживают законы, позволяющие свободно приезжать к нам неграм и арабам — дешевой рабочей силе. Скоро старая, добрая Франция станет мусульманской страной, как какие-нибудь Марокко или Судан! И никому до

этого нет дела! Все заняты поисками денег и удовольствий!

На фоне этой гневной тирады контрастно прозвучал тихий вопрос:

— Как вы их убили, мсье Лагранж?

Ученый замер, словно налетев на препятствие, затем, усмехнувшись, уже спокойным голосом спросил:

— Вы в самом деле хотите это узнать?

— Вы преступили закон, мсье Лагранж. И должны за это ответить, каковыми бы благородными ни были ваши мотивы.

— Сейчас закон устанавливает не народ, а грязные политики! — холодным, спокойным тоном ответил ученый.

— Которых выбирает народ. Итак, мсье Лагранж, как вы их убили?

Директор института секунду помедлил.

— Что ж, вы сами захотели это узнать... Я создал прибор, позволяющий вернуть назад прошлое. Вот он! — Лагранж выхватил из кармана халата нечто, похожее на мобильный телефон.

— Эта коробочка?! — В голосе комиссара слышалось откровенное недоверие.

— Нет, конечно. Сама установка находится в подвале, под моим кабинетом. А это пульт управления. С помощью его я могу настроить установку на любую точку пространства и воспроизвести там всю ее прошлую энергетическую историю и притом мгновенно! Уже сейчас я могу спрессовать энергию за неделю. Но это только начало! Скоро я смогу аккумулировать энергию за сотни лет! Я создал машину времени, только не для материи, а для энергии, точнее — для непосредственных ее носителей! Если, допустим, на месте какого-нибудь дома сто лет назад была дорога, то нажатием одной кнопки я заставлю, чтобы через дом мгновенно пронеслись все автомобили, которые ездили по этому месту на протяжении века. Его мгновенно сотрёт с лица Земли! Я смогу, если захочу, направить на Париж все снаряды, которые были по нему выпущены за две мировые войны! Я смогу, чтобы вновь на улицах засвистели пули, которыми расстреливали коммунаров, этих честных борцов с вашим прогнившим буржуазным строем. И Париж сейчас этого действительно заслуживает!...

Рассказывая о своем изобретении, Лагранж все сильнее и сильнее возбуждался, в глазах появился азартный блеск. Казалось, он забыл обо всем на свете, включая обвинение в убийствах.

— И аналогично вы убили этих людей? Везде, за несколько дней до преступления, свидетели вспоминали, что видели человека с приметной рыжей шевелюрой.

— Пусть вспоминают! Когда я захотел убить Миньона, я просто за два дня до этого снял кабинет в ресторане, где он любил встречаться со своими любовницами, и как помешанный целый час махал там огромным тесаком. Теперь достаточно было мне нажать на этом пульте кнопку, предварительно установив таймер прошлого на глубину в два дня, как все те мои махания в одну секунду воспроизвелись в том кабинете... — Легкий румянец проступил на обычно бледном профессорском лице, азартный блеск в глазах еще более усилился.

«Господи, он сумасшедший!» — Комиссар полиции невольно чуть отступил в сторону, вплотную приблизившись к остаткам стены.

— И несчастного буквально изрубил на куски, — хриплым от волнения голосом продолжил он разговор.

— Поделом ему! Про Мурдые я знал, что он любит по вторникам и пятницам плавать в бассейне. Накануне я заплатил за час бассейна и все это время с помощью обычной розетки пропускал через воду ток. Затем за секунду пропустил весь этот ток через Мурдые.

— А в случае с Карденом, зная, что он страдает недержанием мочи и обязательно пойдет в туалет, махали там молотком, — скорее, констатировал, чем спросил полицейский.

— Вы проникательны, комиссар. — Лагранж иронично усмехнулся, и глаза ученого гневно сверкнули. — Каждый из них удостоился той смерти, которую заслужил!

— Мне придется вас арестовать, мсье!

В ответ Лагранж расхохотался:

— Не получится! Неужели вы этого до сих пор не поняли, комиссар? И дело даже не в том, что у вас нет ордера на арест — какой бы здравомыслящий прокурор

вам бы его выдал?! Дело в том, что строительные рабочие не только привезли свою технику, но уже и разрушили эту стену! — И тут же, еще сильнее расхохотавшись, он большим пальцем утопил кнопку на пульте.

Что-то подобное комиссар когда-то уже слышал. Или читал? И человек, к которому относились эти слова, потерял голову. О, Господи!

Инстинктивно Магрэ оглянулся. Последнее, что он заметил, был несущийся прямо в голову огромный стальной шар, которым ломают старые стены...

* * *

Необъяснимый и ужасный случай произошел вчера на территории института проблем фундаментальной физики. Находящийся там для получения консультации у директора института профессора Лагранжа Верховный комиссар криминальной полиции Мишель Магрэ был буквально раздавлен силой неизвестного происхождения. Стоящий рядом и чудом уцелевший профессор Поль Лагранж находится в шоковом состоянии. Полиция в растерянности.

Напомним нашим читателям, что комиссар Мишель Магрэ вел расследование серии загадочных убийств известных политиков. Наша газета небезосновательно предположила, что это дело рук таинственного французского Робин Гуда, таким радикальным методом борющегося с продажностью и нечистоплотностью современной французской политики. И не означает ли, что смерть верховного комиссара — это недвусмысленный знак от него: не мешайте мне выполнять свою работу? Интересно, найдется ли теперь кто-нибудь в полиции, который после всего случившегося не побоится заняться этим делом?

(Из статьи «Французский Робин Гуд — криминальная полиция — 5: 0» газеты «Ле Монд»)

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫМ МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ-2007

при участии:

- турклуба УрГУ
- министерства по физической культуре, спорту и туризму свердловской области
- управления по развитию физической культуры, спорта и туризма г. Екатеринбурга

27 мая

на Плотинке

Приглашаем участников
и зрителей!

ОХОТА. РЫБАЛКА

(в России и за рубежом)

IV межрегиональная выставка-ярмарка

10-13 АПРЕЛЯ 2007

РАЗДЕЛЫ ВЫСТАВКИ:

- Рыболовное и охотничье снаряжение, экипировка
- Рыболовные снасти
- Оружие, аксессуары, амуниция
- Оптика, приборы, оборудование
- Техника для охоты и рыбалки
- Снаряжение для туризма и активного отдыха
- Снаряжение и оборудование для подводной охоты
- Рыболовно-охотничьи хозяйства и базы
- Рыболовно-охотничьи туры по России и за рубежом
- Спортивно-туристические маршруты по Уралу
- Базы отдыха и санатории Урала
- Специализированные издания для охотников, рыболовов и путешественников

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ:

КОСК "Россия", Екатеринбург, ул. Высоцкого, 14.

Тел. (343) 347-48-07, 347-18-32 e-mail: vystavka@kosk.ru www.kosk.ru